

БОГАТЕНЬКИЕ ПАРНИ ИЗ
ПОДГОТОВИТЕЛЬНОЙ АКАДЕМИИ БЕРБЕРРИ.
ГОД ТРЕТИЙ

НА ЗАВИСТЬ ИДОЛАМ

ПРОЩЕНИЕ - ЭТО ДОБРОДЕТЕЛЬ...

АВТОР БЕСТСЕЛЕРОВ ПО ВЕРСИИ USA TODAY

К. М. СТАНИЧ

Поделиться новой девушкой.

Это будет нелегко, не так ли?

Особенно когда мы пытаемся сохранить наши троны на социальной сцене Академии Бёрберри.

Марни учится прощать нас; самое меньшее, что мы можем сделать, — это защитить её.

Давайте посмотрим, кто сможет заставить её влюбиться первым.

На этот раз пари не будет. На этот раз на кону только наши сердца.

***

Сразиться с подлыми богатенькими девочками — и сделать это с помощью мальчиков.

Это мы против них, и это будет некрасиво.

Король школы, взбешённый нарколептик, рок-звезда с татуировками, игрок в футбол и принц.

Пятеро парней, которые поддерживают меня, пятеро парней, от которых у меня порхают бабочки.

Они говорят, что изменили свой образ жизни; пришло время посмотреть, смогут ли они сдержать это обещание.

Содержание: Пролог + 23 главы + Эпилог

Переводчик: Lana.Pa

Редактор: Настёна

Обложка: Wolf A.

Переведено для группы Золочевская Ирина || Б. Б. Рейд

Примечание автора

****Возможные спойлеры****

«На зависть Идолам» — это роман об обратном гареме, с хулиганами в академии. Что именно это значит? Это означает, что у нашей главной героини, Марни Рид, к концу серии будет как минимум три любовных увлечения. Это также означает, что на протяжении большей части этой книги любовные интересы просят прощения у Марни, но также и борются друг с другом. Эта книга никоим образом не оправдывает издевательства и не романтизирует их. Если любовные интересы в этой истории хотят завоевать расположение главной героини, им придётся изменить свой образ жизни, принять её месть и принять её прощение.

Карма — сука, особенно когда она приходит в образе Марни Рид.

Любые поцелуи/сексуальные сцены с участием Марни происходят по обоюдному согласию. Возможно, эта книга и о старшеклассниках, но я бы не назвала их детьми. Персонажи жестокие, эмоции настоящие, нецензурная лексика широко используется. Есть несколько случаев употребления алкоголя несовершеннолетними, сексуальные ситуации, упоминания о прошлых попытках са***ва и другие сценарии для взрослых.

Ни один из главных героев не младше семнадцати лет. У этой серии будет счастливый конец в четвертой и последней книге.

Его взгляд подобен льду, но пальцы на ощупь как огонь.

Я поднимаю руки, чтобы прикрыть лицо, но Тристан протягивает руку и опускает их, делясь со мной тайной улыбкой, которой, я чувствую, мои губы внезапно отчаянно хотят соответствовать. Мы лежим на спине на кровати, тяжело дыша, когда открывается дверь и входит Лиззи Уолтон.

— Чёрт, я думал, она заперта, — говорит Тристан, садясь и проводя пальцами по своим тёмным волосам. Сейчас они не так идеальны. Вместо этого они растрёпаны и это выглядит гораздо милее, чем я когда-либо видела. Что ж, если конечно вы когда-нибудь могли бы назвать Тристана Вандербильта милым. Сексуальным, определённо. Высоким, темноволосым и красивым. Конечно. Но милым?

В любом случае, на этом трудно сосредоточиться, потому что выражение лица Лиззи похоже на разбитое стекло. Чувство вины пронзает меня, как нож. Но я не просила об этом, ни о чём из этого.

— Гости подъезжают, — шепчет она, глядя на нас, удивляясь, а может быть, и догадываясь о том, что мы делали. Хотя, наверное, это попытка — не знать. Если бы я застала её и Тристана в подобном положении, я бы сошла с ума. Но это не то, на что похоже; это не то, чем кажется. — Уильям в ярости; он ищет тебя.

— Конечно, он в ярости, — хмуро отвечает Тристан, проводя ладонью по вспотевшему лицу. — Я больше не просто убудок, я позор.

Лиззи заходит в комнату и закрывает за собой дверь, прислоняясь спиной к дереву. Она встречается взглядом с Тристаном.

Где-то внизу ждут остальные четыре моих парня. Мне больше не кажется таким странным говорить это, парни, во множественном числе. Сейчас это почти естественно. В конце концов, мне придётся выбирать. Но не сегодня. И не на следующей неделе. Но в конце следующего года... что тогда произойдёт? У меня болит сердце при одной мысли об этом.

— Что? — спрашивает Тристан, всё его тело напрягается, мышцы напряжены.

Лиззи закрывает глаза, а затем поднимает руку, снимая с пальца обручальное кольцо. Когда она снова открывает глаза, я вижу это: любовь, желание и отчаянную нужду.

— Я не знаю, что произойдёт, если я скажу своим родителям «нет», — говорит она, глядя на кольцо. — Я думаю, они любят меня достаточно сильно, чтобы пережить это, но... Я не могу этого сделать. Я не могу выйти замуж за Марсея.

Я встаю со своей стороны кровати, провожу ладонями по переднему своему кремовому атласному платью, чтобы разгладить складки. Но Лиззи на меня не смотрит. Нет, всё её внимание сосредоточено на Тристане. Её янтарные глаза горят решимостью, в то время как у Тристана ровный, нейтрально-серый цвет. Я не могу его понять; я абсолютно его не понимаю.

— Зачем ты мне об этом говоришь? — спрашивает он, вставая и потянувшись за своей рубашкой. Он натягивает его через голову и смотрит на неё со странной смесью разочарования и растерянности. — Мой отец вышел на тропу войны. Ты ему не нравишься, и Марни ему не нравится, и он не хочет, чтобы весь совет директоров Клуба Бесконечности ввалился в наш дом, чтобы вынести решение.

— Прямо сейчас меня не волнует Клуб Бесконечности, — говорит она, и моё сердце

начинает бешено колотиться, вторя пульсирующей точке, которую я вижу бьющейся у неё на горле. Она делает шаг вперёд, но Тристан не двигается с места. — Всё, что меня волнует, — это ты, Тристан. Я люблю тебя.

И вот оно. Правда. Правда, которой я боялась с тех пор, как впервые увидела Лиззи Уолтон на той вечеринке у озера.

Я не должна быть эгоисткой. Я должна отпустить его. Я должна... У меня есть ещё четверо парней, которые мне небезразличны, так почему я стою здесь с таким чувством, будто у меня вырывают сердце? Если я уже боюсь того последнего момента, когда мне придётся делать выбор между ними, то почему бы не отпустить Тристана сейчас? Почему бы не позволить ему быть с девушкой, которая любит его, девушкой, которая весь год была ему всего лишь верным другом? И если он тоже любит её, то, возможно, им суждено было быть вместе.

— Я... — начинаю я, привлекая их взгляды. Я не уверена в том, что собираюсь сказать. Я люблю тебя? Или я думаю, что ты должен быть с ней? Может быть, что-то совсем другое? Но затем дверь открывается, и появляется Виндзор Йорк с расслабленным выражением лица, само воплощение беспечности.

Он не беспокоится об этой встрече, ему всё равно.

— Уильям Вандербилт — умный человек, не так ли? — говорит принц с чётким акцентом. Он входит в комнату, одетый в свою форму третьекурсника, и переводит взгляд с нас троих на меня. Я знаю, он чувствует напряжение: Виндзор — очень умный мальч.

— В каком плане? — спрашивает Тристан, у него трясутся руки. Он полностью избегает конфронтации с Лиззи. — Что он натворил на этот раз?

— Он нашёл женщину, которая будет платить его взносы в Клуб Бесконечности. — Лицо Тристана каменеет, но Виндзор ещё не закончил. — Но не твои. Только его. Он уже пустил слух, что отрекается от тебя.

Кто-нибудь другой мог бы подумать, что Тристан воспринимает эту новость настолько спокойно, насколько это возможно. Чёрт, он выглядит почти скучающим. Но я знаю лучше. Его глаза почти незаметно расширяются, кулаки едва заметно сжимаются.

— Я понял. — Голос Тристана ровный, как коньяк, шелковистый, тёмный и роскошный. Хотя за ним скрывается так много боли. Так много. Лиззи тянется к его руке, но он отступает назад и замыкается в себе. В её взгляде мелькает обида, но говорить об этом нет времени.

— Я заплатил за тебя, — произносит Виндзор, и на этот раз Тристан не может скрыть своего удивления. Он потрясённо поднимает взгляд и смотрит на принца. Винд просто засовывает руки в карманы и улыбается. — Моя принцесса получит всё, что только захочет. И она не хочет, чтобы ты остался бездомным и тебя выгнали из академии. — Принц неторопливо входит в комнату, протягивает руку и разглаживает ладонью несколько складок на рубашке Тристана. — Он аннулировал оплату твоего обучения. Но ты ведь уже знал это, верно?

Мои глаза расширяются, и я в шоке поворачиваюсь к Тристану.

— Ты знал, что не вернёшься в Бёрберри в следующем году, это правда? — спрашиваю я, но он не смотрит на меня. Он всё ещё слишком сосредоточен на Виндзоре.

— Его я тоже оплатил. — Винд замолкает, вздыхает и опускает руки по швам. — Итак... Я полагаю, Марни — не единственный случай благотворительности в академии, да? — Виндзор улыбается, и в этом есть что-то острое, похожее на обоюдоострый меч. Как

оружие. Острый, гладкий, смертоносный. Он может защищать... но он также может убивать. — Ты сможешь поблагодарить меня позже. А пока нам нужно посетить заседание клуба.

Виндзор поворачивается ко мне и складывает руки в молитвенной позе, в то время как Тристан отворачивается, стремительно уходит и хлопает дверью своей ванной. Лиззи закрывает лицо руками и ничего не говорит.

— Вам, миледи, придётся уйти. Миранда ждёт тебя снаружи. Лица, не являющиеся членами клуба, не допускаются. — Он делает шаг вперёд и убирает прядь волос со лба, отчего они встают дыбом, как всегда. Его карие глаза блестят, когда он протягивает руку и запускает пальцы в мои золотисто-розовые локоны. Сейчас они стали намного длиннее, но я думаю, что могла бы снова подстричься. Мне нравится с таким образом; это кажется смелым.

— Ты позаботишься о Зейде, Криде и Заке вместо меня, верно? — спрашиваю я, не то чтобы они действительно нуждались в заботе, но... такое чувство, что Винд — моя поддержка, молчаливая тень, которая всегда рядом, чтобы защитить меня и моих близких. С ним я чувствую себя в безопасности. — Ты уже позаботился о Тристане. — Я останавливаюсь и бросаю взгляд на Лиззи, но она всё ещё подпирает голову рукой. Когда она поворачивается и уходит, я отпускаю её. Очевидно, ей нужна минутка.

— Я позабочусь о них, — говорит Виндзор, и его слово всегда остаётся обещанием, так что я больше не настаиваю. Вместо этого я позволила ему заключить себя в объятия и поцеловать в уголки моих губ. Это просто дразнящий вкус, который заставляет меня желать большего. — Миранда говорит, что она уже позвонила твоему отцу, и он сказал, что всё будет в порядке, если она поживёт у тебя несколько дней.

— А после этого? — спрашиваю, потому что понятия не имею, как долго длится настоящая вечеринка в Клубе Бесконечности. Я видела младшую версию, и она и так достаточно насыщенная.

— После этого... — начинает Виндзор, как раз в тот момент, когда входят остальные трое парней.

— Пора сматываться, детка, — говорит Зейд, с трудом сглатывая и заламывая испачканные краской руки. Он тоже нервничает. Это пугает меня. Мне не нравится Клуб Бесконечности или то, что он обозначает. По сути, это кучка богатых хулиганов, делающих ставки на то, кто сможет сделать мир чуть более несчастным для собственного удовольствия.

— Там есть боковой вход, — произносит Крид, и хотя он лениво прислоняется к дверному косяку, в нём есть резкость, которая говорит о том, что он готов драться, если потребуется. — Через бальный зал. Я тебе покажу. Я попросил Миранду переставить твою машину.

Я киваю и двигаюсь вперёд, останавливаясь и дрожа, когда Зак набрасывает мне на плечи свою куртку Леттермана (*прим. — спортивная куртка, выдаваемая членам спортивных команд*) и запечатлевает поцелуй на моей щеке. Его тёмные глаза подёрнуты тенями, а полные губы плотно сжаты. Он здесь так же несчастен, как и я.

— Не делай ничего такого, чего не сделала бы я, — говорю я, выглядывая из окна Тристана и видя, как Харпер вылезает из своей машины. Я резко выдыхаю и поворачиваюсь к двери, чтобы последовать за Кридом.

— Езжай осторожно, Марни, — напутствует Зак, и я слегка машу ему, Зейду и

Виндзору, прежде чем уйти, подхватывая свой чемодан и сумку с книгами с пола своей комнаты.

Всё это кажется таким драматичным, но... это просто ещё одно лето для нас, ребят из академии.

Сегодня мы замысливаем интригу. На прошлой неделе мы отомстили друг другу. Завтра мы, наверное, пойдём на пляж.

Один год, один выбор, одно невероятное будущее.

Кто бы мог подумать, что быть новенькой будет так чертовски трудно.

Глава 1

В моей спальне пятеро великолепных парней.

Напряжение настолько сильное, что его можно было бы разрезать ножом.

«*Это безумие*», — думаю я, выдыхая и невольно привлекая к себе взгляды всех присутствующих в комнате. Честно говоря, я всё ещё не оправилась от вчерашнего вечера. Пятеро парней приглашающие меня провести с ними летние каникулы... бесценно. Кроме того, это сбивает с толку. Вызывает сердечный приступ. Достоинно визга.

Их внимание заставляет меня неловко поёжиться, и Виндзор улыбается.

— Как ты думаешь, сколько девушек из Бёрберри отдали бы всё своё семейное состояние, чтобы оказаться на твоём месте прямо сейчас? — спрашивает он, и мне требуется немало усилий, чтобы не закатить глаза. Потом он подмигивает мне и облизывает нижнюю губу, но я всё равно закатываю глаза.

— И в каком именно положении я нахожусь? — спрашиваю я, скрещивая руки на своей мешковатой футболке. Как только ребята заполонили новый маленький съёмный дом моего отца в Гренадин-Хайтс, я переделалась. Моё вчерашнее вечернее платье теперь лежит в пластиковом пакете возле входной двери. Я не уверена, что когда-нибудь смогу надеть его снова.

Я дрожу.

Зак замечает это, и его лицо смягчается. У него три шва на лбу, опухший левый глаз и серьёзно пухлая нижняя губа. Я имею в виду, более пухлая, чем обычно. У него всегда был красивый, полный рот...

— Пять самых сексуальных и богатых парней академии, все прямо здесь, в твоём *будуаре*, — мурлычет Виндзор, вставая со своего места в углу и проводя ладонями по передней части своей бледно-голубой рубашки на пуговицах с короткими рукавами. — Теперь тебе предстоит сделать непростой выбор — решить, с кем именно ты хотела бы провести лето.

— При условии, что мой папа разрешит мне поехать, — медленно вставляю я, на мгновение встречаясь взглядом с серыми глазами Тристана. *Он больше не помолвлен с Харпер!* Часть меня хочет забежать в ванную, закрыть дверь и завизжать. Оставшаяся часть... понятия не имеет, почему он вообще здесь. И Зейд тоже, если уж на то пошло. Виндзор — мой друг; Зак влюблён в меня. А как насчёт Крида?

Я изо всех сил стараюсь не смотреть на него, потому что каждый раз, когда я это делаю, я думаю о том, какими были его глаза, когда он загнал меня в угол в тот день в столовой. «*Избегание меня не принесёт тебе ничего хорошего*». Он замечает, что я смотрю на него, и слегка подпирает пальцами подбородок.

— Очевидно, она останется со мной. Она может жить в одной комнате с Мирандой. Моя сестра не согласится на меньшее.

— Чушь собачья, — фыркает Зак и качает головой, с опаской поглядывая на трёх парней-Идолов. — Ты не можешь принимать это решение за неё. — Сейчас он доверяет им не больше, чем вчера. Но... может быть, я да? Чёрт, я не уверена. В данный момент я ни в чём не уверена. Ну, за исключением того факта, что папа на работе. Он довольно хладнокровный родитель, но я не думаю, что ему понравилось бы, если бы я пригласила всех этих парней в гости, пока его нет дома, особенно когда все они, кроме одного, были

вовлечены в издевательства надо мной.

О, и я почти уверена, что все они также мужчины-шлюхи. Чарли наверняка *не* оценил бы эту часть уравнения.

— Без сомнения, я буду один у себя дома, — вставляет Зейд, его изумрудные глаза темнеют от эмоций, когда он смотрит на меня с другого конца комнаты. Между нами есть какая-то надломленная нежность, преодолеть которую, кажется, ещё труднее, чем то дерьмо, с которым мне приходится сталкиваться в отношении Тристана или Крида. — И я отведу для тебя всё место наверху, так что тебе не придётся часто меня видеть... если только ты этого не захочешь. — Его и без того хриплое мурлыканье рок-звезды становится немного грубее, немного напряжённое.

— Наверное, тебе лучше *не ехать* со мной, — говорит Тристан, и в его голосе слышатся холодные стальные нотки. Внутри него пульсирует что-то вроде гнева, который я совершенно ясно вижу по тому, как напряжены его плечи, как подрагивают мускулы на челюсти, как горит огонь в его серых глазах. Хотя он довольно хорошо всё это сдерживает в себе. — Мой отец не знает, что мы с Харпер расстались, и я бы предпочёл, чтобы никого, кроме меня, не было рядом, когда он узнает.

Моё сердце сжимается, а ноздри раздуваются. По-моему, это звучит как очень, очень плохая идея. Я не хочу, чтобы Тристана снова ударили. Будь моя воля, я бы вечно ходила за ним по пятам, чтобы держать его отца подальше. Может быть, мне *стоит* поехать и остаться с ним? Но только в том случае, если я смогу помочь, а не в том случае, если я сделаю всё ещё хуже.

— Тогда почему ты вообще здесь? — спрашивает Виндзор, упирая руки в бока и глядя на Тристана сверху вниз с выражением, которое напоминает мне кота, выслеживающего крысу. Тристан поднимает на него взгляд и хмурится.

— Теперь у нас общий враг, так ведь? — огрызается он, и Виндзор приподнимает свои рыжие брови.

— Подожди, подожди, подожди, позволь мне внести ясность: ты здесь из-за... Харпер? — он смотрит на Тристана, но король школы просто скрещивает руки на груди и ничего не говорит. — Тебя совсем не интересуется вон та девушка? — Виндзор указывает в мою сторону, и я краснею. — Потому что я почти уверен, что именно этого добиваются все эти другие придурки: они хотят Марни.

Звук открывающейся задней двери пугает меня, и я встаю с края кровати как раз вовремя, чтобы Чарли появился в коридоре. Он видит меня и начинает улыбаться... а потом замечает группу хорошо одетых парней в моей комнате.

— Марни, — начинает он, карие глаза осматривают парней с удивлением, гневом, а затем с отвращением. — Что эти трое здесь делают? — его голос звучит резко, и я съёживаюсь. Мой папа смотрит на Идолов так, словно убил бы их, если бы мог, свернул им шеи и выбросил на подъездную дорожку на съедение чайкам. Он также бросает осторожный взгляд на Зака, а затем в замешательстве смотрит на Виндзора, прежде чем снова повернуться ко мне.

Я открываю рот, но не могу произнести ни слова.

Громкий стук прерывает нас всех, и за звуком распахиваемой двери следует зовущий голос Миранды.

— Марни?

— Я здесь, — отвечаю я, затаив дыхание, пока она не заворачивает за угол в мою

комнату с раскрасневшимся лицом и развевающейся юбкой в цветочек. Миранда сжимает телефон в одной руке, сумочка перекинута через противоположное плечо, а на её близнице сфокусирован яркий лазерный луч.

Крид смотрит на неё в ответ и сужает свои льдисто-голубые глаза до щёлочек, прежде чем она отворачивается и бросает улыбку в сторону моего отца.

— Здравствуйте, мистер Рид, извините за опоздание. — Она улыбается, а я морщусь. Её попытка прикрыться выглядит слишком бодрой и взволнованной. — Кстати, мне нравится ваш новый дом. — Папа улыбается ей, но он всё ещё недоволен мной, засовывая пальцы в карманы комбинезона и снова поглядывая в мою сторону.

— Спасибо тебе, Миранда. Но Марни всё равно должна ответить на мой вопрос.

Вау. Это буквально самая строгая версия Чарли Рида, которую я когда-либо видела в своей жизни, и как раз перед тем, как мне исполнится семнадцать. Моё сердце замирает, и я бросаю взгляд на Виндзора, обдумывая, что именно я должна сказать, чтобы избежать неприятностей. То есть без необходимости лгать. Я приподнимаю бровь, глядя на принца, и он поднимает её в ответ на меня. Что-то в нём заставляет меня захотеть сказать правду, и это просто вырывается наружу.

— Мои друзья здесь, чтобы пригласить меня в Хэмптонс, — говорю я, и в этой фразе есть что-то сюрреалистическое. Сейчас мы находимся в Калифорнии. Хэмптонс находится на противоположном конце страны, на северо-востоке. Это означает сборы, полёт на самолёте, жильё, присмотр родителей. Э-э, по крайней мере, хотя бы притворный родительский надзор.

— В Хэмптонс? — спрашивает Чарли, а затем слегка прищуривает глаза, пытаюсь сообразить, где это находится. — Ты имеешь в виду в Нью-Йорке?

— Сэр, если позволите, — говорит Виндзор, делая шаг вперёд и снова завладевая вниманием. Это своего рода то, чем он всегда занимается. — Я Виндзор Йорк. Я думаю, ранее мы с вами не встречались?

Чарли поднимает брови и бросает на него взгляд, который очень ясно говорит о том, что его не подкупить красивыми фразами.

— Я президент Гостевого Клуба (*прим. — Host Club — Гостевой Клуб*), к которому принадлежит ваша дочь.

— Гостевого клуба? — спрашивает Чарли, и почти все в комнате стонут. Вау. Виндзор шутит по поводу очень специфического японского аниме-шоу под названием «Ouran High School Host Club». Там главная героиня женского пола окружена парнями... по сути, ситуация с обратным гаремом.

— Гостевой клуб... это группа студентов, которые наставляют других студентов, — объясняю я, что верно, но также и отчасти... нет. Точнее, это группа людей, которым платят за то, чтобы они были внимательны и разговорчивы со своими клиентами, или даже, возможно, платят за свидания, объятия или поцелуи. Не совсем проститутки, потому что там нет секса, но похоже. Я не подтверждаю и не отрицаю, говорит ли Виндзор правду, и продолжаю в том же духе. — Они все хотят, чтобы я приехала в Хэмптонс этим летом. — Я останавливаюсь и указываю на свою лучшую подругу. Полагаю, Крид был прав. — Я бы остановилась там с Мирандой.

Она улыбается, взвизгивает, а затем заключает меня в крепкие объятия.

— Марни, — продолжает Чарли, встречаясь со мной взглядом. — Проблема не в этом. Что эти трое здесь делают? Я не хочу, чтобы они были в моём доме. — Он поднимает голову

и встречается взглядом с Заком. — Я также не уверен, что хочу, чтобы он был здесь.

— Они пытаются загладить то, что натворили, — выпаливаю я, и как только слова слетают с моих губ, я понимаю, что это правда.

— Может быть, это и так, — вздыхает папа, — но мне жаль, вам четверым нужно уйти. — В комнате царит напряжение, от которого у меня сводит живот. Почему-то мысль о том, что мой отец ненавидит этих парней, беспокоит меня, хотя этого не должно быть. Я имею в виду, я взволнована тем, что он заступает за меня, что он любит меня достаточно сильно, чтобы заботиться обо мне, но...

— Пожалуйста, позволь мне поехать в Хэмптонс. — Слова вылетают как в тумане, когда Зак, Тристан, Крид и Зейд встают со своих мест и делают паузу. Я даже не уверена, почему я умоляю. Действительно ли я хочу поехать, зная, что там будут Харпер и её дружки? Кроме того, папа болен, и я должна остаться... Но что, если я поеду на выходные, максимум на неделю?

Очевидно, что есть проблемы с Клубом Бесконечности и с девушками. Что, если бы я могла разобраться со всем этим летом и начать всё сначала?

«Чушь собачья, Марни, — мой мозг прерывает меня. — Ты просто хочешь провести с ними время. Со всеми ними».

— Я бы остановилась с Кэтлин и Мирандой, — продолжаю я, и папин взгляд устремляется прямо на Крида. Плечи парня напрягаются, но, к счастью, он держит свой маленький бесцеремонный ротик на замке.

— Разве этот парень, Кэбот, не один из тех хулиганов? — спрашивает Чарли, глядя на Крида с таким страдальческим выражением лица, что у меня защемило сердце за них обоих. — Почему? — внезапно спрашивает он, переводя взгляд с Крида на Зейда, на Тристана, а затем поворачиваясь к Заку. — Почему, моя маленькая девочка, моё сердце? — папино лицо искажается такой сильной смесью гнева и печали, что я делаю шаг к нему. — У Марни и без того была тяжёлая жизнь, из-за того, что моя идиотская задница напивалась, а её мать... — Чарли выдыхает, закрывает глаза и снова открывает их. — Почему вы выбрали именно её из всех людей? Что она сделала, чтобы заслужить вашу ненависть?

— Сэр. — Первым заговорил Крид, удивив меня. Папа настороженно смотрит в его сторону, встречаясь взглядом с этими льдисто-голубыми глазами в упор. — Тому, что мы сделали, нет оправдания. Мы придирались к Марни, потому что она была бедной. — Папа сердится, но Крид продолжает делать вид, что ничего не замечает. — Мы думали, что она лёгкая мишень, но это не так. Мистер Рид, ваша дочь сильная.

Крид делает паузу и выдыхает, слегка сутулясь, как будто эта речь отняла у него много сил. Моя кожа становится ярко-красной, а ладони потеют, но я на самом деле не уверена, что сказать. Оглянувшись, я вижу Миранду с таким нежным выражением на лице, когда она смотрит на своего близнеца. Она сказала, что, по её мнению, ошибки Крида можно искупить; может быть, она была права?

— Красивые слова, сынок, — произносит Чарли, протягивая руку, чтобы потереть лоб. — Но я ни за что на свете не могу понять, зачем вы все пришли сюда и пригласили мою дочь в путешествие, если бы это не было какой-то шуткой.

— Я могу заверить вас, — перебивает Тристан, в его голосе та властная сталь, которая действует на всех... кроме Чарли. Папа не выглядит так, будто его убедит что-либо из того, что скажет Тристан. — Что есть и другие причины.

— Например? — начинает папа, и Виндзор улыбается. Зак выглядит расстроенным, а

Зейд ни хрена не смотрит на моего отца. Ему явно стыдно за то, что он сидит здесь прямо сейчас. Наши глаза встречаются, и у меня возникает отчаянная потребность просто сесть и поговорить с ним. В течение нескольких часов. Может быть, нескольких дней.

Мне нужно поехать в Хэмптонс.

— Типа, мы все влюб... — начинает Виндзор, и я делаю шаг вперёд, сильно толкая его локтем в бок. Папа, однако, услышал, и теперь он выглядит таким же испуганным, как раньше, если не больше.

— Позвони Кэтлин Кэбот, — говорю я, оглядываясь на Миранду, и она кивает, на её губах появляется лёгкая улыбка. Я снова поворачиваюсь к папе. — Позвони Кэтлин, и она скажет тебе. Я останусь с ней и Мирандой.

Чарли сейчас выглядит таким недоверчивым, как будто он не принял бы это соглашение, даже если бы вы ему заплатили.

— Мы пробудем там всего неделю, — добавляет Миранда, делая шаг вперёд и беря меня под руку. Крид замечает это, прищуривает глаза и, фыркнув, отводит взгляд. Хм. Хорошо. Я переключаяю своё внимание на папу. — Моя мама и я, мы будем хорошо заботиться о ней, я обещаю. И мы никогда больше не позволим Криду беспокоить её, я клянусь вам в этом. — Чарли хмурится и протягивает руку, чтобы почесать затылок.

— Полагаю, я мог бы позвонить Кэтлин, — начинает он, глядя на меня. Я поднимаю подбородок и встречаюсь с ним взглядом.

«*Не волнуйся за меня, папа*», — думаю я, но моё сердце разрывается, когда я думаю о его словах. «*Моя маленькая девочка, моё сердце*». Мне никогда не приходило в голову, насколько сильно издевательства надо мной, должно быть, повлияли и на него.

— Я свяжусь с ней и узнаю, — говорит он, но в его голосе нет уверенности. — А теперь, если бы вы четверо могли уйти, я был бы признателен.

Он направляется к двери и отступает в сторону, пока Тристан, Зейд, Крид и Заг выходят.

Миранда, Виндзор и я ждём, пока не услышим, как за ними закрывается входная дверь, а затем рокочущий голос Чарли, когда он приветствует миссис Кэбот по телефону.

— Моя мама однажды убедила японского бизнесмена, который не говорил по-английски, инвестировать в её компанию во время их первой встречи. — Миранда смотрит на меня с усмешкой. — Если кто-то и может достать тебе билет, чтобы провести лето с нами, так это она.

— А если нет, я всегда могу издать королевский указ, — шутит Винд, и я снова закатываю глаза. Я часто так делаю, когда он рядом, но в основном это из-за растущего чувства привязанности. Он становится моим хорошим другом. — Конечно, у вас, американцев, нет ни капли уважения к власти, поэтому я сомневаюсь, что это сработает.

— Ну вот, опять американские комментарии, — бормочу я, пока Виндзор устраивается поудобнее на моей кровати, закидывая руки за голову и уставившись в потолок. Он даже скидывает ботинки, как будто собирается задержаться здесь на некоторое время. — Разве ты не должен быть летом в Англии?

— Кто сказал? — спрашивает Виндзор, пока Миранда с благоговением осматривает мою спальню. Это первый раз, когда она приходит ко мне домой, и мне это нравится. У меня никогда раньше не было подруги, с которой я могла бы устраивать вечеринки с ночёвкой или что-то в этом роде. Хотя в начальной школе надо мной никогда не издевались так, как в средней или старшей, у меня всегда были проблемы с приобретением друзей. То

есть до сих пор. В любом случае, если Миранда задержится здесь ненадолго, я бы с удовольствием показала ей наш вагончик.

— Ты говорил, как раз на прошлой неделе, — отвечает Миранда, спуская его ноги с края кровати и занимая освободившееся место.

— О, правда? Я солгал. — Виндзор зевает, и мы все замираем, когда слышим смех Чарли со стороны гостиной. — Я решил, что ни в коем случае не могу пропустить мероприятие этим летом. — Он перекачивается на бок, подпирает голову рукой и смотрит на меня блестящими карими глазами. — Кроме того, вокруг Марни будет много брачных ритуалов, которые я хочу увидеть.

— Брачные ритуалы? — выдыхаю я, и он смеётся, протягивая руку, чтобы взъерошить свои тёмно-рыжие волосы.

— У тебя так много красивых парней, вожделеющих тебя. Будет позёрство, жесты, заигрывания. Я не могу позволить этому случиться, не сняв свою шляпу на ринге.

— Ты смешон, — фыркаю я, но моё сердце немного учащённо бьётся, и я решаю, что есть что-то странно интимное в том, что Виндзор Йорк лежит на моей кровати. Внезапно мне просто захотелось, чтобы он прекратил это и вышел за дверь. Я хочу — нет, мне *нужно* — посплетничать с Мирандой обо всем этом. — Ты уже сказал, что не заинтересован в отношениях со мной.

— Нет. — Виндзор садится, и его рубашка соблазнительно спадает с одного плеча, открывая белую майку, которая надета под ней. — Никогда. Я бы *никогда* так не сказал. Я просто заметил, что *ты* не заинтересована в отношениях со *мной*. Это, а также я предупредил, что это будет недолговечно, но прекрасно.

— Ух ты, как романтично, — выплёвывает Миранда, одаривая его убийственным взглядом. — Напомни мне обратиться к тебе за советом в следующий раз, когда я захочу пригласить девушку на свидание. *Эй, я не планирую встречаться с тобой долго, но всё равно хочешь попробовать?* — она закатывает глаза, и я ухмыляюсь. Я почти уверена, что Виндзор шутит.

По крайней мере... Я думаю, что это так?

Это ведь так, правда?

Наш разговор на мгновение прерывается, когда Чарли возвращается в комнату, постукивая мобильником по ладони одной руки. Он так смотрит на меня в этот момент, как будто он боится за меня, но также знает, что не сможет меня удержать. Я чувствую, как на меня накатывает волна грусти, за которой немедленно следует возбуждение, смешанное с тревогой.

— Хорошо, — говорит он, и мои брови поднимаются вверх, — ты можешь поехать с Мирандой, но Кэтлин всё время за тебя отвечает. Если я почувствую хоть малейший *намёк* на неприятности, я сам приеду и заберу тебя. О, и, если эти мальчишки произнесут хотя бы одно грубое слово в твою сторону... — папа замолкает, но я улыбаюсь и подхожу, чтобы крепко обнять его, на что он отвечает тем же.

— Я ненадолго, — шепчу я, — а потом я вернусь, и мы сможем вместе поехать на озеро.

— Ладно, Мишка-Марни, — говорит он, целуя меня в макушку. Но я замечаю, что его взгляд падает на Виндзора... и сужается. — Я пойду принять душ. Просто... если Миранда уйдёт, оставь дверь открытой, хорошо? — он отпускает меня и поворачивается, чтобы направиться в ванную, а я смотрю то на его удаляющуюся спину... то на улыбающееся лицо Виндзора.

— Да, пожалуйста, оставь дверь открытой, — мурлычет Виндзор, и я хватаю свою расчёску с туалетного столика и швыряю её в него. Он ловит её одной рукой и смеётся, в то время как мы с Мирандой обмениваемся взглядами.

О да, нам нужно немного серьёзного девичьего времяпрепровождения.

Особенно с учётом того, что я почти уверена, что моё лето, свободное от парней, только что превратилось в лето, ориентированное на них.

Прошла неделя, и я снова в самолёте, сижу в бизнес-классе и стараюсь не нервничать из-за этой поездки. Часть меня задаётся вопросом, будет ли это лучшее время в моей жизни... или я переживу кошмар, из которого не смогу выбраться. Когда я закрываю глаза, я вижу Грега, Джона и Бена. Я вижу, как Харпер приказывает им изнасиловать меня. Желчь подступает к моему горлу, и я быстро открываю глаза, как раз вовремя, чтобы заказать содовую у стюардессы.

Я совсем одна на этом рейсе — все остальные улетели несколько дней назад. Но это хорошо. Приятно побыть наедине с собой и подумать.

Каковы, собственно, мои отношения с парнями?

Виндзор... мой друг. Верно? А Зак... влюблён в меня? Хочу ли я, чтобы он был влюблён?

Я почти уверена, что Крид думает, что я каким-то образом принадлежу ему после того, что произошло в джакузи (идиот). Зейду так стыдно, что он едва может смотреть на меня. А Тристан... ну, это Тристан.

Застонав, я допиваю содовую, в то время как парень, сидящий через два ряда и одно место от меня, допивает крошечную бутылочку рома. Когда я в последний раз ходила в туалет, то увидела, что у него на подносе их штук семь. Полагаю, первоклассным клиентам действительно сходит с рук всё, чего они хотят?

Есть кнопка, которая превращает моё сиденье в кровать, поэтому, как только стюардесса забирает мой стакан, я нажимаю её, а затем сворачиваюсь калачиком, чтобы вздремнуть.

Когда я прилетаю, меня уже ждёт лимузин.

Кэботы живут в почти пугающе огромном особняке, прямо на краю пляжа. Моя комната выходит на террасу с лестницей, которая спускается прямо во двор, а оттуда всего несколько минут ходьбы до песчаного берега. Несмотря на то, что я выросла в Круз-Бэй, и пляж всегда был в нескольких минутах езды оттуда, он не менее впечатляющий. Я просто должна постоянно напоминать себе, что это Атлантический океан, а не Тихий. Честно говоря, это довольно сюрреалистично.

Сам дом в действительности довольно уютный, учитывая, что я вижу следы Кэтлин повсюду.

— Я так рада, что ты здесь, — говорит она, обнимая меня, наверное, в двадцатый или тридцатый раз с тех пор, как я здесь оказалась. Я знаю, как плохо Кэтлин чувствует себя из-за того, что её сын сделал со мной, и я ценю её искреннее желание и необходимость попытаться загладить свою вину. — И я так рада, что вы, девочки, подружились. Миранде нужен кто-то рядом, кто удерживал бы её на земле.

— Мам, — стонет Миранда, закатывая свои голубые глаза и бросая на меня взгляд *«Мне так жаль, что моя мама такая прилипчивая»*. — Не могла бы ты, пожалуйста, оставить Марни в покое? Она проделала весь этот путь через всю страну не для того, чтобы ты приставала к ней.

Кэтлин вздыхает и скрещивает руки на груди, её солнечно-жёлтое платье развеивается на лёгком ветерке снаружи. Крид останавливается рядом с ней и ставит мои сумки на пол, слегка раздражённо глядя на свою мать. Она отказалась позволить дворецкому — чёрт

возьми, у них есть дворецкий — сделать это и настояла, чтобы Крид отнёс весь мой багаж в мою комнату.

— Ты, — говорит она, устремляя мрачный и разочарованный взгляд на своего ребёнка. Отсюда я вижу ущерб, нанесённый отношениям Крида и Кэтлин. Это не совсем делает меня счастливой, но я также не чувствую себя слишком виноватой. Крид сам сделал это с собой. Его собственные действия привели его на этот путь. Я ничего не могу сделать, чтобы изменить это; он должен сам наладить свои отношения с мамой. — Собирай свои вещи. Ты остановишься у друга.

— Что? — Крид задыхается, растерянно моргая голубыми глазами в направлении Кэтлин. — Почему?

Она бросает на него *взгляд*, вы знаете, типа: очень родительский взгляд. Дети узнают его по страху, который он вселяет в их сердца; родители узнают его по самодовольному чувству, которое они испытывают, когда разыгрывают его. Кэтлин улыбается, но выражение её лица не из приятных. Её вьющиеся рыжие волосы собраны в строгий пучок, что придаёт образу властности, а глаза такие же ледяные и голубые, как у её детей.

— Как ты думаешь, почему, о мой гениальный сын? — она кивает подбородком в мою сторону. — Я хочу, чтобы у Марни был дом вдали от дома и место, куда она могла бы прийти и отдохнуть, если ей понадобится пространство.

— Ага, и оно называется её спальня, — лениво растягивает слова Крид, но я вижу, как его руки сжимаются в кулаки по бокам. Он думал, что победил других парней, заставив меня остаться здесь. Похоже, он был неправ. Я улыбаюсь, и он, поймав выражение моего лица, приподнимает бровь, прежде чем снова повернуться к своей матери. — Мы помирились, мама. Теперь мы друзья.

Кэтлин не выглядит убеждённой. С другой стороны, она не знает о джакузи — и я надеюсь, что никогда не узнает.

— Собери свои вещи. Билли пришлёт за тобой машину через полчаса.

— Я останусь с Кайзерами? — Крид растягивает слова, прищуривая глаза, и я хихикаю.

— Зейд там совсем один, и Билли чувствовал бы себя более комфортно, если бы у него была компания. Он спросил, можешь ли ты остаться, и поскольку я всё равно собиралась отправить тебя в отель типа «постель и завтрак», я согласилась. Я также пришло Кайла присмотреть за этим местом, так что не думай, что за тобой не будут присматривать.

О. Кайл, телохранитель. Я совсем забыла о нём.

Крид издаёт разочарованный горловой звук и стискивает зубы, но ничего не говорит, проносится мимо матери и поднимается по лестнице.

Она бормочет что-то о том, что ей нужен кофе, и исчезает, оставляя меня наедине с Мирандой.

Мы обе одеты в сарафаны: мой новый, подарок Кэтлин, и он цвета моря на закате, с рисунком в стиле балаяж, который переходит от темно-синего внизу к песочно-золотистому посередине, а затем к оранжевому и темно-синему сверху. Миранда одета в полностью бледно-голубое платье, которое подходит к её глазам, в комплекте с жёлтыми маргаритками.

— Может, спустимся на пляж? — спрашивает она, протягивая руку. Я улыбаюсь и беру её, мы быстро пересекаем двор, пробираемся между деревьями и спускаемся по нескольким ступенькам к пляжу. Там есть люди, они бегают, кричат и играют, но здесь не слишком многолюдно.

Мы находим свободное место, расстилаем полотенца и открываем корзину для пикника,

которую дала нам Кэтлин. Там полно холодной колы в стеклянных бутылках, сэндвичей и маленьких пластиковых пакетов с нарезанными фруктами. Мы не сидим там и десяти минут, когда я получаю оповещение на своём телефоне.

«Еду за Кридом. Как прошёл твой полёт?»

— Это Зейд, — говорю я, когда замечаю, что Миранда наблюдает за мной. Я прикусываю нижнюю губу зубами, прежде чем ответить.

«Потрясающе. Сейчас на пляже с Мирандой».

Наступает пауза, прежде чем я вижу, как он печатает ответ.

«Я уже в трусах для купания. Живу в них летом. ЛОЛ. Могу присоединиться к вам?»

Прежде чем я успеваю хорошенько подумать об этом, я печатаю: «да».

Брови Миранды приподнимаются, когда я снова смотрю на неё.

— Как ты планируешь жонглировать всеми этими парнями? — спрашивает она, и я моргаю, глядя на неё.

— Я не... что ты имеешь в виду под «жонглировать»? — откладывая телефон в сторону, я ковыряю этикетку на своей коле и пытаюсь не обращать внимания на тревожных бабочек в животе. Это не очень помогает.

— Эм, ты с ума сошла? — спрашивает Миранда, наклоняясь, чтобы посмотреть на меня широко раскрытыми глазами. — Они все в тебя влюблены.

Я отклоняюсь назад и в итоге проливаю содовую себе на колени.

— Что? Нет! — выдыхаю я, вытирая разрез моего нового платья тканевой салфеткой. — Нет, это... я имею в виду, Виндзор не...

— Ладно, думай, что хочешь, — произносит Миранда с преувеличенным вздохом. — Но я говорю тебе, как это выглядит со стороны: в тебя влюблены пять парней.

— Это смешно, — бормочу я, но потом чувствую чью-то руку на своём плече и подпрыгиваю.

— Что смешного? — спрашивает Крид, опускаясь на колени на песок рядом со мной. По мне пробегает дрожь, и внезапно всё, о чём я могу думать, — это о джакузи. Джакузи. Это чёртово джакузи. Я бросаю взгляд в его сторону и вижу, что он внимательно изучает меня.

— Ничего важного, — ухитряюсь выдать я, отодвигаясь так, чтобы наши тела не соприкасались так плотно. Между нами слишком много напряжённости, и я слишком запуталась в том, каковы вообще наши отношения. Мы друзья? Буквально чуть больше недели назад я сказала ему, что он был предметом спора. И буквально чуть больше недели назад он вступился за меня перед всеми своими друзьями... — Зейд спустится и присоединится к нам ненадолго.

Крид кивает, как будто ожидал этого, а затем разворачивает своё длинное тело на песке, откидывается назад и лежит там в своей наполовину застёгнутой рубашке и шортах. Ветер треплет ткань его рубашки, обнажая твёрдые мышцы внизу живота и татуировку бесконечности над правым бедром. У меня возникает сильнейшее желание прикоснуться к нему, и в итоге я сажусь на свою руку, чтобы удержаться от этого.

— Не могу поверить, что ты позволяешь маме отослать меня, — растягивает он слова, как будто уже наполовину спит. Сейчас его глаза закрыты, длинные светлые ресницы лежат на щеках.

— О, пожалуйста, — фыркает Миранда, преувеличенно закатывая глаза. — Ты будешь в десяти минутах ходьбы отсюда, в особняке рок-звезды, со всеми возможными удобствами. К

тому же, ты будешь жить со своим лучшим другом, так что не вешай мне лапшу на уши.

— Зейд не мой лучший друг, — рычит Крид, как спящий кот, которого слишком долго гладили только с одной стороны. Он не замахнётся на вас — слишком ленив и устал для этого, — но предупреждение налицо. — Едва ли нас можно назвать друзьями.

— Верно. Точно так же, как ты и Тристан. Вы все знаете друг друга целую вечность, но вы вовсе не друзья.

— Мы с Тристаном никогда не были друзьями, — огрызается Крид, но по-прежнему не встаёт со своего места на нагретом солнцем песке. — Зейд, по крайней мере, терпим.

— Приятно слышать, — произносит Зейд, появляясь позади нас и заставляя меня подпрыгнуть. Вау. Должно быть, у меня сдают нервы, потому что я единственная, кто кажется такой... взволнованной. Мой татуированный, проколотый маленький друг — рок-звезда протискивается между моим полотенцем и полотенцем Миранды, переступая через корзину для пикника, а затем поворачивается к нам лицом.

Он великолепен без рубашки, его тату переливаются на ярком солнце. Его чёрные шорты преступно низко сидят на бёдрах, до такой степени, что я на самом деле беспокоюсь, что они могут упасть к его ногам, и я смогу увидеть... Я имею в виду, мне *придётся* увидеть его член.

— Мне нравится твоё платье, Марни, — говорит он, но, несмотря на то, что он улыбается и пытается быть игривым, в его словах есть резкость, нотка стыда, которую я одновременно ценю и хотела бы стереть. — Великолепна, как и обычно. — Зейд присаживается на корточки, его мускулистые ноги привлекают моё внимание. Его бёдра выглядят твёрдыми, как камни, и на внутренней стороне одного из них есть татуировка, которая привлекает моё внимание.

Я заставляю себя снова посмотреть ему в лицо.

— Спасибо, — шепчу я, когда Миранда усмехается.

— Вау, заставить девушку почувствовать себя уродиной, почему бы и нет? — говорит она, и Зейд отвлекает своё внимание от меня, чтобы посмотреть на Миранду.

— Нет, ты тоже очень сексуальна, — отвечает он, заставляя себя улыбнуться. — Ты просто, знаешь ли, играешь за другую команду.

— Значит, девушка достойна твоих комплиментов только в том случае, если она та, с кем ты мог бы заняться сексом? — спрашивает она, приподнимая светлую бровь. У Зейда отвисает челюсть, когда она встряхивает волосами (да, получается *всё ещё* ужасно), а затем лезет в корзину, чтобы предложить ему кока-колу. Он берёт её, а затем поднимает в её направлении в знак приветствия.

— Хорошо сказано, Миранда. Ты отчитала меня.

— Подожди, — начинаю я и затем делаю паузу. — Что ты имеешь в виду, мог бы заняться сексом?

Они оба игнорируют меня.

— Итак, сегодня довольно расслабленный день, но завтра будет огромный костёр на довольно нейтральной территории, дальше по дороге, у Майрона. — Зейд откидывается на песок и вытягивает руку, чтобы скрутить пряди своих волос цвета морской волны в маленькие колоски. — Хотя Харпер идиотка, если думает, что преданность Майрона разделена; в первую очередь он лучший друг Тристана.

— У Тристана есть лучший друг? — спрашиваю я, глупо моргая. По какой-то причине это никогда по-настоящему не приходило мне в голову. Наверное, я просто думала о Криде и

Зейде как о его лучших друзьях? Хотя, учитывая только что состоявшийся у нас разговор, это не совсем так. Майрон Тэлбот — единственный из Голубой Крови — не считая парней из Идолов, конечно, — кто не был замешан в моём... гм, похищении и попытке изнасилования. Краска отхлынула от моего лица, и я прижала пальцы к груди, думая обо всех ужасных вещах, которые могли случиться со мной на озере Тахо.

— Майрон, ага, — говорит Зейд, стряхивая песок татуированным пальцем. — Он сукин сын. Он почти не разговаривает, но он всегда рядом, чтобы выполнять грязную работу Тристана. — Зейд переводит на меня изумрудные глаза, и у меня перехватывает дыхание. Я вдруг ловлю себя на том, что мне до боли хочется дотронуться до его лица, притянуть его ближе и прижаться губами к его губам. Вместо этого я обхватываю себя руками и сжимаю. — Честно говоря, я очень удивлён, что он никогда не натравливал Майрона на тебя. — Зейд выдыхает и протягивает руку с песчаными пальцами, чтобы убрать волосы со лба.

— Слишком жестокий, — произносит Крид, всё ещё не открывая глаз. — Майрон был бы перебором для Марни.

— О, что ж, — говорю я, чувствуя, как раздражение расплзается по моей коже, словно полчище зудящих насекомых, — приятно знать, как много нюансов существует, когда дело доходит до издевательств. Читать личные мысли девушки вслух шумной толпе — это нормально, но Майрон Тэлбот, это уже слишком.

Крид не обращает внимания на мой комментарий, но Зейд съёживается.

— Майрон... позже поймёшь. — Зейд скрещивает ноги и наклоняется вперёд, упираясь локтями в колени.

— Как я пойму? — спрашиваю я, и моё сердце пропускает несколько ударов. Глаза Зейда такие красивые на солнце, как драгоценные камни. А его татуировки... чертовски круто видеть их обнажёнными в жёлтом послеполуденном свете. Я думала, что этот парень был красив в своей мятой академической форме. Здесь, вне академии, он просто... захватывает дух.

Зейд поднимает взгляд на меня, а затем переводит его на Крида. Я прослеживаю за его взглядом и вижу близнеца Миранды с открытыми глазами, пристально смотрящего на лицо своего друга.

— В Бёрберри идёт гражданская война, — отвечает Зейд на последнем выдохе, — и это мы против девочек. Тристан, по какой-то причине, воздержался от того, чтобы натравить на тебя Майрона. — Он встречается со мной взглядом, и я чувствую, как у меня сжимается горло. — Но он не сделает такого же исключения для Харпер.

На следующий день я разбираю свою одежду и пытаюсь определиться с нарядом для вечеринки, когда раздаётся стук в мою дверь. Недолго думая, я сразу открываю её, а там Крид, привалившийся к стене, как будто он слишком избалован и царственен, чтобы стоять прямо.

Он улыбается мне, и это самая высокомерная вещь, которую я когда-либо видела в своей жизни. На ум приходит цитата из Уильяма Шекспира: *«Каким наглым он стал в последнее время, каким гордым, каким безапелляционным»*. Да, это Крид Кэбот в двух словах.

— Можно мне войти? — спрашивает он, и я пожимаю плечами. Он отталкивается от стены и неторопливо входит на своих длинных ногах. Я так привыкла видеть его в форме академии, что почти сбита с толку, когда вижу его одетым в светлые джинсы, белую футболку и шлёпанцы. Крид подходит к открытым французским дверям и выходит наружу, положив предплечья на перила. Он смотрит на океан бледно-голубыми глазами, обращая своё внимание на меня, когда я выхожу вслед за ним.

Мы одни, в спальне, и мы... ну, мы не ссоримся. Я не думаю, что он будет надо мной издеваться. Может быть, мне удастся вытянуть из него хоть немного правды?

Я открываю рот, чтобы задать несколько вопросов, которые не давали мне покоя, но Крид заговаривает первым.

— Насчёт того случая в джакузи, — начинает он, и, клянусь богом, я чуть глупо не переваливаюсь через перила на зелёную лужайку под нами. Крид выпрямляется и поворачивается ко мне, кладя руки по обе стороны от меня и хватаясь за перила. Теперь я зажата в его объятиях и смотрю ему в глаза. Жар пронизывает меня насквозь, поглощая все логические мысли, которые у меня когда-либо были. Сейчас всё, что я могу чувствовать, — это настойчивую, чужеродную пульсацию между моих бёдер и то, как мои соски заострились под сарафаном. На мне нет лифчика, и я предчувствую, что он должен это заметить. — Обычно я так быстро не кончаю. — Он поднимает руку, чтобы убрать волосы с моего лба, а затем наклоняется так близко, что наши губы почти соприкасаются.

— Меня это не беспокоило, — выдыхаю я, и он смеётся, этот низкий, чувственный, ленивый звук, почти мурлыканье. Крид прижимается своим лицом к моему, его губы почти у самого моего уха.

— Хорошо. Просто, я думаю, в тебе есть что-то такое, на что моё тело так реагирует... — он дышит, и мои волосы развеваются от его тепла. Сама того не желая, я протягиваю руку и кладу ладони ему на грудь, и он вздрагивает в конце долгого вдоха. — Марни, с тех пор ты меня избегаешь. Теперь, когда я знаю о пари, всё это обретает смысл.

— Крид, — начинаю я, когда он устраивается так, чтобы смотреть прямо мне в лицо. Я буквально понятия не имею, что происходит прямо сейчас, понятия не имею, какие у нас отношения — и есть ли они вообще. Может быть, он просто мой бывший обидчик и брат моей лучшей подруги?

Но нет.

Когда я смотрю в его глаза, я вижу, что это совсем не так.

Есть кое-что ещё.

— Знаешь, после нашего небольшого поцелуя, — начинает он, придвигаясь и запечатлевая лёгкий поцелуй в уголке моего рта, — что-то изменилось во мне. — Он целует

меня снова, и я начинаю дрожать. Я здесь в ловушке, застыла на месте. Я не смогла бы пошевелиться, даже если бы захотела.

А я этого не хочу.

Я не хочу двигаться.

— Я начал думать о тебе... — продолжает Крид, проводя языком по моей нижней губе и заставляя меня дрожать. Моё тело пульсирует от отчаяния, и я начинаю задаваться вопросом, что могло бы произойти, если бы я не сбежала из джакузи, если бы просто позволила ему исследовать всё под купальником... — Как о моей.

Слова Крида — и его *рот* — обрушиваются на меня подобно шторму, его язык скользит между моими губами, пробуя меня на вкус. Его поцелуй не такой ленивый, как его слова. Нет, он целует меня так же, как он движется в драке: яростно, быстро и иступлённо. В одно мгновение я обнаруживаю, что меня поднимают и усаживают на край балконных перил. Крид такой высокий, что для него это не имеет большого значения, за исключением того, что теперь вместо того, чтобы он наклонялся, для поцелуя, я слегка наклоняюсь, чтобы поцеловать его.

Теперь мои руки обвиты вокруг его шеи, его тело между моих бёдер. Перила немного высоковаты, так что наши промежности не совсем на одной линии, что, наверное, хорошо, потому что я бы не хотела, чтобы он кончил в штаны...

Насмешливый звук вырывает меня из задумчивости, и я поднимаю глаза, чтобы увидеть Тристана Вандербильта, стоящего в дверном проёме. Он наблюдает за нами своим холодным серым взглядом, расчётливым и отстранённым. Когда я смотрю на него, моё дыхание становится коротким, резким, прерывистым, я замечаю тени, мелькающие в его глазах. Его челюсть сжимается, когда он засовывает пальцы в передние карманы своих чёрных брюк и пристально смотрит на нас двоих.

Крид хмурится, стаскивая меня от перил и ставя на ноги.

— Тебя что, блядь, не научили стучаться? — Крид огрызается, и я так... взволнована и сбита с толку, что ничего не делаю, только стою и смотрю на них двоих. — Или ты считаешь, что тебе принадлежит весь мир, так почему бы не ввалиться в чужой дом без приглашения?

— Твоя сестра впустила меня, ты, бесполезный ленивец, — рычит Тристан в ответ, его волосы цвета воронова крыла отливают синевой на солнце. Он делает шаг вперёд, и я, спотыкаясь, отступаю, снова натыкаясь спиной на перила. Я не привыкла видеть Тристана Вандербильта в майках, шортах или сандалиях. Это... умопомрачительно.

— Мм-м. — Этот звук вырывается у Крида в виде ворчания, когда он проводит пальцами по волосам. — Это не было тем вопросом, который меня интересовал: почему ты вообще думаешь, что мы хотим, чтобы ты был здесь? — он остаётся на месте, частично передо мной, и бросает на меня пронзительные взгляды. Тристан опускает взгляд на промежность Крида с жестокой ухмылкой, а затем обращает своё внимание на меня.

— Я не собираюсь возвращаться в академию с разрушенной социальной иерархией. — Тристан подходит, чтобы встать передо мной, на самом деле слишком близко для соблюдения приличий. Я поднимаю глаза к его серым глазам. Сейчас они такие тёмные, что в них больше древесного угля, чем серебра. Он оглядывается через плечо, когда Крид поворачивается к нам лицом. — И я не позволю Харпер занять трон.

— Что ты предлагаешь делать? — Крид напрягается, наблюдая за моим общением с Тристаном.

— Уничтожим Голубокровных и воссоздадим наш собственный двор с нуля. — Тристан оборачивается, чтобы посмотреть на меня, и у меня перехватывает дыхание. Они вдвоём разговаривают так, словно воссоставляют средневековый двор, полный рыцарей, членов королевской семьи и придворных.

В каком-то смысле, я думаю, так оно и есть.

— Ты уничтожишь Голубокровных? — спрашиваю я, моё сердце бешено колотится, когда Тристан внимательно изучает меня, задерживая на моих припухших губах долгий, томительный взгляд. Он снова поднимает на меня взгляд, и я задаюсь вопросом, возможно ли было бы проскользнуть мимо него и увеличить дистанцию между нами.

В Роял Поинт он заступился за меня перед Харпер. Он разорвал свою помолвку. За это он получит по заслугам от своего отца.

— Разве ты уже не делала этого? — спрашивает он, поднимая руки вверх и обхватывая пальцами мои плечи. Его прикосновение обжигает меня, а я итак уже вся горю из-за Крида. «*Это отстой*, — я думаю, — *но это потрясающе*». Это приятно, но и больно. — Единственное отличие на этот раз в том, что у тебя будет наша помощь. — Жестокий разрез рта Тристана изгибается в лёгкой улыбке. — Теперь, когда мы разозлили Харпер до убийственного уровня, ты узнаешь всю правду.

— О чём? — я задыхаюсь, но затем Тристан прижимается губами к моим губам, целуя меня так сильно и быстро, что у меня безумно кружится голова, я теряюсь в его крепких объятиях. Каждое место, к которому он прикасается, обжигает меня. Горит так жарко и ярко, что я вижу вспышки звёзд у себя перед глазами, и у меня слабеют колени. Он отстраняется так быстро, что я остаюсь задыхаться, а Крид стоит прямо передо мной, как будто он мог бы наброситься на Тристана, если бы смог его поймать.

— Одевайся, и мы прогуляемся все вместе. Нам нужно выступить единым фронтом. — Тристан бросается к двери, а Крид прокликает его и отшвыривает за спину.

— Кому это *всем*? — Крид растягивает слова, прищуривая глаза, когда я делаю шаг вперёд, пытаюсь унять учащённое биение своего сердца и понять, что, чёрт возьми, только что здесь произошло, или что происходит с этими парнями.

— Я, ты, Зейд, Майрон, Миранда, Эндрю... — Тристан начинает, а затем замолкает, как будто остальные его слова причиняют боль. — Зак, Виндзор, Лиззи... и Марни. — Он оглядывается на меня, и мои глаза расширяются.

Не то чтобы меня всё это волновало, но... Тристан хочет, чтобы я гуляла с Голубокровными? Это значительное политическое заявление.

Тристан отворачивается и засовывает пальцы в карманы, направляясь в коридор и проносясь мимо Миранды так, словно её вообще не существует. В этом нет ничего удивительного. Вот так он и живёт большую часть своей жизни, игнорируя людей, если только не издевается над ними или не трахается с ними. Я сильно хмурюсь, и мои ноздри раздуваются. Мой желудок скручивается в странные узлы, и мне приходится закрыть глаза и дышать сквозь прилив странных эмоций.

Когда я снова открываю глаза, Тристан уже давно спустился по лестнице, а Миранда смотрит на меня, вопросительно приподняв брови.

— Он рассказал тебе о плане? — начинает она, а я просто смотрю на неё.

— Не совсем, — отвечаю я напряжённым голосом. Крид подходит, чтобы встать рядом со мной, и, клянусь богом, я чувствую на себе его взгляд. Подняв на него взгляд, я вижу, что его льдисто-голубые глаза потемнели от вожделения, как сапфиры в глубоком синем море.

— Он даже может прерывать нас, когда ему вздумается, разве не так? Стоит ли удивляться, что я так чертовски сильно его ненавижу? — Крид вздыхает и поднимает глаза к потолку. За последние два года мы провели вместе приличное количество времени, но... ничто из этого не казалось таким реальным, как это. Впервые в жизни мне кажется, что, возможно, я вижу частичку настоящего Крида... эм, каким-бы-там-ни-было-его-второе-имя, Кэбота.

— Он... характерный, — говорю я, но мои мысли возвращаются к тому моменту в столовой, к тому поцелую, к тому, как он схватил меня за галстук, и ко всему, что я сказала до этого. *«Любовь. Это реально полюбить тебя, за то, что ты — это ты, Тристан. Поверь мне, я знаю: я уже любила».*

Моё лицо приобретает шесть оттенков красного, и я обхожу Крида сзади, кладу ладони ему на спину и выталкиваю его прямо за дверь. Он так удивлён, что легко позволяет мне сдвинуть его. Когда он поворачивается, чтобы посмотреть на меня, выражение замешательства на его лице сменяется выражением самодовольства и уверенности в себе.

— О, Марни, — начинает он, но я уже захопываю дверь у него перед носом.

— Я одеваюсь! — кричу я, а потом поворачиваюсь спиной к двери, закрываю глаза и опускаюсь на пол.

Лето обещает быть долгим и жарким, это я знаю точно.

Я спускаюсь вниз последней, одетая в наряд, который купила для себя вчера, когда мы с Мирандой ходили по магазинам. Её глаза заблестели, когда она увидела меня, но всё равно я чувствую себя немного неловко...

— Срань господня, — говорит Зейд, когда я спускаюсь по первому изгибу лестницы и останавливаюсь. Я чувствую себя как Джейни Бриггс в фильме *«Не ещё один фильм для подростков»*, когда она медленно появляется на лестнице, а затем проваливается сквозь неё. Да, это точно была бы я. *Мне не следовало позволять Миранде заставлять нас смотреть этот чёртов фильм.* — Черити, ты прихорошилась.

— Не называй её Черити, — рычит Зак, его карие глаза сужаются, когда он смотрит на рок-звезду с немалой долей отвращения.

— Пока это шутка, я не возражаю, — произношу я, продолжая спускаться по ступенькам, в то время как Миранда и Эндрю обмениваются понимающими взглядами, а затем улыбаются мне. Крид развалился на диване, разлэгшись на нём, как бескостный король. Он притворяется, что не смотрит, но я чувствую его пристальный взгляд, словно он сделан из пламени.

Тристан тем временем стоит в открытой входной двери спиной ко мне и вполголоса беседует с Майроном Тэлботом. Майрон широкоплечий, темноволосый и на несколько дюймов ниже Тристана. Несмотря на это, у него худощавое, мускулистое телосложение и затуманенное выражение лица, которое заставляет меня поверить во всё то, что Зейд говорил о нём.

Лиззи стоит неподалёку, скрестив руки на груди. Как только она поднимает взгляд и видит меня, она широко улыбается и протискивается между двумя парнями.

— Кожаные штаны? Девочка, вот это задница. — Лиззи подсакивает, обхватывает меня руками и крепко прижимает к себе. Она отстраняется, её тёмные кудри рассыпаются пеной по плечам, янтарные глаза сверкают. Она одета в джинсовые короткие шорты и свободную жёлтую майку с большими отверстиями для рук. Под ней я вижу её чёрный топ от бикини.

— Это немного выходит за рамки моей зоны комфорта, — уклоняюсь я, гадая, где находится Виндзор. Он всегда настолько заметен, что, когда его нет в комнате, ощущается его заметное отсутствие. — Я нормально выгляжу? Знаю, что кожаные штаны и пляжные вечеринки точно не идут...

— Но посмотри на эти молнии, — восклицает Миранда, появляясь рядом со мной и хватаясь за молнию у меня на бедре. Прежде чем я успеваю остановить её, она хватается за неё и растёгивает наполовину, кожа отслаивается, обнажая всё моё бедро и левую ягодицу. Все парни это замечают.

Я издаю сдавленный звук и выхватываю застёжку обратно, снова застёгивая молнию на штанах.

— А ты как думаешь, Тристан? — спрашивает Миранда, поворачиваясь, чтобы посмотреть на него, когда он возвращается в дом, а Майрон следует за ним по пятам. Я толкаю её локтем, потому что, типа, зачем она привлекает его внимание в мою сторону?

Пристальный взгляд Тристана скользит по мне, по моей белой майке Бёрберри, прикрывающей мой новый купальник, кожаным брюкам и босоножкам на танкетке,

которые, я уверена, меня доконают. Если я закончу вечер без вывихнутой лодыжки, я буду шокирована. Но я хочу красиво появиться сегодня вечером, противостоять Харпер и... Меня снова охватывает озноб, когда я думаю о том, как плохо всё это может обернуться. Это больше не игра. Может быть, это никогда и не было игрой?

— Ты хорошо выглядишь, — говорит Тристан, и его голос за гранью вежливости. С таким же успехом он мог бы смотреть на свежеекрашенную стену или что-то в этом роде. Мой взгляд останавливается на его серых глазах, и он смотрит на меня без стыда. Там, за его глазами, есть темнота, которая всё равно привлекает моё внимание.

— Хорошо? — раздаётся голос как раз перед тем, как со стороны кухни появляется Виндзор. В руке у него что-то похожее на клубничный дайкири, который он протягивает мне. — Ты просто чёртово видение, Марни Рид. — Он протягивает мне напиток с сияющей улыбкой. — Девственный дайкири для девственной девушки.

— Господи, — я поперхнулась, но всё равно беру напиток, когда карие глаза Виндзора осматривают меня с головы до ног, и он наклоняется, чтобы поцеловать меня в щеку.

— Ты такой грубый, — говорит Миранда, беря меня под руку, когда Виндзор предлагает ей второй напиток. — Но я прощаю тебя, так как ты сделал для всех напитки.

— Это одна из моих страстей, — отвечает Виндзор, отступая назад и упирая руки в бока, когда он ещё раз оглядывает меня. Он одет в белые шорты, белую майку и чёрные сандалии. Его рыжие волосы кажутся ещё ярче в сочетании с монокромным нарядом. — Если бы я не был членом королевской семьи, я бы стал барменом. Даже мама согласна.

— Очаровательно, — говорит Зак, закатывая глаза. На нём ярко-красные шорты и абсолютно никакой рубашки. Его волосы мокрые и зачёсаны назад, как будто, возможно, он уже ходил сегодня купаться. Мы смотрим друг на друга, и моё сердце пропускает несколько ударов.

«Борись за меня», — думаю я, выдыхая. Но даже тогда я в замешательстве.

Я никогда не была влюблена более чем в одного парня одновременно. Теперь... моё сердце не знает, что делать. Я чувствую, что меня тянет в нескольких разных направлениях, и мне кажется, что это тревога вот-вот уьёт меня.

— Я рад, что ты здесь, — говорит Зак, протягивая руку, чтобы сжать мою. Я улыбаюсь, и когда он отпускает меня, я обхватываю руками свой напиток, чтобы не чувствовать покалывания в пальцах. Зейд наблюдает за всем нашим взаимодействием, а затем резко выдыхает, его челюсть сжимается, как будто он только что пришёл к какому-то решению. Я понятия не имею, к какому, потому что Тристан только что шагнул вперёд и, не сказав ни слова, привлёк к себе всеобщее внимание.

Ну, всех, кроме Виндзора. Принц, пританцовывая, возвращается на кухню и появляется с новыми напитками, раздавая их сначала Лиззи и Эндрю, а затем неохотно Майрону, Идолам и Заку.

— Харпер и остальные Голубокровные будут сегодня на вечеринке, — говорит Тристан, и по тому, как сужаются его глаза, я могу сказать, что он думает о той ночи в Роял Поинт. В конце этого года у нас будет ещё одна поездка, спонсируемая школой, на то же озеро. Закрыв глаза, я делаю глубокий вдох и стараюсь не слишком задумываться об этом. — Мы с ними не разговариваем и вообще не признаём их.

— И как именно это поможет? — вставляет Виндзор, когда я оглядываюсь вокруг и понимаю, что люди, собравшиеся здесь, не очень-то связаны друг с другом. А если и связаны, то не очень хорошо. Лиззи и Тристан — бывшие с неразрешёнными чувствами,

Виндзор ненавидит Идолов и наоборот, Эндрю выгнали из Голубой Крови, а Зак — исключение, которое большинство из них ненавидело с первого дня.

Что мы за группа неудачников.

— Для нас они мертвы. Каждый должен это знать. С остальным мы разберёмся позже. — Тристан поворачивается, чтобы уйти, и я хватаю его за руку. Он замолкает и секунду смотрит на меня сверху вниз, прежде чем взять меня под руку. Я настолько потрясена, что у меня отвисает челюсть, и я чуть не выпускаю свой напиток из пальцев. — Не отходи слишком далеко, и я буду оберегать тебя.

Ладно, теперь мой рот практически на полу.

— Кто ты такой и что сделал с Тристаном Вандербильтом? — я задыхаюсь, но всё, что он делает, это смотрит на меня, а затем начинает идти, таща меня за собой. В конце концов мы все выходим на улицу, допиваем свои напитки и оставляем бокалы на столике во внутреннем дворике.

— Мама с папой ушли танцевать. Они вернутся не раньше рассвета; я уберу всё, когда мы вернёмся домой. — Миранда пренебрежительно машет рукой, и мы все направляемся вниз по пляжу, а Тристан идёт впереди.

Оглянувшись, я вижу, что Лиззи наблюдает за нами, и чувствую такое стеснение в животе, которое не могу выразить словами.

— Она знает, что ты расторг свою помолвку? — шепчу я, и Тристан совершенно замирает рядом со мной. Держаться за него вот так напоминает мне о нашем пребывании во Франции, о том, как он позволил мне прижаться к нему в Диснейленде, или о том, как он так внезапно остановился возле Эйфелевой башни и посмотрел на меня так, словно хотел сказать что-то важное.

— Без понятия, — отвечает он своим холодным, мрачным голосом, похожим на ледяной покров, скользящий по моей разгорячённой коже. — Я ей не говорил, если ты об этом спрашиваешь.

Мои губы поджимаются. Я чувствую, что остальные наблюдают за нами, не только Лиззи, но и Миранда и Эндрю, два других Идола, Зак, Виндзор. Только Майрон, кажется совершенно не заинтересован.

— Ты собираешься это сделать? Держу пари, она хотела бы услышать это от тебя.

— Какое тебе дело до моих отношений с Лиззи? — Тристан шипит, его голос заглушается плеском океанских волн о берег и отдалённым смехом гостей с вечеринки. Мои щёки вспыхивают, и я не уверена, как на это реагировать. А потом — я обвиняю во всём странную способность Виндзора выбивать честную информацию — я просто лягнула:

— Иногда, когда я смотрю на вас двоих, мне кажется, что вы всё ещё любите друг друга. — Мой голос немного срывается, а сердце бешено колотится, но как только я говорю это, я чувствую себя немного лучше. Тристан останавливается, и на мгновение мне кажется, что я могла бы добиться от него чего-то настоящего.

Но затем его лицо застывает и темнеет, а глаза сужаются.

На долю секунды я боюсь, что по-королевски разозлила его, но поворачиваюсь и замечаю Харпер, Бекки и Илеану на пляже в окружении восторженных фанатов. У меня перехватывает горло, когда я вижу поблизости Грега, Джона и того нового парня, Бена. Бен учился на четвёртом курсе, так что ему не следовало участвовать в школьной поездке на озеро Тахо. По крайней мере, в следующем году его не будет в Бёрберри.

— Мы должны добраться Бена до конца лета. — Мой голос выходит тонким,

пронзительным и с оттенком страха. Мне это не нравится. Я не боюсь ни Бена, ни Джона, ни Грега, ни кого-либо ещё. Я поворачиваюсь к Тристану и ловлю его серый взгляд. — В следующем году его не будет в академии. Мы должны добраться до него здесь, в Хэмптонс.

Моя рука сжимает ручку пляжной сумки. Внутри есть совершенно новый список. Мне показалось, что предыдущий был слишком загромождён, поэтому я начала сначала. Я не готова показать его Идолам, пока нет. Но, может быть, однажды.

На мгновение закрыв глаза, я вижу его у себя в голове. Имена всех, кто был на той чёртовой лодке снова записаны. Что они сделали со мной... Я должна сделать гораздо больше, чем сделала в прошлом году. Возмездие свершится в полной мере.

Месть Голубокровным из Бёрберри

Список Марни Рид

Девушки: Харпер Дюпон, Бекки Платтер и Илеана Тейттингер

Их закадычные друзья: Анна Киркпатрик, Эбони Питерсон, Грегори Ван Хорн, Эбигей. Фаннинг, Джон Ганнибал, Валентина Питт, Сай Патель, Мэйлин Чжан, Джален Доннер, Киара Сяо и Бен Трешер.

Плебеи

Тристан выдыхает, раздувая ноздри, а затем бросается вниз по небольшому склону, увлекая меня за собой. Все остальные следуют за нами, небольшая свита Голубокровных-которые-технически-не-являются-Голубокровными, если вы понимаете, что я имею в виду. У Виндзора и Зака есть деньги, внешность и популярность, чтобы быть в Близком кругу. Чёрт возьми, у них достаточно харизмы, чтобы быть Идолами. А ещё есть Миранда и Эндрю, которые раньше были Голубокровными, но их выгнали, хотя они более достойны, чем любой другой человек на этом пляже. И Лиззи... Лиззи стала бы Идолом девушек, если бы ходила в подготовительную Академию Бёрберри, это уж точно. Судя по тому, что рассказал мне Зак, она королева Подготовительной Академии Ковентри.

Толпа на пляже замолкает, когда мы вместе подходим к костру. Все взгляды устремлены на Тристана, когда он направляется к одному из поленьев рядом с костром, жестом приглашает меня присесть, а затем наклоняется передо мной так близко, что наши губы почти соприкасаются.

— Что я могу предложить тебе выпить? — спрашивает он, когда Харпер усмехается и направляется к нам. Однако я так сосредоточена на Тристане, что едва могу смотреть на неё.

— Газировку, — шепчу я, и когда он приподнимает бровь, уточняю: — вишнёвую колу и стакан со льдом и соломинкой? — Тристан наклоняется ближе и прижимается губами к моей щеке, оставляя меня с этим горячим, покальывающим ощущением и буквально без малейшего понятия о том, что здесь на самом деле происходит.

Мы теперь друзья?

— Считай сделано. — Тристан встаёт и поворачивается, становясь грудью в грудь с Харпер, в то время как Зак садится по одну сторону от меня, а Зейд — по другую. Двойные З-мальчики. Я почти улыбаюсь, но потом вижу, что Грег и Джон наблюдают за мной, и волосы у меня на затылке встают дыбом. Джон уже расстёгивал свои брюки. Я почти уверена, что он...

— Эй, — шепчет Зейд, привлекая моё внимание к себе. — Не смотри на этих придурков.

Мы смотрим друг на друга, кольца на его губах и бровях отражают мерцающий свет костра. У него действительно красивое лицо, созданное для славы. И этот голос...

Неудивительно, что его личное состояние составляет около двенадцати миллионов. Состояние его *отца* приближается к четырёмстам миллионам, но больше всего стоит бабушка Зайда, которая в шестидесятых годах начала бизнес по прокату автомобилей: около шести миллиардов.

— Какого хрена, Тристан? — я слышу, как Харпер сплёвывает, и хотя я бы предпочла посмотреть на Зейда, в конце концов я поворачиваюсь, чтобы посмотреть в том направлении. Миранда прямо здесь. И Крид. Лиззи и Майрон тоже.

Виндзор стоит в стороне, потягивая что-то из красного пластикового стаканчика. То, как ему удалось так быстро взять в руки выпивку, является лишь свидетельством его навыков тусовщика. Он замечает, что я смотрю на него, и театрально подмигивает.

Тристан дотрагивается до обнажённого плеча Харпер, а затем отталкивает её в сторону. Не со всей силы или что-то в этом роде, просто достаточно сильно, чтобы убрать её с дороги. Он протискивается между Илеаной и Бекки, когда они таращатся на него, и остальные следуют за ним.

— Кто пригласил Ковентри? — Бекки говорит на такой громкости, которая явно предназначена для того, чтобы её все услышали. — Это вечеринка Академии. — Она встаёт перед Лиззи и легонько толкает её в грудь.

— Не испытывай меня, — так же громко говорит Лиззи. — Ты видела, что произошло в прошлом году, когда ты попыталась.

Бекки снова толкает её, на этот раз двумя руками.

Лиззи, спотыкаясь, отступает назад, и тут появляется Тристан, поднимает Бекки и уносит прочь, швыряя её на песок.

— Не трогай моих людей, Платтер, — говорит он, указывая на неё. Его лицо смертельно серьёзно. Даже не пытаясь, его голос прорезается сквозь бормотание и шёпот. Повсюду Плебеи, наблюдающие за нами. Я поднимаюсь на ноги, чувствуя неистовство. Вернувшись на вечеринку Илеаны Тайттингер, когда я сбрасывала машины в бассейн, я видела, как среди зрителей формируются фракции. То же самое происходит и здесь.

Тристан против Харпер, король против королевы.

«Если ты продолжишь болтать, я вышвырну тебя прямо из этого лимузина, и мы выясним, кто больше нравится Плебеям — их королева... или их король. Не испытывай меня, Харпер».

Похоже, мы вот-вот это выясним.

— Не думаю, что в академии что-то изменилось. Я всё ещё Идол. У Крида, Зейда и меня всё ещё есть свой Внутренний круг. — Тристан взмахивает рукой, указывая на нашу маленькую группу. — И сейчас ты смотришь на них. Руки прочь.

— Ты, блядь, серьёзно? — Илеана пищит у него за спиной, но он полностью игнорирует её. Она злобная маленькая крыса, но это всё, чем она является: паразитом. Харпер и Бекки — главари, а эти парни — их домашние животные. Я с трудом сглатываю, и Зак наклоняется, чтобы взять меня за руку. Как только он прикасается ко мне, я чувствую, как тепло поднимается по моей руке и разливается по груди.

Тристан поднимает голову, и, клянусь богом, это самая дерзкая, самая высокомерная вещь, которую я когда-либо видела, то, как он откидывает с лица волосы цвета воронова крыла. Его серые глаза сверкают, когда он усмехается.

— У Подготовительной Академии Бёрберри появилась новая королева.

— Лиззи? — визжит Харпер, безуспешно пытаясь откинуть назад то, что осталось от её

тёмных волос. Ха. Вперёд Виндзор.

— Нет, — говорит Тристан, указывая на меня. — Она.

— Работяжка? — выпаливает Харпер, и внезапно все взгляды устремляются на меня.

Не знаю почему, но я встаю.

Моё сердце колотится так быстро, что у меня кружится голова, но я твёрдо стою на ногах.

— Что заставляет тебя думать, что ты контролируешь академию? — Бекки ухмыляется, беря Сая Пателя за руку, чтобы он мог поднять её на ноги. Голубокровные собираются, как армия, позади трёх девушек-Идолов.

— Думать? — эхом отзывается Тристан, насмехаясь, как будто Бекки безмозглая идиотка. Имею в виду, я почти уверена, что это так, но он определённо вкладывает это чувство в свой голос так, как, я не уверена, смогла бы. — Я ничего такого не *думаю*. Я отвечаю за академию.

Он поворачивается и начинает уходить, когда Харпер хватает его за руку, впиваясь ногтями в его округлые бицепсы.

— Я ещё не сказала Уильяму, что мы расстались, — говорит она, и в её голосе слышится мольба. — Ему не обязательно знать. — Я бросаю взгляд на Лиззи и вижу, что её плечи напряглись. Она смотрит на Тристана с такой смесью желания и замешательства, что у меня начинает болеть в груди. Может быть... теперь, когда он порвал с Харпер, теперь, когда он пытается изменить свои привычки, она, возможно, захочет его?

Я делаю шаг вперёд, сама того не желая, и Зейд с Заком встают у меня за спиной.

— Я уже сказал ему, — произносит Тристан, стряхивая её руку. — Прекрати пресмыкаться. Это жалко. Никто здесь не любит тебя настолько, чтобы увидеть твою уязвимую сторону и всё ещё хотеть общаться с тобой. Если ты хочешь сохранить хоть кого-нибудь из своих друзей, то добровольно уходи и отойди на второй план. У меня осталось два года в Бёрберри, чтобы сделать твою жизнь невыносимой.

Харпер плюёт ему в лицо, и Тристан хмурится, проводя рукой по лицу, чтобы вытереть его. Он продолжает идти, направляется прямо к столику с закусками и приносит мне напиток, который я просила. Пока весь пляж наблюдает за ним, он поворачивается обратно и передаёт его прямо мне.

— Я не буду целовать тебя, пока на мне грязь этой девчонки, так что дай мне шанс всё это смыть. — Я беру содовую, изо всех сил стараюсь не разинуть рот, и поворачиваюсь, чтобы посмотреть, как Тристан направляется к краю пляжа, срывает через голову рубашку, сбрасывает сандалии и заходит в воду.

Снова раздаётся жужжащий звук разговора, похожий на стрекотание насекомых, когда я поворачиваюсь к Зейду и смотрю на него с миллионом вопросов в глазах.

— Зейд Кайзер, пожалуйста, объясни мне, что здесь происходит, — шепчу я, встречаясь с ним взглядом, и он быстро кивает.

— Обещаю, — отвечает он, проводя пальцем по татуировке с символом бесконечности на ткани своей рубашки. — Только не здесь. Но раньше, чем ты покинешь Хэмптонс, хорошо?

Я выдыхаю и делаю глоток своей содовой, но уже киваю.

Не здесь, не в этом аквариуме с акулами.

Клянусь, такое чувство, что взгляды всех представителей Голубой Крови устремлены на меня. Это пугает меня. Мы и так в меньшинстве. И я не могу быть окружена своими

друзьями — подождите, а Идолы действительно мои друзья? — в любую минуту. Что произойдёт в следующий раз, когда Харпер застанет меня одну в раздевалке? Или я выйду из-за угла здания часовни и увижу, что Джон и Грег поджидают меня? Мои мысли возвращаются к тому видео, которое снял Эндрю, где те психи преследуют его.

Меня охватывает дрожь.

— Мы должны вывести Бена из строя на этой неделе, — шепчу я, и Зейд одаривает меня натянутой полуулыбкой. Крид появляется минутой позже, останавливаясь рядом со мной, пока Тристан идёт по пляжу, с его тёмных волос капает вода.

Я не собираюсь лгать: он выглядит как бог.

— Значит, вот что значит игнорировать их? — Крид растягивает слова, зевая и вызывающе задирая подбородок. — И что теперь, *ваше величество*?

— Если они вступят с нами в бой, мы нанесём ответный удар. Не позволяй им увидеть никаких трещин в нашем товариществе, *Крид*. — Тристан откидывает со лба мокрые волосы, когда Виндзор подходит к нему, всё ещё потягивая пенистое пиво из кружки. Двое парней обмениваются коротким взглядом.

— Конечно, нет, *Тристан*, — отвечает Крид, закатывая свои голубые глаза. — Мы лучшие друзья, не так ли? Даже Зак Брукс здесь, он мой приятель.

— Я не понимаю, почему мы не можем быть друзьями, — рычит Зак, и когда все пятеро парней вот так окружают меня, становится совершенно очевидно, что он самый большой и сильный из них. Моё сердце замирает в груди. — В конце концов, у тебя такая же жестокая жилка, как и у меня. Мы — брак, заключённый на небесах. Просто до тех пор, пока ты перестанешь направлять это внутреннее ядро ненависти на Марни, у нас не будет никаких проблем.

— Когда я смогу выбить дерьмо из Грега, Джона и Бена? — спрашивает Зейд, хрустя испачканными чернилами костяшками пальцев.

— Шаг за шагом, — отвечает Тристан, глядя через моё плечо на Голубокровных. — Шаг за шагом. — Он проталкивается мимо Виндзора и садится перед костром, прислонившись спиной к бревну для поддержки. — Сначала мы завоюем расположение Плебеев.

Виндзор наблюдает за этим обменом репликами, а затем откусывает кусочек персика. Я не уверена, откуда он его взял, но он выглядит смущённым, когда улыбается мне, а по его подбородку стекает сок, а затем направляется вниз по пляжу, как будто прогуливается.

Несмотря на то, что я пообещала себе, что никому не буду доверять, Виндзор определённо завоёвывает его. Я отпускаю эти мысли и не слишком задумываюсь об этом, сосредоточившись вместо этого на Миранде и Эндрю. Она тащит его за собой, проталкиваясь мимо своего брата, чтобы занять место рядом со мной.

— Это такое безумие. По сравнению с этим прошлое лето кажется лёгким ветерком, — шепчет Миранда, поглощая сплетни ложкой.

— Это опасно, — уклоняется Эндрю, но я вижу, как он наблюдает за Виндзором, когда принц удаляется по пляжу. Почти уверена, что он в него влюблён. Все влюблены, даже Миранда, так что я не удивлена. — Если они были столь ужасны на озере, как ониотреагируют после того, как их оскорбили и отвергли? Чёрт. — Эндрю ругается себе под нос и прикусывает губу, глядя вниз на промокшую фигуру Тристана Вандербильта. — Я надеюсь, ты понимаешь, что это просочится в Клуб.

— Прекрасно понимаю, — говорит Тристан, глядя на огонь. С таким же успехом он мог бы находиться за тысячу миль отсюда. Его явно сейчас здесь нет. Эндрю качает головой и

вздыхает.

Лиззи наливает себе выпить и возвращается, чтобы сесть на песок передо мной, зажав своё пиво между ног. Её янтарные глаза на секунду останавливаются на Тристане, прежде чем вернуться к моему лицу.

— Не волнуйся, Марни, мы с тобой, — произносит она, почти застенчиво улыбаясь. Часть меня хочет возненавидеть её за то, что она сделала, за то, что заключила то пари с Заком. Но я не могу. Она кажется такой искренней... Я знаю, что должна быть готова к предательству в любой момент, из-за любого угла, но я не хочу верить в это насчёт Лиззи. Люди совершают ошибки. Действительно важно, учатся ли они на них или нет.

— Тебе легко говорить, — говорит Миранда, вздёргивая подбородок и насмешливо шмыгая носом. — Ты то в безопасности там, в Ковентри.

Рот Лиззи открывается от удивления, и она несколько раз моргает, прежде чем ответить.

— Разве Тристан тебе не сказал? — спрашивает она, и я качаю головой. Сказал мне? Что? — В следующем году я перехожу в Бёрберри!

Кажется, она так взволнована этим, что я улыбаюсь, но внутри у меня всё переворачивается.

Тристан пристально смотрит на меня, изучая, но я не подаю виду.

Даже самой себе.

Следующие несколько дней я использую для отдыха, проводя время за чтением или готовясь к заданиям на следующий год. Каким-то образом, выполняя работу на пляже, я чувствую себя не так, как обычно. Приятно греет солнце, море поёт убаюкивающую мелодию, и у меня есть постоянная компания. Как будто они чувствуют, насколько шаткой является эта новая ситуация, Идолы не задерживаются надолго и не говорят слишком много, не так, как они делали это на днях.

Я ни от кого не получила прямых ответов, но мне слишком нравится проводить время с Лиззи, Мирандой, Эндрю, Заком и Виндзором, чтобы настаивать. То есть до моей последней ночи в Хэмптонс.

— Хотела бы я, чтобы ты осталась на подольше, — говорит Миранда со вздохом. — Без тебя здесь будет совершенно скучно.

Я улыбаюсь ей и принимаю её протянутые объятия, но я хочу быть дома, чтобы провести немного времени со своим папой. Возможно, ему уже лучше, но он всё ещё болен. Рак — это безжалостный, ужасный кошмар. Даже когда вы победите его, он может снова ускользнуть в тень. Проводить время с Чарли — мой приоритет номер один.

Кроме того, я думаю, у меня бы случился сердечный приступ, если бы я осталась здесь до конца лета.

— Эй, я не уезжаю до завтрашнего дня, — говорю я, когда Миранда отстраняется и вздыхает, убирая с моего лица прядь золотисто-розовых волос. Перед началом третьего курса я снова подстригу и покрашу волосы. Теперь мне очень нравятся этот цвет и стиль. Разве это не мило, что кошмар иногда может превратиться в сон?

— Да, но всё же... — она снова вздыхает и плюхается на край моей кровати, такая же бескостная и ленивая, как её брат. Я улыбаюсь. — Ты волнуешься из-за Лиззи? — спрашивает она, пока я складываю вещи и убираю их обратно в свою спортивную сумку. На самом деле у меня нет подходящего чемодана. Слишком дорого.

Я поднимаю взгляд и приподнимаю бровь.

— С чего бы мне волноваться из-за Лиззи? — спрашиваю я, откладывая наряд на сегодняшний вечер. Кэботы устраивают шикарную вечеринку для всех своих богатых друзей. К сожалению, это означает, что некоторые представители Голубой Крови могут быть здесь со своими родителями. До тех пор, пока мне не придётся встречаться с Уильямом... Если он снова ударит своего сына у меня на глазах, я могу просто взорваться.

— Потому что она чертовски *одержима* Тристаном, вот почему. — Миранда соскальзывает с кровати на пол, берёт чистые хлопчатобумажные трусики из кучи моей одежды и меняет их на кружевную красную пару. Мои щеки вспыхивают примерно таким же цветом.

— И что? — я задыхаюсь, потому что у меня всё ещё не было времени разобраться в своих чувствах, не говоря уже о том, чтобы придумать способ объяснить их кому-то ещё.

— Разве... ты не запала на него? — спрашивает она, склонив голову набок, и её белокурые волосы падают на плечо. — Ну, я имею в виду, ты влюблена во многих парней, но я думала, что Тристан был одним из них.

— Я не влюблена! — выпаливаю я, но это совершенно неправда. Я влюблена. Я просто не уверена... точно, сколько у меня влюблённостей, и все ли они являются здоровыми

вариантами. — Лиззи — друг, а не угроза. — Эти слова звучат правдиво, как вслух, так и в моём сердце, и я вздыхаю с облегчением. Даже если я влюблена в Тристана... это не имеет значения. Если он любит Лиззи, то он любит Лиззи. И всё.

В моём животе образуется ледяной комок, и у меня внезапно начинает болеть живот.

— Вам двоим следует подготовиться, — говорит Кэтлин, с улыбкой открывая приоткрытую дверь. — Гости начинают прибывать. — Я киваю, и Миранда стонет, но мы обе встаём, чтобы переодеться. Миранда направляется обратно в свою комнату, а я переодеваюсь в ванной, надеваю мягкое белое трикотажное платье из джерси и босоножки.

Когда я выхожу, Зейд уже ждёт меня там.

— Привет, — говорю я, застенчиво останавливаясь в дверях, моё платье развеивается вокруг лодыжек. Он поднимает взгляд от своего телефона, видит меня и улыбается.

К тому же это приятная улыбка, искренняя.

Бабочки завладевают моими внутренностями, рассыпая пыльцу со своих крыльев по всему моему здравому смыслу. Я уже была в таких ситуациях с Зейдом и раньше. И всё же...

— Поскольку меня не будет рядом на твоём семнадцатом дне рождения, — начинает он, садясь и доставая что-то из кармана, — я хотел подарить тебе это.

Я складываю свою грязную одежду в спортивную сумку, а затем направляюсь к кровати, протягивая руку, чтобы взять предмет из рук Зейда. Как только мои пальцы касаются его ладони, он хватается за меня и тянет вперёд. Наши тела соприкасаются, и мы падаем обратно на кровать.

Меня окружает его аромат шалфея и герани, дразнящий лёгким привкусом табака и гвоздики.

— Тебе не стоит курить сигареты с гвоздикой, — выпаливаю я, наши лица так близко друг к другу, что наши рты соприкасаются, когда я говорю. Покрытая татуировками рука Зейда обнимает меня за талию, и я чувствую, как его сердце бьётся у меня в груди. — Они убьют тебя, ты же знаешь.

— Может быть, — шепчет он, а затем захватывает мой рот своим, целуя меня с такой лёгкостью, которой я раньше в нём не чувствовала. Это овладевает мной, и не успеваю я опомниться, как тоже целую его. Руки Зейда блуждают по моей спине, но не заходят дальше, как будто он знает, что нельзя переходить границы дозволенного.

В моём сознании мелькают воспоминания о том времени, как это было, на первом курсе, когда у него была установлена камера, чтобы...

Я со вздохом отшатываюсь и сажусь на край кровати, сжимая предмет, который я украла из рук Зейда.

Это пара серёжек, сделанных из медиаторов для гитары.

— Они с моего первого концерта, — шепчет он, тоже садясь, его губы измазаны моей бледно-розовой помадой. — Я выступал на разогреве у какой-то дворовой панк-группы в этом маленьком местечке в центре Санта-Круса. Зрителей было... может быть, человек десять? — Зейд смотрит в пол, его взгляд отрешённый. Когда он снова обращает его на меня, в нём горит страсть, которая заставляет меня покраснеть. — Я почти уверен, что никогда не был счастливее, чем в тот момент.

Я улыбаюсь, и он улыбается в ответ.

Раздаётся стук в дверь, и Миранда зовёт меня по имени.

— Минутку, — кричу я в ответ, глядя на Зейда. Он кажется... может быть, он немного напряжён? Но большая часть того стыда, который он носил в себе, исчезла. — Ты пришёл

сюда целоваться или говорить? — спрашиваю я, протягивая руку и с трудом продевая серьгу в дырочку в мочке уха. Зейд придвигается ближе и берёт это на себя, помогая мне надеть их.

Закончив, он протягивает руку и обхватывает ладонями моё лицо.

— Ты завтра уезжаешь? — спрашивает он, и я киваю. Это ощущается почти горько-сладко, как конец целой эпохи. Я знаю, что это неправда, но есть что-то в мягком солнечном свете, проникающем сквозь окна, криках чаек и плеске океана, что заставляет меня чувствовать себя именно так. — Тогда, я полагаю, нам вроде как... нужно поговорить?

Мой рот сжимается в нейтральную линию, и всё то беспокойство и тоска, которые я испытывала, всплывают на поверхность.

— Я просто не понимаю, как ты мог ненавидеть меня, а потом... — я замолкаю, когда Зейд роняет руки на колени. У него так много татуировок, этих великолепных цветных переливов, состоящих из звёзд, гитар, птиц, музыкальных нот, женщин и бабочек.

— Я не ненавижу тебя, Марни, — говорит он, выдыхая, а затем проводит пальцами обеих рук по волосам. Его изумрудные глаза поворачиваются к моим и ловят мой пристальный взгляд. Я не могу отвести взгляд. — Может быть, сначала, да, так и было.

— Почему? — только это одно слово, произнесённое шёпотом.

— Ты... вошла, привлекая всеобщее внимание. Ты умна, и ты играешь музыку, как богиня. Ты симпатичная и целеустремлённая, и тебе всё равно, какая у кого-то фамилия или сколько у него денег. Ты поступила в Бёрберри, и тебе не пришлось платить ни копейки, и я думаю... у нас сложилось неверное представление о твоей стипендии. — Он смотрит на меня с искренним выражением, запечатлевшимся на его красивых чертах. — Мы действительно хотели, чтобы ты ушла, потому что ты представляешь угрозу всему, что мы знаем и понимаем.

Я пытаюсь сглотнуть, но у меня в горле стоит ком, и я задыхаюсь.

Зейд на мгновение замолкает, наблюдая, как я тереблю серьги пальцами. Это продуманный подарок, то, что нельзя купить за деньги. Я чувствую, что Зейд, по крайней мере, чему-то научился, проводя время со мной. Может быть, мне тоже стоит попытаться чему-нибудь у него научиться? У каждого есть какой-то урок, который стоит преподать.

— А потом — я не уверен, когда именно — мы все начали... проникаться к тебе теплотой, я полагаю? Должно быть, это было сразу после Хэллоуина, я думаю, когда ты заявила на ту вечеринку с ярко-красными волосами и в костюме дьявола. — Зейд ухмыляется, и я краснею. Для меня это был смелый шаг, но я определённо не жалею о нём. — В любом случае, мы уже заключили пари, так что...

— С... кто...? — спрашиваю я, хотя почти уверена, что правильным грамматическим вопросом было бы: *с кем?* Хотя звучит так официально. Или, может быть, я просто нервничаю, поэтому несвязно бормочу в своём собственном мозгу?

— Харпер, Бекки и Анна, — отвечает Зейд, поджимая губы. — Какой бы парень ни победил, он получит трофей от девочек. Если бы мы потерпели неудачу, и ты бы ни с кем не появилась на выпускном вечере, мы бы договорились отправиться с девочками в путешествие вместе. — Он выдыхает и закрывает глаза, как будто эту историю больно рассказывать.

Позвольте мне быть честной с вами: мне тоже больно это слышать.

— Незадолго до зимнего бала девушки заключили ещё одно пари на вечеринке в Клубе Бесконечности. — Он открывает глаза и смотрит прямо на меня. — Они поспорили друг с другом, что смогут заставить тебя сделать то, чего не смогли Зак и Лиззи.

— Какой был бы приз за это? — шепчу я, обхватывая себя руками. Мне внезапно становится холодно, хотя здесь хорошо и тепло. «*Чего стоит моя жизнь?*» — вот то, о чём я действительно спрашиваю. Для Зака это было семейное состояние. Для Лиззи... это была просто спонсорская помощь Клуба Бесконечности.

А теперь что? Чего я сейчас стою?

— Девушки Голубой Крови заключили пари против некоторых представителей Плебеев. — Зейд на секунду прикусывает нижнюю губу и щёлкает пальцами, как будто пытается вспомнить имена. — Вроде, Кларисса? Киара, до того, как она вошла во Внутренний круг? Я не уверен. В любом случае, пари действует до окончания школы. Они будут приставать к тебе до тех пор, пока ты не покинешь Бёрберри.

— Ставки высоки, Зейд, — выдыхаю я, изо всех сил стараясь дышать ровно.

— Если Голубокровные победят, они получают эксклюзивные контракты для своего бизнеса, между ними и бизнесом девушек, с которыми они поспорили. Если всё пойдёт наоборот, то у них будет сумма около... трёх миллионов долларов, которую они разделят, без каких-либо ограничений по трастовому фонду, это то, что они могут потратить сейчас, не опасаясь, что их семьи будут дышать им в затылок.

Деловые контракты. Три миллиона долларов.

Вот чего стоит моя жизнь.

— Спасибо, что рассказал мне, — шепчу я, а затем делаю движение, чтобы встать. Зейд хватает меня за запястье и удерживает на месте. Когда я оглядываюсь на него, я вижу, как его уверенность борется со стыдом.

— Мы хотели, чтобы ты ушла из Академии. Если ты уйдёшь, ставка будет аннулирована. Вот оно. Они остановятся. Пока ты там, они будут неумолимы. — Зейд встаёт и притягивает меня к себе. Я и забыла, как приятно было чувствовать, что его испачканные чернилами руки обнимают меня. Нет, нет, я не забыла: я заблокировала это воспоминание. — Это выходит за рамки академии, Марни. Клуб Бесконечности... это далеко не только развлечения и игры. Людям нравятся Дюпон или Платтерс, они следят за ставками своих детей. Они заинтересованы в них.

— Ух ты. Я думаю, деньги действительно — как болезнь, да? — спрашиваю я, изо всех сил стараясь сохранять спокойствие, хотя внутри мне хочется взбеситься. — Этим миллионерам и миллиардерам, что, нечем больше заняться, чем играть с моей жизнью?

— Мне жаль, Марни. Мы... должны были просто рассказать тебе, что происходило, с самого начала.

— Вам действительно следовало это сделать, — говорю я, но мой голос немного дрожит. Я и раньше слышала от ребят, что старшая версия Клуба Бесконечности была втянута в это дело, но слышать, как Зейд произносит всё это вслух, слышать, как он называет ставки... Это слишком, чтобы в это поверить. — Вместо этого, вы, ребята, продолжали издеваться надо мной. Вы заставили меня почувствовать себя такой униженной, а потом проигнорировали меня. Вы позволяли другим обращаться со мной как с дерьмом.

Зейд резко отводит взгляд, стыд расплзается по его шее и лицу. Теперь всё обрело смысл: то, как он отстранился от меня, его сопротивление находиться рядом со мной. Это не нормально, но... хотя бы стало понятным.

— Крид и Тристан, они знают, что ты мне всё это рассказываешь? — Зейд пожимает плечами, а затем снова смотрит на меня, плотно сжав губы.

— Мне всё равно, что они думают. — Зейд отпускает меня и отступает назад, как раз

перед тем, как дверная ручка поворачивается, и Миранда зовёт меня. Я отворачиваюсь от Зейда, хватаю свой телефон и выхожу на улицу, закрывая за собой дверь.

— Чего он хотел? — спрашивает она, но я просто качаю головой, и мы вместе спускаемся вниз.

Вечеринка прекрасна, в помещении и на открытом воздухе полно людей, всё украшено бумажными фонариками, столами, уставленными едой, и негромкой, но оптимистичной музыкой. Вокруг толпятся люди в купальниках и дорогих платьях, разговаривая и смеясь. По большей части, публика постарше, но есть небольшая группа студентов на заднем дворе, возле открытых ворот, ведущих вниз, к пляжу.

Все парни там — Тристан, Крид, Виндзор и Зак, а также Эндрю и Лиззи.

В углу, прижавшись друг к другу в поисках защиты, сидят Бен, Харпер и Бекки.

— Видеть, как они втроём стоят на моей территории, — начинает Миранда, прищуривая глаза и бросая гневный взгляд на Харпер, когда та поворачивается в нашу сторону, — это просто приводит в бешенство. Меня от этого тошнит. Моя мать знает, что натворила эта девушка. Она знает об этом, и всё же... — Миранда вздыхает, пока мы пробираемся между гостями вечеринки. — Она точно не сможет противостоять Клубу в одиночку. Мы можем быть богаты, но иногда эти старые денежные узы невозможно разорвать.

— Всё в порядке, — говорю я с лёгкой улыбкой, — я понимаю.

На самом деле, я стою там и думаю, что детство с Чарли в вагоне поезда в трейлерном парке Круз-Бэй было самым лучшим. Лучшее, что когда-либо случилось со мной. Эти люди безумны. Всё, что их волнует, — это деньги, внешность и власть. Здесь полное отсутствие сострадания, сопереживания или заботы. У меня снова начинает болеть живот, и я думаю, что, по крайней мере, может быть, я оказала какое-то влияние хотя бы на этих парней?

Может быть, Тристан, Зейд, Крид и Зак немного по-другому подумают о том, как они будут вести себя в будущем?

«Отныне я постараюсь стать лучше. В обязанности Марни не входило учить меня быть лучшей версией себя, но она всё равно уже это сделала».

Мои глаза встречаются с глазами Зака, когда мы направляемся к нему через небольшой участок лужайки. Он улыбается мне, когда мы приближаемся, и я занимаю позицию справа от него.

— Вы с Зейдом пробыли там долгое время, — замечает Крид, прислоняясь к невысокому белому забору так, словно едва может держаться на ногах. — Нашли интересную тему для разговора? — я бросаю на него взгляд, и, должно быть, в выражении моего лица что-то есть, потому что он быстро выпрямляется и закрывает рот.

— Мы как раз обсуждали Бена Трешера, — говорит Виндзор, произнося имя парня так, что он не смог бы его не услышать. — Его семья владеет «Трешер Чикен», крупным конгломератом фабричных ферм. — Принц склоняет голову набок, изучая меня, карие глаза горят. — Ты ведь говорила, что хотела бы покончить с Беном до конца недели, так ведь?

— Что... — начинает говорить Тристан, но среди других завсегдатаев вечеринки внезапно поднимается шум, когда подъезжает несколько машин, одна из которых полицейская. В другой — мужчина и женщина в штатском, но они оба очень быстро предъявляют свои значки и кивают, чтобы их пропустили через боковые ворота.

Мы все наблюдаем, как они направляются прямо к Бену.

— Как ты там говорила? — спрашивает Виндзор, отвлекая моё внимание от зрелища и

возвращая его к себе. — Повесить их на их собственной верёвке?

Детективы — потому что, должно быть, это они и есть — начинают разговаривать с Беном. Тем временем подъезжает несколько других машин и фургонов, и из них вылезают репортёры новостей с включёнными камерами.

— Повесить их на их собственной верёвке, — с благоговением повторяю я, а Виндзор ухмыляется и постукивает пальцами по бокалу.

— Ну, возможно, я позвонил на несколько новостных станций и сообщил, что Бена Трешера, сына генерального директора «Трешер Мит», задержали за сексуальное насилие. — Виндзор пожимает плечами и одаривает меня своей озорной улыбочкой. — Это был мой особенный, маленький штрих. Что ж, а ещё я гарантирую, что он не подкупит и не запугает девушку, на которую напал. Она в безопасности, и о ней хорошо заботятся.

— Он причинил боль другой девушке? — спрашиваю я, и эта мысль просто слишком ужасна, чтобы над ней долго размышлять. Виндзор кивает и смотрит мне прямо в глаза.

— Я этого не выдумывал; я бы не стал этого выдумывать. Смотрите, миледи, я учусь у вас. — Виндзор улыбается и берёт пару закусок с проходящего мимо подноса. — Мини-говядина по-веллингтонски? — он протягивает её мне, но я застываю на месте, наблюдая, как Бена тащат с вечеринки в *наручниках*.

— Как, чёрт возьми, ты узнал об этом? — спрашивает Тристан, поворачиваясь, чтобы посмотреть на Виндзора. Принц перестаёт улыбаться, кладя говяжьих котлет на тарелку, оставленную на соседнем столе. Он вытирает руку о шорты и пристально смотрит на Тристана.

— У меня свои методы, мистер Вандербильт. Если в шкафу есть скелеты, я их найду. — Взгляд Виндзора скользит по группе, когда Зейд направляется к нам, останавливаясь, когда он чувствует напряжение в нашем маленьком собрании. — Это касается всех присутствующих здесь: если вы хотите в чём-то признаться, я предлагаю вам сделать это, пока не стало слишком поздно.

Я дрожу.

Виндзор Йорк пугает.

Нет, он не просто пугает, он наводит ужас.

По крайней мере, он на моей стороне.

Глава 6

Лето дома с папой гораздо менее насыщено событиями, чем моя неделя в Хэмптонс. Я лишь мельком увидела, каким будет следующий год, и уже готовлюсь к тотальной войне.

— Ты в порядке, Мишка-Марни? — спрашивает Чарли, наматывая леску. Мы сидим на берегу местного места для рыбалки, притворяясь, что у нас действительно есть навыки, чтобы хоть что-то поймать. Ни у кого из нас не было ни единой рыбёшки, и я знаю, что в этом пруду водится всевозможная рыба. Должно быть, просто сказывается наше полное отсутствие опыта.

— Я в порядке, — отвечаю я, чувствуя, как бабочки порхают у меня в животе, когда в кармане зазвенел телефон. Каждый раз, когда я слышу, как он издаёт звук, у меня возникает это ощущение. Может быть, потому, что с тех пор, как я уехала из Хэмптонс, у меня не было недостатка в сообщениях. От Миранды, от Эндрю, от Лиззи.

И от всех пятерых парней: Виндзора, Зака, Крида, Зейда и даже *Тристана*.

— Ты уверена? — спрашивает папа, откладывая удочку в сторону и открывая холодильник. Он достаёт пару газированных напитков для нас, и я улыбаюсь. В прошлом он, возможно, пошёл бы выпить пива и попытался бы оправдаться передо мной. «*Только одну, Марни, и ничего больше*». Даже если бы он сдержал своё обещание на этот единственный день, к концу недели он был бы пьян. Он действительно прилагал честные усилия. — Ты кажешься немного отстранённой.

— Да просто... Я нервничаю из-за того, что в следующем месяце начнутся занятия в школе. — *И под следующим месяцем, я имею в виду через неделю.* Мой желудок переворачивается, и я резко выдыхаю. У меня скоро день рождения, пятого сентября. Мне будет семнадцать, и я буду учиться третий год в Подготовительной Академии Бёрберри. Всё это происходит так быстро, что я почти боюсь увидеть, что произойдёт, когда это закончится.

— Кажется, у тебя появилось много новых друзей, — подбирается папа, выуживая информацию. В этом он преуспевает примерно так же, как в ловле рыбы. Я улыбаюсь и заправляю прядь волос за ухо. Я немного отрастила их, но они всё ещё короткие, всё ещё розово-золотистые. Теперь это своего рода мой фирменный цвет. Мои пальцы блуждают по татуировке на бедре, прижимаясь к тазовой кости для успокоения. Я *не* позволю Клубу Бесконечности победить меня.

— Они просто друзья, — повторяю я с усмешкой, поворачиваясь, чтобы посмотреть на него. Мы так похожи: те же карие глаза, те же тёмные волосы (до того, как мои перекрасили), та же полная верхняя губа с небольшим углублением посередине, тот же маленький нос пуговкой. Папа всегда говорит, что на мне его черты лица смотрятся лучше, чем когда-либо на нём, но я всё равно думаю, что он довольно красивый мужчина. — Если у меня появится парень, ты узнаешь об этом первым.

Я отдаю ему честь, и он морщится, но, по крайней мере, он тоже улыбается. За последние несколько недель я заметила, что он похудел, и у него начали выпадать волосы. Грёбаная химиотерапия. Одновременно и благословение, и проклятие. Наша старая соседка из трейлерного парка, миссис Флеминг, не только лучшая в мире женщина в переписке в возрасте старше девяноста лет, но и сама выращивает марихуану с помощью своих взрослых внуков. Она четыре раза в своей жизни побеждала рак и клянётся, что причиной этого

является марихуана. Она приносит папе косяки, съестные припасы и другие вещи и, чтобы компенсировать свою глухоту, очень громко кричит о том, чтобы он принимал своё лекарство.

Может быть, это поможет, а может быть, и нет, но, по крайней мере, медицинский центр отлично заботится о Чарли. Однажды ночью я проснулась в холодном поту, в панике по этому поводу, уверенная, что Харпер собирается каким-то образом отравить моего отца, но Зак успокоил меня.

Правила Клуба Бесконечности незыблемы. Харпер никогда бы не причинила вреда Чарли, потому что это означало бы её конец — в финансовом, социальном плане и в бизнесе. Другие члены Клуба очень серьёзно относятся к ставкам. И под другими членами я не имею в виду младшую секту.

Резко выдыхая, я открываю банку с содовой и залпом выпиваю её. Я пытаюсь уговорить папу отказаться от сахара вместе со мной, но он говорит, что может бороться только с одним пороком за раз, так что пока мы оба всё ещё сладкоежки-наркоманы.

По дороге домой Чарли внезапно тянется выключить радио — несмотря на то, что звучит его любимая песня во всём мире «Every Little Thing She Does is Magic» в исполнении «The Police», — а затем тяжело откидывается на спинку сиденья, сжимая руль так, что побелели костяшки пальцев. Моя первая мысль — что с его здоровьем что-то не так, и я начинаю паниковать.

— Что? — мой голос пронзительный, высокий и незнакомый, в моей голове оживает целый сонм ночных кошмаров. — Папа, пожалуйста. — Мой голос срывается, и Чарли протягивает руку, чтобы взять меня за руку.

— Мишка-Марни, всё хорошо, всё хорошо. — Он улыбается, когда моё сердце учащённо бьётся, и я прищуриваю глаза. — Это из-за твоего дня рождения, вот и всё. — Я резко выдыхаю и откидываюсь на спинку сиденья, убирая с лица немного жёлтого ватина, который вылезает из подголовника. — Твои друзья попросили у меня разрешения организовать вечеринку-сюрприз.

— Вечеринку-сюрприз... о которой ты мне рассказываешь? — спрашиваю я, бросая взгляд на свой телефон и находя сообщения от большинства моих новых «друзей». Новые Голубокровные. Меня охватывает прилив энергии, и я облизываю губы. Я, Голубокровка? *Идол*? Конечно же, Тристан шутил. И вообще, я никогда не смогла бы быть такой жестокой. Я бы никогда не вписалась.

— Ну, я хотел убедиться, что ты не против, — продолжает папа, когда мы въезжаем на подъездную дорожку к нашему новому дому. Иногда это приводит в замешательство — не возвращаться в вагончик. У меня так много приятных воспоминаний о том месте. И плохих тоже. Я буду скучать по нему, но я не против смены обстановки. — Эти мальчики, если они снова будут издеваться над тобой...

— Они не будут, — говорю я, и слова выходят сильными, уверенными. Я жду, пока папа припарковывает грузовик и заглушает двигатель, прежде чем протягиваю руку и беру его за руку. — И я никогда не заставлю тебя пройти через то, что было раньше.

Красные полосы, вода становится розовой, моя спина соскальзывает по стенке душа.
Дыши, Марни, дыши.

— Если тебе нужно что-то мне сказать, — начинает папа, его щеки слегка краснеют, — даже если это о сексе или о чём-то подобном, я здесь. Ты ничего не могла бы сделать, что изменило бы мою любовь к тебе, Марни. Если ты придёшь ко мне с вопросами, я обещаю,

что не буду злиться.

Моё серьёзное выражение лица превращается в улыбку, и я наклоняюсь вперёд, чтобы обвить руками его шею в очень похожем на Миранду объятии. Когда я откидываюсь на спинку сиденья, папа тоже улыбается.

— Ладно. Если у меня возникнут какие-либо вопросы, я сначала спрошу у Google, но не буду забывать о тебе ни на секунду. — Папа смеётся, но в этом звуке слышится наполовину веселье, наполовину облегчение. Хорошо. — И да, про вечеринку. На самом деле, я очень рада этому.

Я не говорю этого вслух, но... прошли годы с тех пор, как я отмечала день рождения с кем-либо, кроме себя и папы.

В прошлом году Зак пытался, но я не была к этому готова.

В этом году я открыта для перемен.

И я не боюсь.

Я никому не говорю, что папа уже проболтался о моей вечеринке. Вместо этого, когда он начинает вести себя как белка в колесе после нашего завтрака с блинчиками на вокзале, я просто улыбаюсь и прикрываю смех рукой.

Когда мы подъезжаем к боулингу Лоуэр Бэнкс — единственному классному месту для игры в боулинг во всем районе метро Круз-Бэй, — снаружи припаркованы машины, которые стоят больше, чем весь этот бизнес. Ха-ха. Если бы я раньше не знала, что сейчас произойдёт, я бы поняла всё уже сейчас.

Моё сердце пропускает несколько ударов, когда папа бросается открывать мою дверь, обращаясь со мной как с принцессой. Я чувствую себя немного похожей на неё в чёрном вечернем платье, которое я выбрала. Это платье с высокой посадкой (спереди короче, чем сзади) с лифом без рукавов, расшитым бисером, и небольшим воротничком, застёгивающимся сзади на пуговицы. Лучшая часть? Я заплатила за него сорок баксов онлайн и чувствую себя в нём *потрясающе*. Мне не нужны дизайнерские платья или туфли, чтобы чувствовать себя красивой. Это может прозвучать банально, но я действительно верю, что энергия есть внутри каждого из нас.

Прикусив нижнюю губу, я остаиваюсь прямо перед дверью, рядом с табличкой «Закрето для частной вечеринки», а затем прохожу внутрь.

— Сюрприз!

Небольшая группа, собравшаяся в прихожей, рядом со старой кофе-машиной, и окнами из матового стекла, отделяющими обеденную зону, приветствуют друг друга. В этом приветствии так много энтузиазма, даже несмотря на то, что Крид зеваает и хлопает в ладоши одновременно, а Тристан такой же подавленный, как всегда. Остальные — Миранда, Лиззи, Эндрю, Зак, Виндзор и Зейд — всё восполняют.

— Тебе сегодня семнадцать! — кричит Миранда, танцуя, подбегая ко мне и сжимая меня с таким энтузиазмом, что мои ноги отрываются от пола. От неё пахнет спреем для тела Виктория Секрет, на котором все так помешаны. «Love Spell», вроде? Интересно, есть ли у неё новая подружка?

— Мне семнадцать, — повторяю я, смеясь, отталкиваю её, и Лиззи подходит ко мне, чтобы обнять гораздо мягче, но не менее крепко. Объятия каждой девушки соответствуют их индивидуальности. Эта мысль заставляет меня улыбнуться.

— С днём рождения, — говорит Лиззи, отстраняясь и замечая моего папу. У неё перехватывает дыхание, а янтарные глаза становятся большими. — Мистер. Рид. — Слова

произносятся шёпотом, и мне требуется минута, чтобы понять, что происходит. Она беспокоится, что он знает о её участии в пари. Но нет. И, честно говоря, на данный момент нет никаких причин говорить ему об этом.

— Лиззи, это Чарли, — представляю я их так просто, как только могу, одаривая её взглядом, который, я надеюсь, передаёт это. Они пожимают друг другу руки, когда я подхожу к Эндрю. Он на самом деле одет в белую рубашку с радужным флагом спереди. Я поднимаю брови, и он улыбается, протягивая руку, чтобы взъерошить свои каштановые волосы.

— Я не такой храбрый, как ты, — говорит он, на что я тоже приподнимаю бровь. Я никогда не считала себя храброй. Я учусь уверенности в себе и заботе о себе, но храбрости? Я ещё не уверена, что достигла этого. — Просто мои родители всё ещё в Италии, так что... — Эндрю замолкает, но мы всё равно обнимаемся.

С этими людьми легко здороваться.

Остальная часть группы... сложная.

Ну, может быть, для меня. Виндзор ещё не врубился в ситуацию. Он сбивает меня с ног, и я взвизгиваю от удивления, когда он разворачивает меня и ставит обратно, переплетая свои пальцы с моими и поднимая их вверх, так что мы соприкасаемся ладонями. Моё сердце колотится, пульс учащается, когда он наклоняется и целует меня в обе щеки.

Мой папа смотрит на нас с очень сдержанным и растерянным выражением лица. После того, как я объяснила ему, кто такой Виндзор, он мне не поверил. Он буквально поспорил со мной на двадцать баксов, что я над ним подшучиваю. Затем он посмотрел «принца» на своём телефоне, шаркающей походкой подошёл к двери моей спальни и положил небольшую пачку банкнот в единицах и пятёрках на мой туалетный столик.

«Моя дочь ходит в школу с членами королевской семьи», — пробормотал он, а затем добавил: *«Неудивительно, что ты не захотела покинуть эту школу»*.

— Мы все прилетели на твой день рождения, и, — Виндзор поднимает один палец, — поскольку во всем Круз-Бэй нет подходящего пятизвёздочного отеля, мы остановимся в отеле типа «постель и завтрак Бэйсайд». — Когда улыбка расплзается по моему лицу, Виндзор хихикает. — Думал, ты получишь от этого удовольствие.

— Вы, ребята, знаете, что в отеле типа «постель и завтрак Бэйсайд» водятся привидения, верно? — спрашиваю я. — И, кроме того, их континентальный завтрак состоит из апельсинов в миске и холодных хлопьев. Там нет камердинера, нет подготовки постели ко сну, и они определённо не довели до совершенства искусство целования ваших задниц.

— Ага, мы уже убедились в этом вчера, — говорит Тристан, отводя серые глаза в сторону. Его руки крепко скрещены на груди, и, хотя я не психолог, в его позе есть что-то такое, что говорит об осторожности, замкнутости, недоступности. Интересно, он делает это нарочно? — С потолка в моей ванной тычет, и там нет обслуживания номеров.

— Гренадин-Хайтс может быть эксклюзивным районом, но в целом Круз-Бэй спокойный и очень непринуждённый район Западного побережья. Извините, ребята. — Я улыбаюсь, когда Виндзор отпускает меня, и поворачиваюсь, чтобы увидеть Зака, наблюдающего за нами в новенькой красно-чёрной университетской куртке на плечах.

— Они позволили тебе вернуться в команду? — спрашиваю я, и он кивает, слегка поморщившись.

— Честно говоря, это какая-то чушь собачья, что они так легко простили меня, — начинает он, но затем я обвиваю руками его стройную талию, и он заключает меня в

объятия, от которых я покрываюсь потом. Рядом с ним я чувствую себя как-то странно, так, как никогда раньше.

Папа что-то бормочет себе под нос и исчезает в обеденной зоне, чтобы заказать рутбир Флоат (*прим. — напиток в виде мороженого с добавлением корневого (безалкогольного) пива*). Он пытается оставить меня наедине с моими друзьями, что я ценю, но время от времени его взгляд скользит в нашу сторону.

— Выиграй для Бёрберри в этом году, хорошо? — я говорю это, потому что как только я отомстила и вычеркнула его имя из своего списка, с меня хватило. Нет смысла бить мёртвую лошадь, и я верю, что Зак усвоил урок, который он никогда не забудет. Я мстила не для того, чтобы злорадствовать по этому поводу или валяться в крови своих врагов, как это могла бы сделать Харпер. И теперь, когда всё кончено — во всяком случае, с этими парнями, — я готова вступить на путь прощения.

Спросите любого: прощение — гораздо более трудный путь, чем месть.

Это я знаю наверняка, потому что через несколько секунд дверь открывается и входит Дженнифер со связкой воздушных шариков в руке.

Моё сердце превращается в лёд, проваливается в желудок и разлетается на осколки.

Меня тошнит.

— Привет... — начинает Миранда, выглядя совершенно неуверенно. Но потом она оглядывается на меня, видит моё лицо и понимает: это моя мать. Она тоже знает все истории об измене, об остановке и о сестре, которую я никогда не встречала.

— Марни, — начинает Дженнифер, направляясь к нам в вечернем платье, почти таком же модном и пышном, как моё собственное. — Я тебе кое-что принесла. — Она лавирует между моими друзьями, не обращая на них внимания. То есть до тех пор, пока она не увидит Виндзора Йорка. — О. О мой Бог. Ваше величество. — Она выпаливает эти слова, и моё лицо становится свекольно-красным. Моя кожа, наверное, раскалена до предела.

Дженнифер поворачивается ко мне с выражением неподдельного ликования на лице, как будто то, что я дружу с британской королевской семьёй, каким-то образом отражается на ней положительным образом. Честно говоря, я никогда в жизни ни с кем не чувствовала себя такой чужой, как с Дженнифер. Она незнакомка в самом худшем смысле этого слова. Я имею в виду, что она моя *мать*, одна из людей в этом мире, которые должны быть мне ближе, чем кто-либо другой, и всё же она так же далека от меня, как случайная женщина с улицы.

— Что ты здесь делаешь? — спрашиваю я, когда папа выходит из-за края стеклянной стены и удивлённо смотрит на неё. По выражению его лица я могу сказать, что он тоже её не приглашал. Он бы не поступил так со мной, не спросив.

— Ну, в разговоре с твоим отцом мимоходом всплыло, что ты могла бы быть сегодня здесь... — Дженнифер замолкает, её светлые волосы уложены на макушке, как у принцессы, и украшены блестящими серебряными нитями и крошечными жемчужными бусинками.

— Я не приглашал тебя, Дженн, — говорит Чарли, на его лице странная смесь сочувствия и разочарования.

Я чувствую себя так странно, переживая этот момент с Идолами по одну сторону от меня, Заком и Виндзором по другую, а мои новые друзья выстроились веером позади моей матери с соответствующими выражениями сочувствия.

— Я просто пришла подарить своей малышке несколько воздушных шариков, — говорит Дженнифер, передавая подпрыгивающий свёрток. Её взгляд скользит мимо меня и

останавливается на Зейде. Её накрашенный красным рот приоткрывается от удивления. — Ты сын Билли Кайзера, да?

— Единственный и неповторимый, — отвечает Зейд, но в его голосе звучит лёгкое раздражение. Когда я снова смотрю на него, то вижу, что он изучает моё настроение. Он тоже знает, каково это — иметь отсутствующего родителя.

— Ты определённо хорошо справились в академии, все эти милые друзья, — говорит Дженнифер, слегка задыхаясь, когда её голубые глаза окидывают Тристана и Крида, прежде чем снова повернуться ко мне. — Который из них твой парень?

«Прощение — это добродетель», — говорю я себе, глядя в лицо своей матери. Я пытаюсь заставить себя улыбнуться, но мои губы остаются неподвижными. Всё, о чём я могу думать, — это сидеть под дождём, плакать, смотреть, как машины въезжают на стоянку и выезжают с неё, пока я прячусь под толстыми ветвями дерева.

Дженнифер оставила меня на остановке парковки для отдыха, потому что её новому парню не понравилось, что я плачу.

— Я ещё не решила. — Слова вылетают вот так просто, плоско и незаинтересованно. Почти скучно. Дженнифер пристально смотрит на меня, и я смотрю в ответ. — Может быть, я выберу их всех? — она смеётся, немного нервно, но смех получается негромким, и в комнате воцаряется полная тишина. — Спасибо за воздушные шарики. — Миранда подкрадывается ближе, как будто чувствует, что мне нужна поддержка, и я протягиваю ей наполненный гелием букет. — Выпей рутбира или ещё чего-нибудь и останься ненадолго.

Я отворачиваюсь, моё лицо пылает, руки трясутся, и в конце концов я смотрю прямо на Тристана.

Он смотрит на меня, как будто сбит с толку и не знает, что со мной делать.

— Это та часть, где ты поздравляешь меня *с днём рождения*, — шепчу я, и что-то в его жёстком выражении лица слегка смягчается.

— С днём рождения. Я знаю, каково это — иметь дерьмовых родителей; не позволяй им омрачать твой праздник.

— Прошу прощения, молодой человек, — говорит Дженнифер, но я улыбаюсь и игнорирую её. Я слышу, как Чарли что-то бормочет, увлекая её в сторону столовой.

Тристан лезет в карман и снова достаёт то чёртово ожерелье. То самое грёбаное ожерелье. Он вопросительно поднимает его, и я поворачиваюсь, позволяя ему накинуть его мне на шею. Когда он наклоняется, его губы касаются моего уха, и я вздрагиваю.

— Я правда имел в виду то, что сказал, когда просматривал те открытки: твоя была единственной, которую я не возненавидел. — Он застёгивает застёжку и отпускает меня, отступая назад, когда я протягиваю руку, чтобы поиграть с махровыми розами. Путешествие этого ожерелья напоминает мне о моих отношениях с Тристаном, об этих странных метаниях туда-сюда, от которых у меня пересыхает во рту и болит грудь. Когда я смотрю на него, я тоскую.

Тоскую.

Я только что сказала «тоскую».

Прежде чем я успеваю хорошенько подумать об этом, я поворачиваюсь к Зейду, игнорируя устремлённый на меня янтарный взгляд Лиззи. Часть меня задаётся вопросом, не стоит ли мне ещё раз вернуть ожерелье, отдать Тристана в объятия Лиззи. Кажется, она действительно заинтересована в нём...

— Я сумел одурачить тебя подарив серьги раньше времени? — спрашивает Зейд,

улыбаясь мне и скручивая свои теперь уже ярко-красные волосы в маленькие, покрытые гелем коллочки. Цвет такой яркий и безумный, но ему идёт. Чёрт возьми, я не уверена, что в мире есть цвет, который бы ему не подошёл.

— О, я была так одурочена, — говорю я, тоже обнимая его. То, что он заставляет меня чувствовать, то, что они все заставляют меня чувствовать... Третий год в Академии Бёрберри обещает быть гормональным бардаком. Я уже знаю это. Зейд обнимает меня долго, дольше, чем сделало бы большинство друзей, и Миранда грубо откашливается рядом с нами.

Мы расходимся, и мои глаза немедленно встречаются с ледяными голубыми глазами Крида.

— Марни. — Он и выглядит, и звучит немного... раздражённо. — Счастливого семнадцатилетия.

«Я начал думать о тебе... как о своей».

Я облизываю внезапно пересохшие губы и пытаюсь решить, стоит ли мне обнять его. Я не обнимала Тристана, но я обняла всех остальных. Крид и я просто смотрим друг на друга. Наконец, поскольку я просто не могу вынести этого чёртова напряжения, я обнимаю его и крепко сжимаю в объятиях. Я отпускаю его прежде, чем у него появляется шанс вернуть жест, и обнаруживаю, что его обычно прикрытые сонные глаза расширились до размеров синих блюдец.

— Давайте начнём веселье и игры! — выдыхаю я слишком бодро, чтобы кто-то мог мне поверить, а затем чуть не ломаю лодыжку, спускаясь по ступенькам. Зак успокаивает меня, положив большую тёплую руку мне на плечо, и мы все расходимся веером на скамейке запасных, пока Миранда и Эндрю называют каждого по имени. Один из сотрудников подходит принять наши заказы на напитки, и в итоге я получаю шоколадный молочный коктейль, покрытый радужной глазурью, и слишком много вишни мараскино.

Возникает некоторая неловкость, когда мы все устраиваемся вместе. Мы не совсем лучшие друзья, и это серьёзная проблема.

По сути, я тусуюсь с четырьмя своими тиранами. Пятью, если считать Лиззи за то, что она сделала ту ставку.

— Почему бы вам, парни, не сделать ставку в Клубе Бесконечности на боулинг? — я шучу, и, клянусь, все поворачивают головы прямо ко мне. — Неуместная шутка, да? — я хихикаю, но я единственная, кто находит это смешным. — Я могла бы рассказать вам об истории этого здания. Он был построен в 1892 году в качестве борделя, финансируемый богатым железнодорожным бароном, потому что он думал, что если бы шахтёры, приезжающие на золотую лихорадку, имели компанию женщин, они были бы менее жестокими...

— Ты можешь шутить о Клубе, если хочешь, — яростно говорит Зак, наблюдая, как я потягиваю свой молочный коктейль через соломинку в красно-белую полоску. — Тебя он задел больше всего. И я уже говорил тебе: это чертовски сексуально, когда ты рассказываешь исторические факты. — Он улыбается мне, а затем стягивает свою университетскую куртку со своих широких плеч, натягивая согретую его телом ткань поверх моей.

Моё сердце скручивается в узел, а затем умирает от всех этих чувств.

Мои щёки краснеют, когда я протягиваю руку, чтобы запахнуть куртку, чувствуя себя подростком из пятидесятых или что-то в этом роде, пьющим молочный коктейль из газировки в автомате и надевающим школьную куртку своего парня в боулинге.

Не то чтобы Зак был моим парнем или что-то в этом роде.

Я имею в виду, он не спрашивал.

И даже если бы он это сделал, я не знаю, сказала бы я *да*.

«*Чёрт, она пахнет им*», — думаю я, изо всех сил сдерживая стон. В последний раз, когда я надевала его толстовку с капюшоном, я чуть не умерла от запаха. *Спортивный, но в то же время землистый, как мускус и кедр*.

— Ладно, любовничек, — говорит Виндзор, подталкивая Зака к стойке с шарами для боулинга позади нас. — Выбери какой-нибудь, и давай начнём эту игру. Мне очень нравится надирать задницы, даже когда речь не идёт ни о каких ставках. — Он улыбается, и я думаю о том, что он сделал с Беном. Я имею в виду, Бен заслужил это, но всё же. Я не думаю, что Виндзор сейчас шутит.

Игра начинается на ура, и я с удивлением вижу, что и Зак, и Виндзор чертовски хорошие игроки в боулинг. К счастью, все остальные посредственны... а Тристан — отстой. Типа, он, безусловно, самый худший.

— Неужели есть что-то, в чём ты не силен? — с удивлением спрашиваю я, когда он закидывает ещё один мяч в жёлоб и прищуривает свои красивые серые глаза, глядя на дорожку. Он бросает на меня взгляд, но я ухмыляюсь. — Это шокирует.

— Я никогда раньше не играл в боулинг, — отвечает он, и улыбка сползает с моего лица. Теперь я просто пялюсь на него, разинув рот.

— Ты никогда раньше не играл в боулинг? — я выдыхаю, а потом обнаруживаю, что снова улыбаюсь. — Ну, всё когда-нибудь бывает в первый раз, верно? У тебя получится. — Тристан смотрит на меня, как на сумасшедшую, а затем отступает назад, чтобы Лиззи могла занять свою очередь.

Её обручальное кольцо сверкает, когда она берёт в руки золотой шарик.

— Ты никогда не расслаблялся настолько, чтобы попробовать что-то вроде боулинга, — говорит она, делая шаг вперёд и готовясь к броску. Она слегка улыбается, прежде чем выдохнуть, фокусируя свои янтарные глаза на кеглях, а затем отпускает мяч, как профессионал. — Страйк! — Лиззи визжит и подпрыгивает вверх-вниз, обвивая руками шею Тристана.

Он выглядит так, словно его только что ударили в живот.

Я чувствую себя так, словно меня только что ударили под дых.

Лиззи отстраняется, краснея, а затем убирает с лица несколько тёмных локонов. Она бросает взгляд в мою сторону, но я притворяюсь, что не замечаю этого. Внутри у меня всё скручивается от тоски.

— Слова «расслабляться» нет в моём словарном запасе, — наконец произносит Тристан, и я слегка съёживаюсь.

«*Занятие сексом в общественном туалете, вообще-то, было похоже на расслабление*», — кисло думаю я, не совсем понимая, почему я вдруг так разволновалась из-за этого. «*Или в кладовке в первый день учёбы*». Моё внимание слегка переключается на Лиззи, когда Зейд выходит на дорожку. Они с Тристаном когда-нибудь... и если да, то действительно ли я хочу об этом знать?

Её янтарные глаза встречаются с моими, и я краснею.

— Ах, нахуй эту кучу волосатых козлиных яиц, — стонет Зейд, когда его мяч отскакивает на соседнюю полосу. Он проводит ладонями по лицу, пока я смеюсь, размазывая подводку ровно настолько, чтобы придать ему сексуальный рокерский вид. — Эта игра сложнее, чем кажется.

— Это интересное ругательство, — говорю я с лёгким смешком, прикрывая рот и пытаясь игнорировать беспокойство, которое вызывает у меня история с Лиззи и Тристаном. Она отступила назад к скамейке, чтобы сесть рядом с Заком, но король Бёрберри по-прежнему смотрит на меня своими нервирующими серыми глазами. Они цвета надгробий, состарившихся и изношенных за его семнадцать лет, и наполнены гораздо большим количеством эмоций, чем камень, из которого они сделаны.

— Да, ну, я артист, — мурлычет Зейд, и в том, как он говорит, есть что-то такое, что говорит всему миру о том, что он умеет петь. Однажды я хотела бы увидеть его выступление вживую. Держу пари, наблюдать за ним — настоящее удовольствие. На долю секунды я чувствую укол вины за то, что сделала. Но потом я вспоминаю трофей и то, как я надела его красное платье, а потом...

Я выдыхаю и встряхиваю руками.

Здесь я работаю над прощением, а не над обидами. Какой смысл держать её в руках? Предпринимайте действия, которые вам необходимо предпринять, и двигайтесь дальше. Этим Идолам Голубых Кровей нужно было усвоить урок; и я преподала его им. Теперь я отпускаю это.

С другой стороны, девочки — это совсем другая история.

Занятия в школе начинаются всего через несколько дней; я должна быть готова.

— Ладно, сэр *артист*, — шучу я, поднимая свой мяч с дорожки и облизывая нижнюю губу, — смотри и учись, как это делает профессионал.

— Ты ещё пожалеешь об этом, — хихикает Зейд, складывая руки на груди. Когда я бросаю в его сторону ответный взгляд, он поднимает одну татуированную руку и лениво машет ею в мою сторону. — Продолжайте, Мисс Экстраординарный Эксперт по боулингу, и давайте посмотрим на эти ваши профессиональные приёмы.

Я усмехаюсь и поворачиваю обратно на дорожку, совершая этот драматичный маленький забег, прежде чем бросить мяч и посмотреть, как он вибрирует, крутится, а затем исчезает перед тем как сбить одну-единственную дурацкую кеглю.

— Чёртовы шары из пчелиного воска, пропитанные мёдом, — ругаюсь я, и Зейд воет от смеха. Чёрт, я скучала по этому смеху. Он смеётся так сильно, что сгибается в поясе.

— Шары из пчелиного воска?! Это по-твоему ругательство?!

— Эй, это лучше, чем яйца волосатого козла, — ворчу я, забирая свой мяч, и замираю, когда Зак подходит ко мне. Он приподнимает свои тёмные брови.

— Хочешь несколько советов? — спрашивает он, и моё сердце начинает биться как сумасшедшее. Я киваю, и он подходит ко мне сзади, кладёт свои большие руки мне на бедра, заставляя меня дрожать. Он направляет меня к определённому месту, а затем показывает, как держать мяч, куда класть пальцы. — Поскольку ты именинница, я помогу тебе сбить её в первый раз. После этого ты сама по себе. — Он стоит позади меня, скользя пальцами по моей правой руке, прежде чем наклониться через плечо, чтобы запечатлеть лёгкий поцелуй на моей правой щеке.

Я почти таю прямо там, на глазах у всех.

Вместо этого я выдыхаю и вздрагиваю, когда Зак помогает мне бросить мяч именно таким образом, что я на самом деле подбираю оставшуюся кеглю.

— Святое дерьмо, — выпаливаю я, ухмыляясь, когда оборачиваюсь и обнаруживаю, что он всё ещё стоит слишком близко ко мне. Мгновение мы смотрим друг на друга, прежде чем я проскальзываю мимо него и занимаю место на скамейке между Мирандой и Эндрю.

Честно говоря, это кажется самым безопасным местом в комнате.

Мы заканчиваем нашу игру, и *Закочень близко по очкам*, но всё же обыгрывает Виндзора.

Всё это забавы и игры, пока принц не проигрывает, и я вижу, как сжимается его челюсть. В его взгляде мелькает тьма, которую я узнаю по тому времени, когда он пытался заставить меня подбросить наркотики Тристану, или, когда он разговаривал со мной во время ареста Бена Трешера. Он замечает, что я наблюдаю за ним, и вместо того, чтобы отрицать это, подходит прямо ко мне и наклоняется, чтобы прошептать мне на ухо.

— Я говорил тебе, что я чёртов, ужасный придурок, — шепчет он, а затем *кусает* мочку моего уха. Я так поражена, что подпрыгиваю и вскидываю руку, чтобы прикрыть ухо. А после я бью его по лицу, и он стонет, прикрывая рот рукой, плечи трясутся от смеха. Когда он отодвигает руку, появляется немного крови. — Кажется, я только что порезал губу о свой зуб.

— Прости, — стону я, но Виндзор только ещё немного смеётся и, извинившись, уходит приводить себя в порядок в уборную, в то время как остальные из нас собираются вокруг стола, чтобы съесть бургеры из огромной стопки на серебряном блюде, картошку фри с десятков красных и белых бумажных подносов и газировку из стаканчиков с напечатанным сбоку логотипом боулинга.

Это настолько далеко от привычной роскоши академии Бёрберри, насколько это вообще возможно.

Беседа лёгкая, непринуждённая, но приятная.

Я думаю, мы всё ещё пытаемся понять, как взаимодействовать друг с другом.

К тому времени, когда подают торт, обстановка уже не такая неловкая, и, передавая Криду бумажную тарелку с большим куском торта, я понимаю, что мне на самом деле весело. Честно говоря, это, возможно, один из лучших дней рождения, которые у меня когда-либо были. Я даже на время забываю о Дженнифер, стоящей в углу, как изгой. На этот раз социальным изгоем здесь являюсь не я, а она.

Папа дарит мне ещё один сентиментальный предмет, который заставляет меня плакать: большую красивую рамку, которую он сам сварил, заполненную нашими фотографиями, начиная со дня моего рождения, и включая по одной на каждый последующий день рождения. Я так счастлива от этого подарка, но в то же время я в ужасе.

Он думает, что умирает.

Я не хочу об этом думать.

Я роюсь в других подарках и нахожу — что неудивительно — множество смехотворно дорогих вещей, таких как флакон духов от Клайва Кристиана «Империял Маджести», который стоит целых двенадцать *тысяч* за *унцию*. Миранда подарила мне их. Я почти задыхаюсь и умираю, когда она опрыскивает меня ими, словно наблюдая, как в воздухе вокруг меня расплываются долларовые купюры. Честно говоря, пахнет восхитительно.

Груда необычных подарков — обувь, одежда, украшения, новый чемодан (Эндрю, должно быть, стыдно из года в год видеть мою потрёпанную спортивную сумку) и другие разнообразные предметы — лежат в конце стола, когда я беру маленький чёрный атласный конверт от Виндзора.

— Это всего лишь мелочь, — говорит он, подпирая подбородок рукой, его карие глаза блестят, когда я отрываю клапан и нахожу... ключ на блестящем розовом брелке «Принцесса». Мои глаза сужаются, в то же время моё сердце колотится как сумасшедшее.

Почти уверена, что у меня даже трясутся руки.

— Принцесса? — говорю я, а он просто смеётся, жестом предлагая мне покопаться в конверте.

Внутри лежит документ на машину с моим именем.

Мои глаза расширяются, а затем я встаю и выбегаю на улицу.

Там стоит грёбаный розово-золотой «Мазерати» с откидным верхом и бантом на капоте.

— Виндзор, — начинаю я, когда папа выбегает следом за мной. У него отвисает челюсть, когда он видит машину. Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на принца, который стоит, засунув руки в карманы брюк, его рыжие волосы, как всегда, торчат спереди. Он приятно улыбается, как будто рад, что я взволнована, но в то же время как будто в этом нет ничего особенного. У него также есть... Я не хочу сказать самодовольство, но самоудовлетворение, как будто он хотел быть уверенным, что у него самый большой подарок, и он получает от этого удовольствие. Хм-м.

— Серьёзно? — Миранда кашляет. — Ты непревзойдённый мудак. — Последнюю часть она бормочет себе под нос, но я всё равно её слышу.

— Я не могу её принять, — шепчу я, переводя взгляд с него на машину.

— Не можешь? — спрашивает он, слегка притворно нахмурившись. — Это очень плохо. Мне пришлось специально заказывать этот цвет. Я не могу её вернуть. — Он улыбается мне, и в этом выражении лица есть что-то не совсем идеальное, почти небрежная ухмылка, которая мне нравится. Я прикусываю нижнюю губу и прижимаю ключи к груди. — Всего одна поездка на ней, а после я продам его на eBay?

— Одна поездка, — шепчу я, поворачиваясь, чтобы посмотреть на Чарли. Он всё ещё разевает рот, вероятно, пытаясь прикинуть, сколько стоит машина. Моё предположение: больше, чем стоит наш арендованный дом. — Ничего, если я возьму её на прокат? Я имею в виду, всего один разок, потому что я не могу принять такой щедрый подарок...

— Я... — папа вздрагивает, а затем поднимает руки в знак капитуляции. — Почему бы и нет, чёрт возьми?

Схватив Миранду и Эндрю за руки, я тащу их вниз по ступенькам и направляюсь к кабриолету с откидным верхом, проводя рукой по блестящей розово-золотой краске. *Святое дерьмо, святое дерьмо, святое дерьмо.*

— Езжай медленно! — кричит папа. — И пристегните ремни безопасности!

Летом я прошла обязательный курс по вождению, сдала экзамен и сдала его успешно. Теперь у этой девушки официально есть водительские права.

Я выдвигаю своё сиденье вперёд, чтобы Эндрю и Миранда могли забраться на заднее сиденье. Виндзор даже не открывает свою дверь, просто перепрыгивает через неё. Он наклоняется вперёд, срывает гигантский белый бант с капота и откидывается на спинку сиденья.

— Сколько она стоила? — шепчу я, заводя машину, и группа Зейда «Afterglow» начинает играть. Ухмыляясь, я включаю звук погромче и слегка машу остальным, прежде чем отъехать с места. *Я не могу оставить её себе. Это уже слишком. Это слишком экстравагантный подарок для друга.* — Нет, подожди, не говори мне. Просто... продай её и сделай пожертвование на указанную сумму.

— Я сделаю пожертвование туда, куда ты захочешь, на сумму, которую я заплатил за кабриолет, если ты оставишь его.

Виндзор смертельно серьёзен, прислонившись к своей двери и наблюдая за мной, ветер треплет его рыжие волосы.

— Но... почему? — спрашиваю я, как раз перед тем, как мы выезжаем с парковки. Я знаю, что Миранда и Эндрю слушают, но ничего не могу с собой поделаться. — Почему ты купил её для меня?

— Почему? — эхом отдаётся Виндзор, как будто я сошла с ума. Он выглядит озадаченным, когда протягивает руку и освобождает прядь волос, прилипшую к моим блестящим губам. — Потому что вы этого заслуживаете, миледи.

Первый день моего третьего курса в Подготовительной Академии Бёрберри, как обычно, начинается с долгой поездки на машине. Что необычно в этот раз, так это то, что я сама веду машину. «Мазерати», которую купил мне Виндзор. Не поймите меня неправильно: я чувствую себя придурком, разъезжая в таком дорогом автомобиле, но принц действительно сделал щедрое пожертвование в мою любимую благотворительную организацию. Кроме того, невежливо отказываться от подарка, сделанного с заботой.

Всё это и... Я хотела оставить её. Делает ли это меня эгоисткой?

— Ты наименее эгоистичный человек, которого я когда-либо встречала, — заявляет Миранда с пассажирского сиденья, и принц бормочет своё согласие у неё за спиной, большая часть его внимания сосредоточена на телефоне. Голос Миранды звучит почти возмущённо, её белокурые волосы развеваются на ветру, когда мы едем по прибрежному шоссе на юг, к академии.

Они с Кридом — вместе с остальными — провели в Круз-Бэй последние два дня, но, в отличие от остальных, ни у Виндзора, ни у близнецов Кэбот нет машины. После того, как я потопила «Бентли Бентайга» Крида, ему не дали замену. Кэтлин Кэбот — суровая хозяйка. И Виндзор... Я не могу забыть, как выглядело его лицо в зеркале заднего вида по дороге в Роял Поинт; он либо не может, либо не хочет садиться за руль.

У Тристана новенький чёрный «Астон Мартин Рапид», а у Зейда кабриолет «Ягуар» с откидным верхом, идентичный тому, который я спустила в бассейн. У Зака, конечно, есть свой «Макларен», а Эндрю вернул свой «Ламбо». Я понятия не имею, на чём ездит Лиззи, но, думаю, что скоро узнаю, учитывая, что теперь она собирается с нами в Бёрберри.

Мой желудок переворачивается от беспокойства, но я игнорирую это чувство. Я не собираюсь отталкивать подругу из-за того, что ревную к парню, которого, я даже не уверена, что кто-то из нас хочет или мог бы иметь.

Крид наклоняется вперёд, приближая свой рот слишком близко к моему уху. Я чувствую запах его мыла и свежего белья, когда он растягивает слова, словно в полусне.

— Ты действительно слишком бескорыстна, раз уделяешь своё внимание таким идиотам, как Зак Брукс и Виндзор Йорк.

— Даже не начинай, — предупреждаю я его, чувствуя, что Крид Кэбот замышляет что-то серьёзное. *«Он собирается пригласить тебя на свидание»*. Это то, что Миранда написала мне вчера вечером, а затем с несколькими смеющимися смайликами *#КомандаКрида*

Глоток.

Если он пригласит меня на свидание, что я скажу? Ещё слишком рано, извини, приятель? Или... да, пожалуйста?

У меня вырывается стон, который заставляет его усмехнуться. Его тёплое дыхание дразнит мою кожу, и я случайно слишком сильно нажимаю на газ, заставляя нас четверых застонать, когда наши тела вжимаются в роскошные белые кожаные сиденья. Я немного сбавляю скорость, помня о папиной нервозности. Он не хотел, чтобы я сегодня садилась за руль, но я пообещала, что буду в безопасности.

Я намерена сдержать это обещание.

После нескольких пит-стопов, чтобы перекусить и сходить в туалет, мы прибываем на стоянку для посетителей, паркуемся и выходим, чтобы переодеться в форму. Остальные не

слишком отстают от нас — мы устроили что-то вроде каравана, а потом — это немного похоже на показ мод, когда каждый парень появляется в форме своего третьего курса.

Я притворяюсь, что слюни у меня во рту от холодного картофеля фри, который я жую, но это не совсем так. Я очень близка к тому, чтобы вытереть жир и соль о свежие складки своей новенькой чёрной клетчатой юбки, и краем глаза люблю Зейдом.

Через несколько часов — или, может быть, минут — он будет весь в складках и взъерошен, что, конечно, является частью его очарования. Но видеть его в отглаженной, не мятой униформе, дополненной пиджаком и галстуком, — настоящее удовольствие.

Третьекурсницы носят юбки в чёрную и красную клетку (мальчики носят чёрные брюки в тонкую красную полоску), крахмаленные белые рубашки, галстуки в клетку в тон и красные пиджаки. Выбор чулков такой же, как и в прошлом году — белые с полосками сверху или чёрные клетчатые носки длиной до бёдер, колен или щиколоток. Туфли, как всегда, блестящие и чёрные, но это первый год, когда вариант с очень маленьким каблучком «Киттен» (*прим. — каблуки высотой не более 3-5см*) разрешён только для девочек (к сожалению, гендеризм всё ещё очень распространён в Бёрберри). Миранда говорит, что над любим, кто их не выбирает, безжалостно смеются, но это неудивительно: как Плебеи, так и представители Голубой Крови в академии любят придирается к другим, независимо от причины.

— Мы готовы? — спрашивает Тристан, поправляя свой и без того прямой галстук и глядя на меня синевато-серыми глазами.

— Я, э-э, по уши в картошке фри, — выдыхаю я, прыгивая с багажника своей новой машины и энергично вытирая пальцы стопкой салфеток. Тристан издаёт горловой звук отвращения и несётся по белому камню парковки, доставая из переднего кармана носовой платок и сжимая мои руки в своих.

Моё сердце учащённо бьётся, когда я смотрю на него снизу-вверх, и он осторожно вытирает мои пальцы медленными, чувственными движениями.

Он... очищает мои руки или пристаёт ко мне? Я удивляюсь, когда он берётся за эту задачу с той же целеустремлённостью, с какой берётся за свою курсовую работу. У меня стеснено в груди, и мне трудно отдышаться.

— Вот, держи. — Он вкладывает его мне в ладонь и отступает назад, вздыхая, когда открывает свою кожаную сумку для книг и достаёт чистый чёрный шёлковый носовой платок, тщательно складывает его и кладёт обратно в карман.

Я смотрю на это, разинув рот.

— У тебя в школьной сумке есть запасные платки? — спрашиваю я, сдерживая смех. Он бросает на меня мрачный взгляд, а затем замолкает, когда Лиззи выходит из уборной, одетая в свою новую униформу.

Она — грёбаное видение.

Я перевожу взгляд с неё на Тристана, но у него, как всегда, каменное лицо и он ничем себя не выдаёт.

— Как я выгляжу? — застенчиво спрашивает Лиззи, проводя руками по красному пиджаку спереди. — Я так привыкла к школьной форме Ковентри, что чувствую себя не в своей тарелке.

— Ты выглядишь великолепно, — отвечает Зак, засунув пальцы в карманы своих слаксов. Он говорит это ей, в то время как его тёмные глаза сосредоточены на мне.

— Нам нужно войти туда всей группой, — говорит Тристан, обращаясь ко всем так,

словно он действительно верит, что он король. Виндзор прислоняется плечом к кирпичной стене туалета, ухмыляясь. Выражение его лица говорит о том, что пока он позволит Тристану вести, но только потому, что это удобно. Как только он от этого устанет, между этими двумя начнётся война.

— Мы всё ещё в режиме игнорирования? — спрашивает Зейд, приподнимая свою проколотую бровь. — Потому что в прошлый раз всё прошло не совсем хорошо.

Тристан издаёт горловой звук и хмурится, в то время как Крид подходит и встаёт рядом со мной.

— Нет. Мы на войне. Когда мы ходим по коридорам, они отходят. Когда нам нужны лифты, они теряются. Мы едим за столом Голубой Крови. Мы контролируем школу.

— А если они этого не примут? — спрашивает Эндрю напряжённым голосом. — Тогда что? Не забывай: Грег и Джон, Харпер и Бекки, они опасны. Это больше, чем просто вопрос о том, кто где сидит или, кто может пользоваться Галереей. Мне страшно. Может быть, тебе и нет, но мне, и Марни, и Миранде... мы можем стать их мишенями.

— Вот почему мы всегда держимся вместе, по крайней мере, парами. — Тристан поправляет ярко-красный пиджак Бёрберри с маленьким гербом на кармане, а затем берёт инициативу в свои руки, направляясь к одной из стоящих на холостом ходу машин академии. Водитель открывает дверь, и Тристан отходит в сторону, позволяя мне проскользнуть внутрь раньше него. Почти уверена, что слышу, как Зейд ворчит по этому поводу, и улыбаюсь.

Кожа прилипает к задней поверхности моих бёдер, и тогда я понимаю, что вспотела. Я нервничаю. И не только из-за Харпер и её дружков, но... и из-за парней тоже. Они снова предадут меня? Потому что находиться здесь, в этой машине, со всеми ними, как-то... приятно.

— Помни, — шепчет Тристан, когда машина катится вниз по пологим холмам, окружающим школу. Я поднимаю на него взгляд, в то время как приглушённый разговор остальных заполняет салон лимузина. — Теперь ты Идол. — Он протягивает руку и поправляет ожерелье, которое я ношу, заставляя мои щёки вспыхнуть.

— Я не совсем подхожу на роль Идола, — говорю я, слегка улыбаясь. Тристан хмурится и отводит взгляд, глядя сквозь тонированные стекла на лес за холмами. Всё, что он делает, так драматично. Я даже не уверена, что он хочет быть таким; это просто его природная индивидуальность.

Тристан молчит всю оставшуюся дорогу, но остальные мои новые друзья довольно разговорчивы. Их разговоры помогают мне немного успокоить нервы.

— Ты справишься, — заверяет меня Зейд, подмигивая перед тем, как выйти из лимузина с небрежно перекинутой через плечо сумкой для книг. Миранда следует за ним, затем Крид, Эндрю, Зак, Лиззи и Виндзор. Мы с Тристаном последние, и я счастлива видеть, что двор соленем пуст, когда мы поднимаемся по ступенькам к фонтанам и окружающим их башням.

— Давай позавтракаем, — небрежно говорит Тристан, и мы направляемся в здание часовни и дальше по коридору к столовой.

Странно возвращаться в эти залы после всего, что произошло в Роял Поинт, и в Хэмптонсе, и на вечеринке по случаю моего дня рождения. Почти сюрреалистично. Мои ладони вспотели, когда я, вцепившись в свою сумку с книгами, последовала за группой в столовую.

Я вздыхаю с облегчением, когда мы входим и обнаруживаем, что специальный столик, тот, что на возвышении, пуст.

Мы все вместе обступаем его и берёмся за меню, пока Миранда сетует на отсутствие кофе, бормоча себе под нос о том, что мисс Фелтон помешана на кофеине.

— В Ковентри на каждый приём пищи устраивают «шведский стол», — объясняет Лиззи, сидящая справа от Тристана. Я сижу слева от него, рядом с Кридом. Он откидывается на спинку стула, словно собираясь вздремнуть, но его взгляд напряжён, словно лазерный луч, устремлённый на меня, пока я делаю вид, что изучаю меню.

— Что? — наконец спрашиваю я, поворачиваясь, чтобы посмотреть на него, и совершенно определённо не вспоминаю о джакузи. Я имею в виду, с чего бы мне это делать? Какой цели это могло бы послужить? Нет, мои щёки совсем не красные. — Почему ты продолжаешь пялиться на меня?

— Я пытаюсь придумать, как попросить тебя стать моей девушкой, — растягивает он со всей уверенностью и беспечностью праздного богача, и вся краска отхлынула от моего лица.

— Что?! — Миранда визжит с другого конца стола. Я внезапно чувствую слабость и головокружение, как будто вполне могу уткнуться лицом в причудливую белую тарелку с позолотой, которая стоит передо мной. Заметное напряжение нарастает у других парней — даже у Эндрю. Но именно тогда я понимаю, что он единственный, кто не смотрит на нас с Кридом. Вместо этого он уставился на дверь.

Моё внимание переключается в ту сторону, только чтобы обнаружить Харпер, Бекки и Илеану, а за ними море Голубокровных. Они направляются прямо к нам, и напряжение в нашей маленькой группе спадает.

— Чего ты хочешь? — спрашивает Тристан, когда они подходят к столу. Харпер — единственная, кто поднялась на несколько ступенек и встала прямо рядом с нами. Не колеблясь, она протягивает руку и сталкивает стакан с водой Виндзора ему на колени. Он позволяет этому случиться и поворачивается к ней с таким взглядом, который обещает будущую боль.

— Это наш столик. Голубокровные едят на возвышении. Ты должен об этом знать: традицию Идолов придумал твой прадед. Правила есть правила, Вандербильт. Ты не освобождаешься от них, только потому что твоё имя написано на половине зданий.

— Идолы должны обладать особым чувством юмора, Харпер. В них должно быть что-то такое, что выделяет их из остальной толпы. Деньги, хорошее воспитание, внешность, связи или какая-то их комбинация.

Она фыркает и перебивает Тристана прежде, чем он успеваает закончить.

— Ну, мы все знаем, что ты не подходишь по первому показателю. — Голубокровные хихикают у неё за спиной, и мои руки сжимаются в кулаки. Я не знаю почему. Последний человек в мире, за которого мне следовало бы заступаться — это Тристан Уильям Вандербильт, но, похоже, я ничего не могу с собой поделать.

Он продолжает, как будто Харпер ничего не говорила.

— Ты можешь поставить несколько галочек, но ты мелочная, жалкая, и ты переходишь тонкую грань, когда дело доходит до игры по правилам Клуба. — Тристан со щелчком вытряхивает салфетку и аккуратно кладёт её себе на колени, его иссиня-чёрные волосы мерцают в свете бра позади него. — Ты настолько жалкая, что, несмотря на то, что кровавые деньги твоей семьи наполнили бы казну Вандербильтов, я просто не выношу твоего присутствия, не говоря уже о твоих прикосновениях. Ты всего лишь внучка человека, который сколотил своё состояние на сломанном хребте меняющейся системы здравоохранения этой страны. А теперь убирайся к чёрту с глаз моих, пока я по-настоящему

не разозлился.

— У тебя *ни хрена* нет, чтобы прикрыть себе спину, — рычит Харпер, у неё длинные волосы, выкрашенные в медовый цвет. Они такие густые, пышные и красивые, что я думаю, что у неё наращённые человеческие волосы. И длинные тоже. Её блестящие новые волосы спускаются до самой груди. У меня руки болят от желания всё это отрезать. Насколько это было бы здорово? Достать её не один раз, а дважды. — Ты думаешь, что ты здесь закон? Знаешь что? Деньги, которые твоя семья зарабатывала, будучи железнодорожными магнатами, закончились. Закончились. Исчезли. Уильям убьёт тебя за то, что ты разорвал нашу помолвку.

— Может быть. И тебя никогда не будут воспринимать всерьёз, потому что ни один американский аристократ, стоящий на вес золота, не захочет жениться на тебе. Я могу заполучить любую девушку в академии, если захочу.

— О не льсти себе, — фыркает Харпер, но лицо Тристана уже кривится в жестокой улыбке.

— В самом деле? Потому что я переспал со всеми твоими подружками, кроме тебя и этой сморщенной шлюшки, которую ты называешь лучшей подругой. Представь себе это. — Голубые глаза Харпер расширяются, и она замахивается рукой на стол, сбивая тарелки на пол.

— *Убирайся из-за нашего стола.* — Она переводит взгляд на меня. — И убери эту шлюху с моего стула, пока она не оставила на нём одну из своих крестьянских болезней.

— Харпер, иди на хуй, — рывкаю я, выплёскивая свой апельсиновый сок ей в лицо. Её дружки в одно мгновение поднимаются по ступенькам, и все парни встают со своих стульев, шаркая ногами по полу. Там происходит небольшое противостояние, когда Зак и Джон Ганнибал смотрят друг другу в лицо, а Виндзор сжимает нож так, словно может вонзить его Грегори Ван Хорну в шею.

Двери снова открываются, и входит мисс Фелтон.

Она замолкает, когда видит нас всех с оружием в руках, и хмурится.

— Здесь всё в порядке? — спрашивает она строгим и обвиняющим голосом. Проходит долгое мгновение, прежде чем Виндзор очень осторожно и целеустремлённо кладёт нож обратно на стол и поворачивается к ней лицом с широкой улыбкой на своём королевском лице. В его взгляде мелькает тьма, которой я, однако, не упускаю. Как я уже сказала, Виндзор Йорк опасен. Как бы сильно он мне ни нравился, мне тоже придётся за ним присматривать.

— Просто великолепно, чертовски фантастично. Эти люди только что объясняли нам, какой вкусный омлет.

— Ну конечно, так и было, — говорит мисс Фелтон с усталым вздохом. — Хорошо, всем, кто не ест за большим столом, нужно занять другое место. — В этот момент появляется наш официант и начинает расставлять заказанные нами блюда. Крид первым садится обратно, обмякая в своём кресле, как бескостная кукла. Сексуальная, мускулистая кукла с льдисто-голубыми глазами, которая только что попросила меня стать его девушкой, но... всё же.

Мы все занимаем свои места, когда Харпер наклоняется и шипит на меня.

— Ты чёртова покойница, Работяжка, — огрызается она, сверкая глазами.

— Харпер Дюпон, — предупреждает мисс Фелтон, и Харпер поворачивается, чтобы уйти, но только для того, чтобы споткнуться о вытянутую ногу Винда. Она тяжело падает,

кувыркаясь прямо с помоста на пол, где её челюсть ударяется с громким треском и большим количеством крови. — О боже мой! — мисс Фелтон мгновенно оказывается рядом, помогая Харпер подняться вместе с Бекки.

Всё это выглядит как несчастный случай, так что никто не попадает в беду, но я встречаюсь взглядом с Виндзором через стол и понимаю. Это вовсе не было случайностью.

Прямо сейчас всё, что я могу сделать, это съесть свой французский тост, но позже нам нужно будет поговорить.

Нет, не только нам: всем.

Потому что, если они собираются играть в мою игру, им нужно знать мои правила.

Драма и сплетни. Вот из чего состоит весь мой первый день после возвращения. Я никогда не была объектом такой сильной ненависти и такого благоговейного трепета одновременно. Соедините это с появлением Лиззи в кампусе — она здесь уже практически легенда — и нарушением обычной социальной иерархии, и получится настоящий хаос.

У нас ещё одно небольшое противостояние в Галерее, но на этот раз Харпер и её люди добираются туда первыми и буквально забаррикадировали дверь, так что мы не можем войти. После стычки в столовой персонал наблюдает за нами, так что в итоге мы вместо этого сидим в первом ряду часовни, цветной свет проникает в витражи и окрашивает толпу в яркие красные, жёлтые и оранжевые тона.

К тому времени, как всё заканчивается, я падаю на кровать и накрываю голову подушкой. Я так устала, что сразу же засыпаю и не просыпаюсь, пока на следующее утро не приходит время идти на занятия, выскакиваю из постели, чтобы провести расчёской по волосам, поправить макияж и направиться по коридору в классную комнату.

Миранда и Тристан ждут, чтобы сопроводить меня, и по дороге мы встречаемся с Зейдом и Виндзором. Крид и Зак вместе учатся в другом классе, в то время как Лиззи и Эндрю — в другом.

— Ты подумала о том, что вчера сказал мой брат? — шепчет Миранда, когда мы покидаем Первую башню и направляемся в наш класс статистики, парни слегка отстают от нас. Кажется, она наполовину жаждет, наполовину нервничает, услышать мой ответ.

Мои щёки вспыхивают, но яжимаю плечами. Из-за моего вчерашнего нового расписания и всей этой драмы с Плебеями и, э-э, бывшими Голубокровными, у меня не было много времени, чтобы подумать о том, что Крид спросил или не спросил. Он сказал, что *думает* о том, как попросить меня стать его девушкой. На самом деле он не спрашивал.

— Не особенно, — уклоняюсь я, но затем мы проскальзываем в класс доктора Мейш, и мы обе замолкаем. Доктор Мейш пока кажется действительно классной, но в то же время немного пугающей. У нас было всего одно совместное занятие, и мы уже знаем, что она раньше работала, вроде, на бразильское ФБР или что-то в этом роде. Кроме того, у неё несколько докторских степеней, поэтому вместо того, чтобы называть её миссис Мейш, она *Doctora*, что по-испански означает «доктор».

Тристан — единственный, кто учится в одном классе со мной и Мирандой, и мы все занимаем места рядом, прямо впереди. Никто из бывших Голубокровных не числится с нами на статистике. Зачем беспокоиться? Когда дело дойдёт до поступления в колледж, все они либо получают унаследованные бонусы (дополнительные баллы при подаче заявления за то, что в нём обучались члены семьи), либо деньги, чтобы поступить в *альма-матер* по своему выбору.

А я, ну я должна надрываться, чтобы поступить в выбранный мной университет, так что, если для этого придётся пройти один из самых сложных курсов математики в Академии Бёрберри, я это сделаю.

Сразу после этого у нас с Тристаном будет математический анализ. Нет покоя нечестивым.

Мы мало разговариваем, но, по крайней мере, в этом году у меня есть товарищ по учёбе, который также заботится о школьных заданиях, как и я. Почему именно его это волнует так

сильно, для меня загадка. Очевидно, что его отец оказывает на него давление, чтобы он был лучшим, но есть и нечто большее. Может быть... Тристану действительно нравится учиться, добиваться успеха благодаря своим собственным заслугам?

У меня язык чешется спросить его почему: *почему ты пытался саботировать меня в прошлом году?* Я была так разочарована в нём, даже когда ненавидела его. Так почему же? В конце концов я наберусь смелости спросить. На данный момент я просто работаю на первых двух уроках дня, благодарю небеса за то, что мы справляемся с обедом без конфронтации, и наслаждаюсь относительной лёгкостью моих занятий английским днём с Лиззи.

Однако, как только я подхожу к своему шкафчику, Зак оказывается там, прижимает ладонь к металлу и наклоняется, чтобы посмотреть на меня самыми пристальными карими глазами, какие только известны человеку.

— Марни, — говорит он, когда Крид подбегает трусцой и встаёт рядом с нами. И когда я говорю, что странно видеть Крида Кэбота бегущим трусцой, я имею в виду, что это *действительно* странно. Большую часть времени он едва может ходить, лениво прогуливаясь по коридорам с видом заслуженного превосходства. Прямо сейчас он просто выглядит разозлённым и с красным лицом, как будто бежал всю дорогу сюда.

— Ты сукин сын, — выплёвывает он, когда Зак наклоняется и быстро и горячо целует меня в губы. Он отстраняется и оставляет меня бездыханной, протягивая левую руку, чтобы обхватить моё лицо.

— Знаю, я сказал, что не заслуживаю тебя, и это не так, но... — он резко втягивает воздух, закрывает глаза, а затем выдыхает, прежде чем снова их открыть. — Я не могу смотреть, как он делает свой ход, и ничего не говорить. — Моё сердце издаёт этот громкий, торжествующий стук, и я прикусываю нижнюю губу. — Он хочет, чтобы ты стала его девушкой. Что ж, я тоже.

— Зак Брукс, ты первоклассный кусок дерьма. — Рот Крида сжат в ровную линию, а руки — в кулаки. Он встряхивает их, а затем выдыхает, протягивая руку, чтобы расстегнуть две верхние пуговицы на своей рубашке. На нём нет пиджака — что неудивительно, — и вся его одежда слегка помята, этот очень намеренный взъерошенный вид — часть его очарования.

— Я... — я начинаю, но потом просто прислоняюсь спиной к своему шкафчику и прижимаю сумку с книгами к груди. — Срань господня.

— Что происходит? — спрашивает Миранда, появляясь из-за угла вместе с Эндрю. Лиззи подходит к ним, переводя взгляд с Крида, Зака и меня.

— Что происходит, — растягивает слова Крид, неторопливо подходит вперёд и кладёт свою ладонь на мой шкафчик, так что они с Заком стоят почти в одной позе. Оба они слишком близко, оба со своими собственными, уникальными, но дразнящими ароматами. — То, что Зак решил, что хочет подкатить к моей девушке.

— Твоей девушке? — я выдавливаю из себя тихий смешок. — С каких это пор?

Лицо Крида каменеет, но он сосредотачивает всю свою напряжённость и жестокость на Заке.

— Ты видел нас вместе в джакузи. Ты же знаешь, какая у нас химия. Отвали, Брукс.

Я стону и закрываю лицо руками, но Зак просто рычит в ответ на Крида.

— Марни заслуживает гораздо большего, чем ты, — говорит он, и я поднимаю взгляд от своих пальцев, чтобы заметить, что он дрожит. — И лучшего, чем я, но я, хотя бы, должен был сказать ей, что я чувствую, и заявить о своих намерениях. Я уже сказал ей, что люблю

её, но теперь я хочу сделать официальное заявление. Марни, будь моей девушкой.

— Ты сказал ей, что любишь её? — спрашивает Крид с недоумением в голосе. — Когда?

— Ребята. — Мой голос звучит ясно и властно, и оба парня смотрят на меня сверху вниз, их взгляды горят. — Это всего лишь второй день в академии, а я уже не могу дышать.

— Почему ты не можешь дышать? — спрашивает Зейд, подходя к нам с важным видом, без галстука (вероятно, он получил за это замечание от мисс Фелтон), с закатанными рукавами и демонстрируя свою великолепную коллекцию татуировок. Он протягивает руку, чтобы взъерошить свои огненно-красные волосы, переводя взгляд с нас троих на меня.

— Мы оба только что предложили ей встречаться, — заявляет Зак, отталкиваясь от шкафчика и выпрямляясь, его леттермановская куртка накинута на широкие плечи. Теперь у него футбольная тренировка три раза в неделю (он тренировался в Круз-Бэй ещё до начала занятий в школе), так что, вероятно, он не сможет задерживаться здесь надолго. Он не сможет ужинать с нами до конца сезона. И даже тогда, будет свободен только до начала занятий лёгкой атлетикой.

— Вы предложили ей встречаться? — Зейд что-то бормочет, когда Зак обходит нас и направляется к задней двери и гольф-карам, ожидающим, чтобы отвезти его и других парней на поле. Примерно через две недели у меня будут тренировки по чирлидингу по вторникам и четвергам. Поскольку я проходила пробы в прошлом году, на этот раз мне этого делать не нужно, но пока тренер Ханна не закончит подбирать новеньких, я свободна. Может быть, в этом году она действительно почувствует достаточно уверенности в нас, чтобы позволить нам участвовать в соревнованиях?

— Ага, так что... если ты планировал это, то ты немного опоздал. — Зак отодвигает Зейда плечом со своего пути, и парень-рокер ухмыляется, отшвыривая его и бормоча себе под нос череду мрачных ругательств. То, как он смотрит на меня, немного пугает меня. Если и он предложит мне в следующий раз...

— Все это позёрство: *она моя, я люблю её, и так далее, и тому подобное* чушь собачья — совершенно бесполезно. — Виндзор внезапно появляется, небрежно прислонившись к каменной колонне, как будто он был там всё это время, хотя, клянусь, он просто материализовался из ниоткуда.

— О, неужели это так? — Крид огрызается на него в ответ, проводя длинными пальцами по своим светло-русые волосы. — А ты тот самый пресловутый эксперт?

— Вы ужасные люди, все четверо. С какой стати кому-то вроде Марни хотеть встречаться с любым или со всеми четырьмя придурками, которые ставят на кон её сердце и её жизнь? Хм-м? — он встаёт и неторопливо подходит к нам, убирая ладонью рыжие волосы со лба, пока они не встают дыбом. — Может, отложим этот разговор на потом? Харпер уже распространяет слухи о вечеринке в пятницу.

— И мы устроим там настоящий разгром, — говорит Тристан, появляясь в конце коридора. Он делает паузу, прищуривая свои серые глаза, когда чувствует напряжение в группе. Или, может быть, он просто замечает выражение моего лица. Отчасти шок, отчасти замешательство, а остальное... волнение? — Что происходит?

— Я предложил Марни стать моей девушкой, — растягивает слова Крид, прислоняясь спиной к шкафчикам и скреживая руки на груди. Он смотрит на Тристана из-под тяжёлых полуприкрытых век и ухмыляется. — И Брукс тоже. — Тристан пристально смотрит на Крида, и напряжение между ними становится густым и ядовитым. Они всё ещё конкурируют друг с другом, даже если не до конца осознают этого.

— О? — эхом отзывается Тристан, его голос такой же холодный и серый, как камни, возвышающиеся над нашими головами. Он стоит там, весь идеально скроенный и собранный воедино, но у него так напряжена челюсть, что он не может этого скрыть. — Это так? — он переводит своё пристальное внимание с Крида на меня. В этом взгляде столько всего, что мне кажется, у меня вот-вот подогнутся колени. — Что ты собиралась ответить на это Марни?

— Я бы сказала... если вы, ребята, снова будете надо мной издеваться, я не позволю вам просто повеситься на вашей собственной верёвке; я сплету какую-нибудь новую хрень. Миранда, проводишь меня до моей комнаты? — я оглядываюсь и вижу, что моя лучшая подруга таращится на меня, прежде чем она резко кивает и подбегает, чтобы взять меня за руку. Непосредственно перед тем, как мы уходим, я окидываю маленькую группу суровым взглядом, на время игнорируя трепещущие гормоны в моём сердце. — В пятницу, после школы, в моей комнате. Нам нужно немного поболтать.

Таща Миранду за собой, я направляюсь по коридору, и парни смотрят мне вслед.

Через минуту Лиззи бежит трусой, чтобы догнать нас.

Миранда немного хмурится на неё, но она никогда не говорила мне, есть ли в её неприязни к Лиззи что-то большее, чем то пари. Честно говоря, это был ужасный, омерзительный поступок, но я не совсем уверена, что дело именно в этом.

— Ты... взволнована? — спрашивает Лиззи, взглядываясь в моё лицо, пока мы идём. — Или сердита. Я не могу точно сказать.

— Нет, не можешь, потому что вы почти не проводили времени вместе лично, — огрызается Миранда, и я вопросительно смотрю на неё. — Что? Она записалась в Бёрберри и вдруг стала одной из твоих подружек? Ты забыла, что она с тобой сделала? — Лиззи съёживается рядом со мной, но не спорит. — Я видела, как ты уничтожила Зака на глазах у всей школы. Его выгнали из команды. Конечно, я не думаю, что этого было достаточно, но как она заплатила за то, что сделала?

— Я... — маленькие тревожные бабочки в моём животе взлетают и обнаруживают целый ряд расшатанных нервов, о существовании которых я и не подозревала. — Это сложно. — *Я просто пригласила её на лыжную поездку, чтобы она увидела, что Тристан помолвлен, а потом я заметила, что ей так больно, что я сразу вычеркнула её имя из списка.*

— Ну, я скажу тебе то, что не сложно: я не доверяю Лиззи Уолтон, и никогда не доверяла, с тех пор, как мы были детьми. — Миранда останавливается перед моей дверью — кто-то уже написал краской из баллончика *Бордель* на фасаде, как креативно — и топает своим блестящим чёрной каблуком по каменному полу, как ребёнок. Она милый, искренний человек, но иногда становится чертовски очевидно, насколько она избалована. — Чёрт возьми, я не доверяла ей, когда мы были ещё в подгузниках.

— Миранда, — начинает Лиззи, поднимая руки в умиротворяющем жесте. — Я здесь только для того, чтобы помочь. *Я перевелась сюда, чтобы помочь.*

— Да, конечно. — Миранда поворачивается ко мне и упирает руки в бока. — Она рассказывала тебе, как Тристан, Зейд и Крид летом ходили за ней повсюду, как щенки? Но потом она заинтересовалась Тристаном и не стала утруждать себя тем, чтобы уделить время другим своим друзьям. Крид был убит горем.

— Миранда, прекрати, — говорит Лиззи, пряча руки в складках своей клетчатой юбки. — Это было очень давно.

— Она встречалась со всеми тремя Идолами — Тристаном, Зейдом и моим братом в течение целого сезона в Хэмптонс.

— Это было много лет назад! — Лиззи, наконец, огрызается, проводя пальцами по своим тёмным кудрям. Мне приходит в голову странная мысль: текст с первого курса, который я приняла за опечатку. *Если бы у меня был какой-то другой выбор, я бы всё ещё была с ними.* Лиззи прислала это мне. Святое... дерьмо. — Теперь я помолвлена с Марселем.

— У тебя такой вид, будто ты скорее подавишься этим огромным камнем у себя на пальце, чем выйдешь замуж за Марселя Стоуна. — Миранда издаёт рвотный звук и закатывает свои льдисто-голубые глаза. — Не лги и не притворяйся, что пришла сюда только ради Марни. Ты одинока, и ты всё ещё влюблена.

Лиззи краснеет и начинает заикаться. Миранда делает шаг вперёд, а Лиззи отступает на шаг назад.

— Кажется, ты уже переросла своё увлечение Зейдом и Кридом, но то, как ты смотришь на Тристана... — Миранда прищёлкивает языком и поворачивается обратно ко мне. — Я надеюсь, ты знаешь, что если ты заинтересована в Тристане Вандербильте, то у тебя есть прямая конкуренция. Сейчас она строит из себя хорошую девочку, но это ненадолго.

— Миранда, — выпаливаю я, чувствуя, как мои собственные щёки розовеют. Лиззи мгновение смотрит на нас обеих со сморщенным лицом, поворачивается и уходит по коридору. — Что всё это значит? — говорю я, немного взволнованная. Я не уверена, то ли Миранда просто открыла мне правду, которую я не хотела признавать, то ли она была в атаке.

Отпирая дверь, я отступаю в сторону, чтобы она могла пройти в комнату. Нет смысла стоять здесь одним. Возможно, вдвоём мы и были бы в большей безопасности, но если Харпер приведёт с собой всю свою команду, у нас будут большие неприятности. Вообще-то, теперь, когда Лиззи сбежала, я думаю, мне придётся проводить Миранду обратно в Башню и попросить пару мальчиков проводить меня обратно в мою комнату.

— Она — змея, притаившаяся в траве, — заявляет Миранда, вздёргивая подбородок и выглядя так, словно заслуживает того, чтобы стоять в этой модной подготовительной школе. Я бы никогда не догадалась о звании Новые Деньги. Нет, она выглядит как аристократка. — Тристан либо хочет использовать её, потому что она — материал для Идола, и все знают, кто она такая, либо он тоже всё ещё влюблён в неё. Но не доверяй ей, Марни. Не надо. — Миранда приподнимает рубашку и указывает на обнажённую кожу на своём правом бедре. — Я единственная, кто не состоит в этом дурацком грёбаном Клубе. Я единственная, кто заботится о твоих наилучших интересах.

— Ты никому из них не доверяешь, не так ли? — спрашиваю я, и она пожимает плечами, со вздохом сбрасывая рубашку.

— Эндрю, может быть. Виндзору. — Она отводит взгляд, когда я ставлю свою сумку с книгами на край кровати.

— Криду? — спрашиваю я, и Миранда морщится, как будто ей больно, поворачиваясь обратно ко мне лицом.

— Я никому не доверяю, когда дело касается тебя, — отвечает она, и я несколько раз удивлённо моргаю.

— Почему?

Следующее, что делает Миранда Кэбот, шокирует меня до чёртиков.

Она делает шаг вперёд, юбка развеивается, белокурые волосы разлетаются... А потом она

хватает меня за лицо и целует. У меня нет времени среагировать, прежде чем она отстраняется, и мы обе слышим звук за дверью. Я думаю, Миранда не закрыла её за собой, мы смотрим и видим Крида, стоящего там с широко раскрытыми голубыми глазами и открытым от шока ртом.

— Ты не обязана ничего говорить, — шепчет Миранда, чуть повыше закидывая сумку на плечо. — На самом деле: лучше ничего не говори. Мне нужно идти. — Она направляется к двери, проталкивается мимо брата и убегает по коридору. Крид, похоже, разрывается между желанием пойти за ней и остаться тут, чтобы поглазеть на меня.

— Что за...? — я вздрагиваю, прижимая руку ко рту. Я так потрясена, что просто нет слов.

— Чёрт возьми, — ругается Крид, хватаясь за ручку двери. Он смотрит прямо на меня. — Запри её, когда я уйду, пожалуйста. — Он захлопывает дверь за собой и оставляет меня одну размышлять о том, что только что произошло.

Мне едва удаётся задвинуть засов на место, прежде чем я опускаюсь на край кровати, а затем откидываюсь назад, чтобы прикрыть глаза.

Ага.

Я так и знала.

Третий год... будет самым трудным на данный момент.

Остальная часть недели проходит неловко и странно. Наша маленькая группа плохо приспособляется к тому, чтобы стать новой Голубой Кровью Бёрберри. Вместо этого Миранда едва смотрит на меня, Зак и Крид смотрят на меня слишком часто, а Лиззи такая тихая, что я иногда забываю о её присутствии. Тристан — это... ну, Тристан. А Зейд и Виндзор дружны, может быть, даже слишком дружны. Эндрю — единственный нормальный человек в этой компании.

«Харпер надерёт нам задницы», — думаю я, когда она свирепо смотрит на меня с другого конца нашего класса истории. Последние несколько дней были тихими, но я сомневаюсь, что сегодняшняя вечеринка будет такой же.

— Только скажи мне, и я прикажу её убить, — шепчет Виндзор, наклоняясь ближе. Он сидит справа от меня, в то время как Зейд ссутулился на своём месте слева от меня. Мы только что объединились для группового проекта, и я предполагаю, что большую часть работы буду выполнять я. Или, по крайней мере, я буду отвечать за приведение этих двоих в форму. Виндзор уже совершенно ясно дал понять, что у него достаточно денег, чтобы прожить сотню жизней, и ему наплевать на свои оценки. Он говорит, что *мог бы* пойти в колледж ради развлечения, но только в том случае, если поступит без особых усилий. Зейд довольно непреклонен в отношении музыкальной карьеры, так что... только я по-настоящему заинтересована в успехе.

— Смешно, — говорю я, прищуривая глаза, но дело в том, что в случае с Виндзором Йорком я не совсем уверена, что он шутит. Он долбанный принц, как настоящий член Британской Королевской семьи. Он чертовски богат, и он единственный ученик в этой школе, который сам по себе является миллиардером.

Если бы он захотел разозлиться, всё могло бы закончиться плохо — и быстро. Я смотрю на него, он мягко улыбается сам себе, его карие глаза слегка прищурены, когда он изучает Харпер, Валентину и Эбигейл, когда они используют свои айпады, выданные академией, для исследований. То, как он смотрит, похоже на то, как крокодилы сидят под поверхностью воды, высунув наружу только глаза, в поисках добычи.

Звонит колокол часовни, и мы все встаём.

— Встречаемся в моей комнате, сейчас же. — Я смотрю на Виндзора, и он улыбается.

— Видишь, вот почему ты мне нравишься. Маленькая американская девочка, командующая принцем. Может, ты уже избавишь меня от страданий и выйдешь за меня замуж?

Зейд ощетиливается рядом со мной, но, конечно же, он знает, что Виндзор шутит.

— По какому поводу это собрание? — спрашивает Зейд, но я просто делаю лёгкое движение пальцами и натянуто улыбаюсь ему. Он поднимает на меня свою проколотую бровь, изумрудные глаза искрятся любопытством, но он сдаётся и следует за мной и Виндзором наружу по маленькой извилистой гравийной дорожке, которая ведёт обратно к зданию часовни.

Я использую свои ключи, чтобы впустить нас в свою комнату в общежитии, не обращая внимания на различные предметы, прислонённые к дверному косяку. Я больше даже не смотрю на них. Вместо этого я ставлю рядом с дверью одну из корзин для мусора из своей комнаты и сгребаю в неё всё. Если есть что-то полезное — например, нераспечатанная

коробка презервативов, — я оставлю её себе. Извините, но мне за это не стыдно.

— Я приготовлю чай, пока мы ждём, — говорит Виндзор, направляясь на кухню и открывая свой специальный шкафчик. Серьёзно, на второй день после возвращения в академию в мою дверь постучал школьный курьер, доставивший массивный ящик, полный рассыпного листового чая, ситечек, чашек, блюдец, заварочных чайников и крошечных ложечек. Там были даже салфетки, и когда я спросила Винда об этом, он просто ухмыльнулся и сказал, что его прабабушка сшила их для него.

Мне потребовался целый день, чтобы понять, что его прабабушка в буквальном смысле является королевой Англии.

— Вкусовые предпочтения? — спрашивает он, указывая на Зейда серебряной ложечкой. Ну точнее, я имею в виду, я почти уверена, что это настоящая серебряная чайная ложка. — Я знаю, что Марни любит английский завтрак с двумя кусочками сахара и щедрой порцией сливок. — Он улыбается и подмигивает мне, и по какой-то причине я краснею.

— Чай? — спрашивает Зейд, как будто он совершенно сбит с толку. — На кой хрен мне нужен чай?

— Потому что это нектар богов, — предупреждает Виндзор, хмуро глядя на Зейда. — Если ты чайный девственник, то я знаю, как раз то, что нужно, чтобы возбудить твой аппетит.

— Э-э, конечно, плевать, — произносит Зейд, выглядя немного скептически. Ему всё ещё кажется очень неудобно в моей комнате, хотя стыд, который он носил в себе весь второй год, прошёл. Наши глаза встречаются, и мне интересно, думает ли он о том красном платье, в котором я была на выпускном вечере. Оно всё ещё в моём гардеробе, блестящее и красивое, и отчаянно нуждается в ещё одном вечернем выходе. — Что ты собираешься ответить Криду и Заку? — спрашивает он, его голос жестяной и неестественный. Это настолько отличается от его обычного мурлыканья рок-звезды, что привлекает моё внимание.

— А что? — спрашиваю я, думая о конце первого курса. Часть меня действительно верила, что мы будем вместе, что я смогу упасть в его татуированные руки всякий раз, когда у меня будет тяжёлый день, что он поцелует меня в волосы и скажет, что всё будет хорошо. Теперь я знаю, что он не смог бы нарушить пари Клуба Бесконечности, даже если бы захотел, но... должен был быть другой способ справиться с этой ситуацией. Ему не нужно было причинять мне такую боль, ломать меня, унижать меня. — Мой ответ имеет для тебя значение?

Зейд выдыхает и смотрит на каменный потолок над нами, протягивая руку и закрывая лицо ладонями. Его рукава, как всегда, закатаны и покрыты резиновыми браслетами, а лацканы пиджака усеяны маленькими булавками. Моё внимание привлекает большая татуировка с надписями: «*Страницы, исписанные чернилами*» и акварельной гитарой. Под ним у него есть ещё одна, на котором изображён сноуборд с надписью «*Короли снега*». Обе эти фразы звучат смутно знакомыми, но я не совсем специалист в поп-культуре, поэтому отсылки ускользают от меня.

— Ну? — я осознаю, что слегка дрожу, ожидая его ответа. Я не могу решить, то ли это потому, что от него так чертовски хорошо пахнет — геранью, шалфеем и табаком, — то ли потому, что он определённо добавил несколько дополнительных тренировок за лето. Мои глаза не могут оторваться от округлых очертаний мышц на его предплечьях, от того, как рябит его разукрашенная кожа на предплечьях, когда он опускает руки по бокам. — И не лги мне. Меня тошнит от того, что мне врут. Это не заставляет меня чувствовать себя

защищенной: это выводит меня из себя.

— Ты хочешь, чтобы я был предельно честен, да? — спрашивает он, опуская голову и глядя прямо на меня. Моё сердце сильно сжимается, и я киваю. Зейд делает шаг вперёд и кладёт свои красивые татуированные руки мне на бёдра. Мы стоим так близко друг к другу, что мне приходится запрокинуть голову, чтобы посмотреть на него снизу-вверх. — Я взбешён.

— Почему? — это единственное слово, которое я могу выдать из себя, заставляя себя сглотнуть, несмотря на стеснение в горле.

— Потому что ты выбрала меня, и я облажался. Ты могла бы быть моей, но теперь у меня нет ни единого шанса. — Зейд кладёт правую руку мне на талию и слегка сжимает, прежде чем со вздохом отстраниться. Я собираюсь что-то сказать, на самом деле, я даже не уверена, что именно, потому что мои губы двигаются быстрее, чем мой мозг, когда Зейд оборачивается и внезапно хватает меня.

Левой рукой он обхватывает моё лицо, проводя большим пальцем по нижней губе. Сбоку на шее у него новая татуировка с надписью: «*Никогда больше*», которая выглядит свежей. Я только сейчас заметила её, потому что мы так близко.

— Я захотел тебя раньше, чем они, — внезапно говорит он совершенно серьёзно. Он смотрит прямо мне в глаза своими ярко-зелёными глазами, и в этом взгляде столько эмоций, что мне невыносимо принять всё это. — Они ненавидели тебя, а мне ты нравилась. С первого момента, когда ты сказала мне отъебаться, ты мне понравилась.

— Я не говорила тебе *отъебаться*, — шепчу я, — я сказала тебе *идти к чёрту*.

Зейд улыбается, мило и резко, на секунду дразня языком кольца на губах.

— Ты действительно это сделала, да? Ты знаешь, как часто это со мной случается?

— Поскольку ты немного мудака, я полагаю, слишком часто?

Зейд фыркает и качает головой, наклоняясь и прижимаясь своим лбом к моему. Мои глаза закрываются сами по себе, и я вздыхаю. Даже после всего, что он сделал, мне приятно вот так прикасаться к нему. Почему? Я не мазохистка и не падка до наказаний. Может быть, это потому, что я чувствую, что он действительно учится на своих ошибках?

Не стоит недооценивать, насколько это сексуально — человек, который действительно может признаться в своих проступках и попытаться всё исправить.

— Девушки никогда мне не отказывают, — шепчет он, проводя большим пальцем по моей губе. По какой-то причине я решаю укусить его, и его глаза расширяются.

— Иногда такое бывает, — шепчу я в ответ, протягивая руку, чтобы взять его за руку и оттолкнуть её.

Мы отстраняемся друг от друга, но я знаю, что не у меня одной учащённо бьётся пульс, потому что я вижу, как у Зейда учащённо бьётся пульс прямо под его новой татуировкой. Он внимательно наблюдает за мной с лёгкой улыбкой на губах.

Выражение его лица не становится кислым, пока между нами не появляется Винд, размахивая чайными чашками.

— Извините, что прерываю — это выглядело *ужасно* чувственно — но вот. — Он жестом показывает на тарелки, и они весело звякают. Я беру свою чашку с блюдцем, наблюдая, как Зейд неохотно берёт свою. Минуту спустя раздаётся стук в дверь, и Виндзор открывает её, чтобы остальные могли войти.

Зак сразу замечает, что между мной и Зейдом что-то происходит, и вздыхает, устраиваясь поудобнее у моего изголовья. В то время как Идолы (и Лиззи) выглядят так,

будто ходят на цыпочках и присаживаются на краешки мебели, остальные же чувствуют себя совершенно комфортно, напоминая мне, кто был моими друзьями в прошлом году, когда я действительно нуждалась в них.

А потом... Майрон Тэлбот. Он входит вместе с Тристаном и затем прислоняется к стене возле двери. Я совсем не уверена в нём, но, с другой стороны, в последнее время я мало в чём уверена. Единственное, что я знаю точно, так это то, что я не собираюсь позволять этой неловкости между нами всеми продолжаться и дальше. И я определённо не собираюсь и дальше позволять Виндзору вершить самосуд.

— Я поставлю чайник, — бормочет Винд, хлопоча на кухне. Я думаю, что ему трудно оставаться неподвижным, если быть совсем уж честной.

Миранда уютно устроилась в углу моей кровати, но она всё ещё ведёт себя чертовски странно. Неосознанно я подношу пальцы к губам, и она замечает это, краснея как сумасшедшая и глядя куда угодно, только не на моё лицо. Крид хмурится и тоже отворачивается, скрещивая руки на груди и присаживаясь на край кровати.

Тристан напряжённо стоит по другую сторону двери от Майрона, в то время как Лиззи садится на табурет рядом с Эндрю.

— Спасибо, что пришли, — говорю я, выдыхая и стараясь, чтобы это прозвучало не слишком официально. Это то, к чему я прибегаю, когда нервничаю: формальности и исторические факты. Прямо сейчас мои инстинкты настаивают на том, чтобы я объяснила группе, почему полы в башне номер один сделаны из каштана, но покрыты заплатками из красного дерева (это потому, что в начале 1900-х годов началась гниль каштана, которая фактически уничтожила дерево, поэтому его было трудно достать).

— Нам нужно хорошенько поразвлечься на этой вечеринке, — начинает Тристан, естественно беря инициативу в свои руки. Он даже не задумывается об этом; это просто то, что он делает. Закрыв глаза, я прихлёбываю чай, который приготовил для меня Виндзор, и пытаюсь обуздать свои эмоции. Я никогда не была лидером. На самом деле, если вдуматься, я росла одна, без друзей, меня мучали в средней школе, на меня нападали в старших классах.

Но сейчас я чувствую себя немного... властной.

— Дело не только в вечеринке, — говорю я, отставляя чашку с блюдцем в сторону. Моя спина прижата к ноге Зака, и у меня возникает сильнейшее желание откинуться назад и обнять его, как я сделала в тот день, после того как на меня напали в бассейне. Я вздрагиваю, просто думая об этом инциденте, но прижиматься к Заку после этого было приятно... — Мы все здесь как бы влились в эту группу по необходимости. Но почти у каждого здесь есть нерешённые проблемы с кем-то другим.

— Марни, — начинает Зак, но я отмахиваюсь от него рукой и не даю ему договорить, лезу в ящик своего прикроватного столика и достаю свой настоящий дневник, — выражение лица Крида становится напряжённым, — внутри которого есть список, как старый, так и новый.

Для начала я передаю его Заку.

— Во-первых, — начинаю я, окидывая взглядом комнату. — Больше не будет никакой неловкости. Нет ничего плохого в том, чтобы выражать кому-то свои чувства, если вы ничего не ожидаете и не требуете взамен. Мы все здесь по-прежнему друзья. — Раздаётся несколько фырканий от Зака и Виндзора, но я игнорирую их. — И я... пока не собираюсь никого выбирать. — Я с трудом сглатываю и вздёргиваю подбородок, мельком оглядываясь на Зака, Миранду и Крида позади меня. — Так что давайте просто продолжим. Харпер и её дружки

— хулиганы, и мы должны забрать у них академию обратно.

— Они не единственные хулиганы, — бормочет Миранда, но я продолжаю. По сути, каждый в этой комнате в какой-то момент был хулиганом. Что ж, этого больше не случится, по крайней мере, при мне.

Зак уже знает о моих планах мести и моих правилах, поэтому он быстро передаёт блокнот Миранде, которая бегло просматривает его, а затем передаёт Криду. Его ленивый взгляд быстро заостряется, когда он просматривает страницы.

— Что ты предлагаешь? — спрашивает Тристан, слегка нахмутив брови, когда Виндзор раздаёт чайные пары Лиззи, Эндрю, а затем и ему, наполняя каждую из них чаем. Затем он предлагает сливки и сахар, прежде чем перейти к Майрону и Заку.

— Если мы собираемся сделать это, мы заключим мир друг с другом. Мы должны, по крайней мере, попытаться стать друзьями, и следовать моим правилам. — Я выхватываю блокнот из рук Крида и начинаю с правила номер один, ещё раз обводя взглядом группу, прежде чем решаю добавить: — И больше *никакой лжи*. Никакой. Ложь — это яд, и даже если вы думаете, что защищаете кого-то с её помощью, это не так. В конце концов, всегда становится ещё больнее, когда правда выходит наружу.

Никто не произносит ни единого чёртова слова, но всё хорошо, я готова.

— Итак, в прошлом году, когда я решила отомстить вам, я составила список...

Вечеринка Харпер проходит на яхте, очень похожая на вечеринку Тристана в первый год обучения, когда они сожгли ту чудесную-пречудесную книгу. Я стараюсь не слишком задумываться об том инциденте, потому что, да ладно, сжечь написанный от руки шедевр Джоан Роулинг в значительной степени непростительно.

— Я не могу поверить, что ты настолько организована, что даже организуешь свою месть, — бормочет Зейд, когда мы вместе идём по пляжу. Тристан впереди, но я иду прямо за ним. Я думаю, если бы он хоть немного расслабился и пропустил меня вперёд, он смог бы немного расслабиться. Почти уверена, что ему тоже понравилось бы сбросить эту тяжёлую мантию, которую он носит, пусть даже ненадолго.

— Ты злишься? — спрашиваю я, потому что после того, как блокнот был передан по кругу и я произнесла свою речь, в комнате воцарилась тишина. После этого мы почти не разговаривали, почти уверена, что мальчики всё ещё переваривают то, что прочитали в моём блокноте. Это был не просто список или правила, это были и другие вещи, мои наблюдения за их слабостями, мои собственные воспоминания о прошлых событиях. Там были настоящие, правдивые записи с моими мыслями, чувствами и сердечной болью.

— Чёрт возьми, нет, — фыркает Зейд, проводя пальцами по своим тыквенно-оранжевым волосам. Я скучаю по морской зелени. Каждый раз, когда он меняет цвет, я испытываю ностальгию. Но, по крайней мере, я знаю, что мне не придётся долго ждать следующей смены цвета. Он смотрит на меня своими большими изумрудными глазами. Замечала ли я когда-нибудь, какие у него длинные и тёмные ресницы? У него подведены глаза, но нет туши или чего-то ещё. Наверное, они сами по себе такие хорошенькие. — Я имею в виду, я бы хотел, чтобы ты отомстила мне каким-нибудь другим способом, а не выгнала меня без подписи с моего лейбла, но я переживу. — Зейд улыбается, чтобы смягчить свои слова, и я натянуто улыбаюсь.

— Эта песня... — я начинаю, и Зейд морщится. Он точно знает, о какой песне я говорю, той, которую он высмеял как мусор перед своими друзьями, той, которую, как я знаю, сочинил не автор-призрак. Зейд, может, и придурок, но у него есть творческая цельность. —

Ты её написал.

Он не спорит, просто поджимает губы и смотрит на луну. То, как серебристый свет заставляет его татуировки мерцать, бесценно. Он обводит языком кольцо на губе.

— Может быть.

— Она была прекрасна, — начинаю я, но Зейд, похоже, мне не верит.

— Ты действительно думаешь, что сесть на лодку с Харпер и её друзьями — это разумная идея? — огрызается Крид, прерывая наш разговор. Его явно больше всех раздражает список слабостей. То, как он смотрит на меня сквозь прищуренные веки, делает это совершенно очевидным. — В прошлый раз всё прошло не так хорошо.

— Не все на этой лодке её друзья, — язвительно замечает Тристан, без колебаний поднимаясь по причалу. В дверях стоят два парня из Плебеев, но они отходят в сторону, когда Тристан проносится мимо. Когда они видят меня, они обмениваются взглядами, но Зейд стоит сбоку от меня, а Крид прямо за мной.

Мы добираемся без происшествий, остальная часть нашей команды следует за нами.

Сегодня вечером мы просто прощупываем почву, смотрим, как отреагируют другие студенты. Никогда не стоит недооценивать силу правления толпы.

— Какого хрена ты делаешь на моей лодке? — рявкает Харпер, бросаясь и перехватывая Тристана. — Ты не приглашён.

Тристан оглядывается, щёлкает пальцами, а затем указывает прямо на грудь Харпер.

— Я вижу, как здесь делаются ставки, которые превращают это в вечеринку Клуба Бесконечности. У тебя нет полномочий не пускать меня на клубное собрание. — Он улыбается ей, и у меня по коже пробегают мурашки. Паук, плетущий свою паутину. — Так что убирайся к чёрту с моей дороги. — Он проталкивается мимо неё, и мы следуем за ним, голубые глаза Харпер следят за передвижением нашей группы.

Мы поднимаемся по лестнице и попадаем на верхнюю палубу, окружаем один из столиков с напитками и занимаем его, пока выбираем прохладительные напитки.

Я предпочитаю газировку.

Мой отец не только выздоравливающий алкоголик, но и я чувствую, что мне нужно собраться с мыслями. Грег и Джон стоят на противоположном конце палубы и наблюдают за нами. У меня перехватывает горло, и я сжимаю руки в кулаки по бокам.

Виндзор замечает, что я наблюдаю за ними, его глаза следуют за моим взглядом.

— Они оба умеют плавать, да? — небрежно спрашивает он, обращая своё внимание на Зака. Мой большой, дородный друг-футболист оглядывается на принца и слегка кивает.

— В прошлом году, во время теста по плаванию, они сдали его.

— Никакого насилия, — повторяю я и оказываюсь под пристальным взглядом пары карих глаз.

— Никакого насилия, просто немного веселья и игр, — отвечает Виндзор, привлекая внимание Крида. — Ты в игре, приятель?

— Я в игре, — растягивает слова Крид, его гнев сосредотачивается в одной точке. Однако вместо того, чтобы обрушить его на меня, он обрушивает его на Грега и Джона, двух самых больших задир и, бесспорно, двух самых больших засранцев в Бёрберри.

— Что вы планируете делать? — спрашиваю я, когда они пробираются сквозь толпу. Зейд и Тристан обмениваются взглядами, прежде чем последовать за ними, Майрон плетётся следом. Миранда хватает меня за руку, а затем, когда наши взгляды встречаются, она что-то бормочет и отпускает меня.

Миранда поцеловала меня.

Моя лучшая подруга поцеловала меня.

Что я должна с этим делать?

Я люблю её, но меня никогда не привлекали девушки. Если бы это было так, я бы не задумываясь выбрала Миранду.

— Что они делают? — наконец спрашивает она, но я понятия не имею. Я хватаю её за руку и тащу за собой вслед за Идолами, останавливаясь, когда вижу, как они выстраиваются полукругом перед Грегом и Джоном, заставляя двух других парней прижиматься спинами к перилам.

— Что вы планировали сделать? — требует ответа Тристан, скреживая руки на груди. — Вы двое и Бен грёбанный Трешер, принц грёбанных цыплят с фабричной фермы. Действительно классно связать свою судьбу с кем-то, кто зарабатывает все свои деньги на обиженных птицах.

— Мы просто дурачились, — говорит Грег, поднимая руки в умиротворяющем жесте. Джон, с другой стороны, ухмыляется так, словно он ничего не боится. Следовало бы. Разве он не усвоил свой урок в лесу в прошлом году, когда Крид надрал ему задницу?

Но я сказала — никакого насилия. Парням-Идолам — плюс Винду и Заку — лучше не портить это.

— Наденьте это, — говорит Виндзор, протягивая пару оранжевых спасательных жилетов. — Они вам понравятся.

Джон выхватывает один у него из рук, а затем выбрасывает его через край.

— Иди к чёрту, ты, грёбанный кусок дерьма лайми (*прим. Лайми — оскорбительное прозвище, употребляемое американцами по отношению к англичанам*).

— Лайми? — повторяет Виндзор с резким смехом. — О, ты чёртов идиот.

Он хватается Джона за талию, и Зак бросается на помощь, заламывая ему руки, в то время как Зейд хватается его за ноги. Джон кричит и бьётся, но с тремя сильными парнями у него нет ни единого шанса. Без церемоний они швыряют его прямо через край в воду.

Джон кричит, летя вниз, и я бросаюсь к перилам, чтобы увидеть, как он исчезает с большим пенистым всплеском. Моё сердце замирает, когда я наблюдаю, ожидая, что он всплывёт. Несколько секунд спустя он это делает, размахивая руками и проклиная имена парней, прежде чем начать довольно впечатляющий баттерфляй по направлению к берегу.

Я оглядываюсь и вижу, что Грег лихорадочно натягивает спасательный жилет. Может, он и задира, и придурок, но, очевидно, он не так глуп, как Джон. Он позволяет Тристану, Криду и Майрону вместе поднять его и перекинуть через перила. Он всплывает гораздо быстрее Джона, убирая с лица мокрые волосы.

Тристан перегибается через перила и прикладывает ладонь ко рту.

— Если ты вернёшься, мы снова тебя сбросим. Чем меньше мусора на этой вечеринке, тем лучше. — Он оборачивается и окидывает разинувшую рты толпу Плебеев пылающим угольным взглядом. За сложенными чашечкой ладонями раздаётся много шёпота, но никто не бросает вызов Тристану. Они все держатся подальше от всех нас.

— Что ж, миледи, — начинает Виндзор и замолкает, когда я поднимаю брови. — Хотя, на самом деле, мне следовало бы сказать моя леди, — он произносит эти два слова красиво и резко, — потому что моя учительница дикции ударила бы меня линейкой, если бы услышала мою чушь. — Он пренебрежительно машет рукой, а затем, к моему удивлению, делает шаг вперёд и обнимает меня за талию.

На мгновение у меня перехватывает дыхание, меня каждое мгновение охватывает это лихорадочное, неистовое чувство. Виндзор нахальный, и он флиртует со всеми, но я никогда не видела, чтобы он прикасался ко мне вот так.

— Был ли это приемлемый уровень без насилия? — бормочет он низким и хрипловатым голосом. Мой пульс начинает учащаться, когда он наклоняется ко мне, его рот оказывается в миллиметрах от моего. — Потому что сдерживаться — не одна из моих специальностей.

— Все было в порядке, — начинаю я. Несмотря на то, что это было немного более физически, чем я бы обычно хотела, эти парни... то, что они пытались сделать со мной или притворялись, что собираются сделать со мной... Когда я думаю об этом, меня бросает в холодный пот. Прикосновение Виндзора немного помогает.

Нет, *никакой лжи. Даже самой себе.*

Его прикосновение... очень помогает.

— Хорошо. Потому что последнее, что я хотел бы сделать — это расстроить тебя. — Виндзор наклоняется и оставляет лёгкий поцелуй на моей щеке, заставляя мой пульс учащённо биться. Когда он отстраняется, то улыбается, и я замечаю, что остальные четверо парней внимательно наблюдают за нами. Их взгляды полны нежных чувств: ревности, замешательства, обладания. Я просто не могу разобраться с этим прямо сейчас.

Я хватаю Эндрю за руку и срываюсь с места, тащу его вниз по ступенькам в одну из зон отдыха, чтобы отдышаться.

— Ты единственный человек, — выдыхаю я между судорожными вдохами, — который не заинтересован ни во мне, ни в ком-то, кто мне интересен, или... просто всё это сбивает с толку. — Я поднимаю взгляд и вижу, что Эндрю смотрит на меня с сочувствием, его голубые глаза озадачены.

— Верно, — говорит он, а затем слегка усмехается. — Ну, ладно, не буду врать, я по уши влюблён в Виндзора Йорка, но мой гей-дар говорит, что он прям как стрела. — Эндрю тоскливо вздыхает. — И, кроме того, я уже помолвлен... — он отводит взгляд, его каштановые волосы золотятся в жёлтом свете ламп в гостиной. Здесь настоящий дворец с кожаными диванами, изготовленными на заказ, стеклянным журнальным столиком и огромной статуей, которая выглядит так, словно покрыта золотом. Это за гранью роскоши, и это заставляет меня ненавидеть семью Харпер ещё больше. Если они могут позволить себе такую яхту, возможно, им не нужно так чертовски дорого брать за ручки для инъекций адреналина, которые они продают.

— Тебе следует разорвать помолвку, — говорю я Эндрю, когда замечаю Лиззи, идущую к нам сквозь толпу. Она останавливается рядом, почти нерешительно, и, глядя на неё, я пытаюсь решить, действительно ли она такая милая и искренняя, какой кажется, или она величайшая аферистка среди них всех. — Ты тоже должна, — говорю я ей, решая, что, даже если она пускает пыль в глаза, я собираюсь говорить только правду.

— Должна что? — спрашивает она, вступая в наш маленький круг. Она переоделась в облегающее бледно-голубое платье с блёстками, от которого её янтарные глаза округляются. Что касается меня, то я просто надела форму. Я не потрудилась переодеться, я не смогла, не со всеми этими парнями в моей комнате. Раздеваться догола, когда между ними и мной была всего лишь тонкая дверь... это было слишком.

— Расторгни свою помолвку, — говорю я ей, чувствуя, как во мне поднимается волна гордости и решимости. Я знаю, кем я хочу быть. Я хочу быть тем человеком, который доверяет людям. Думаю, что это возможно, даже не будучи наивной или легковерной. Лиззи

смотрит на меня так, словно я сошла с ума. — Ты недовольна Марселем Стоуном. Судя по тому немногому, что ты о нём рассказала, и по тем кратким случаям, когда я видела тебя с ним, ты, кажется, не очень рада помолвке. — Я оглядываюсь на Эндрю, и он пожимает плечами.

— Это не всегда так просто, — шепчет он в ответ, и тогда я понимаю, что их деньги не дают им той свободы, о которой они думают. Их Голубая Кровь не всегда означает, что трава зеленее. Чарли никогда бы не заставил меня выйти замуж за того, кого я не люблю. И он, чёрт возьми, я уверена, что никогда бы не поставил свою любовь ко мне в зависимость от ультиматума.

С другой стороны, я знаю, что не все семьи работают одинаково. Не все семьи скреплены любовью и доверием. Некоторые из них основаны на деньгах и ожиданиях.

— Нет, это нелегко. Держу пари, это сделало бы вашу жизнь чертовски трудной. — Я выдыхаю и перевожу взгляд с одного на другого. — Просто вы... оба иногда кажетесь такими грустными. — Я пожимаю плечами, а затем подхожу к бару, чтобы взять ещё одну банку содовой из ведёрка со льдом. Я только что забыла свою наверху, и я не доверяю другим завсегдатаям вечеринок, что они не подсыпали мне в напиток наркотик. В конце концов, Эндрю сделал это однажды и преуспел. — В любом случае, мне просто нужна была минутка.

— Из-за того, что случилось с Джоном и Грегом? — спрашивает Лиззи, и Эндрю качает головой.

— Нет, из-за всех этих замечательных парней, которые в неё влюблены. — Он улыбается мне, когда я бросаю на него взгляд. — Что? Да ладно, в этой школе нет ни одной натуралки или би-девочки... или парня-гея... который тебе сейчас не завидует. Пятерых хулиганов поставила на колени красивая девушка, которая не выносит их дерьма; это похоже на сказку.

— Пятеро парней... — начинает Лиззи, и затем я вижу, как она явно собирается с силами, заставляя себя улыбнуться. — Это правда. Они все влюблены в тебя, независимо от того, говорили они тебе что-нибудь или нет. Не только Крид и Зак.

— Виндзор? — спрашиваю я с принуждённым смехом. — Почти уверена, что он шутит. — Но потом я думаю об ощущении его руки на моей талии, и у меня начинает кружиться голова. — Ни за что.

— Да, конечно, — говорит Эндрю, поглядывая на Лиззи. Она кивает и одаривает меня сочувственной улыбкой. — А Тристан, у него практически слюнки текут.

Мои глаза встречаются с глазами Лиззи, но ей удаётся сдержать улыбку.

— Как я уже говорила тебе раньше, всё, что у меня было с ним, было в прошлом... с любимым из них, на самом деле.

— Но ты всё ещё любишь Тристана? — моё сердце колотится как сумасшедшее, пока я жду её ответа. Я не могу поверить, что действительно задала этот вопрос вслух. Вот уже несколько месяцев я говорю себе, что лучше ничего не знать, просто позволить событиям развиваться так, как они могли бы развиваться, но... Мне нужно знать.

Лиззи шмыгает носом, а затем резко кивает.

— Но не волнуйся, — внезапно выпаливает она. — Сейчас я с Марселем. Мой отец ненавидит отца Тристана, и наоборот. Мы — невозможны.

— Но ты всё равно любишь его? — спрашивает Эндрю, засовывая пальцы правой руки в карман своего красного академического пиджака. Как и я, он не потрудился переодеться.

— Да. — Лиззи смотрит прямо на меня, но я не знаю, как реагировать и что на это сказать.

Эндрю присвистывает и качает головой, замирая, когда Гэри Джейкобс проходит мимо, его глаза провожают другого парня, пока он не исчезает в коридоре. Там есть тоска, которая отражается во взгляде Лиззи. Эндрю снова поворачивается ко мне, как будто ждёт, что я что-то скажу.

— Хорошо, — говорю я, и Эндрю поднимает брови.

— Хорошо? — эхом отзывается он, бросая взгляд на Лиззи, а затем снова поворачиваясь ко мне. — Что это вообще значит? Тебе тоже нравится Тристан?

— Мне? — я задыхаюсь, потому что... На самом деле я не позволяла себе слишком сильно задумываться об этом.

«Никакой лжи, чёрт возьми. Даже самой себе!» — повторяю я, сжимая руки так сильно, что ногтями оставляю на ладонях маленькие полумесяцы.

Когда Тристан прикасается ко мне, моё сердце учащённо бьётся. Когда он смотрит на меня, у меня кружится голова. Когда он не ведёт себя со мной как придурок, что случается редко, мне хочется упасть в обморок. Нравится ли он мне? Король школы? Величайший мудака среди мудаков?

— Чёрт, — ругаюсь я, чувствуя, как моё лицо заливается краской, и Эндрю ухмыляется.

— Я так и знал, — шепчет он, когда я закрываю лицо руками.

— Он мне нравится, — бормочу я, чувствуя, как это ощущение пульсирует во мне, достигая цели. — Да.

Убирая руки, я оглядываюсь и вижу, что Лиззи и Эндрю наблюдают за мной.

— Всё в порядке, правда, — произносит Лиззи с грустной улыбкой. — Я не буду тебе вредить. Как я уже сказала, я с Марселем...

— Ты тоже нравишься Тристану, — выпаливаю я, хотя всё это время пинаю себя. Никакой лжи. Никакой грёбаной лжи. Следовать этому правилу будет трудно и дерьмово. — Я могу сказать. Он так и не смог забыть тебя. — Лиззи отводит взгляд и небрежно пожимает плечами.

— Может быть, но... у нас нет будущего. Если он тебе нравится, ты должна быть с ним.

— Вопрос в том, кто тебе нравится больше всего? — спрашивает меня Эндрю, и я смотрю на него с беспомощной дырой, открывающейся в моей груди. Кто мне нравится больше всего? Я должна выбирать?

— Понятия не имею, — шепчу я, и затем мы все замираем, когда Зак подходит и встаёт рядом с нами. Он переводит взгляд на нас троих, на Лиззи и меня, на покрасневшие лица, а затем поднимает свои тёмные брови.

— Здесь всё в порядке? — спрашивает он, его голос звучит глубоким, ровным рокотом, от которого вибрируют мои кости. Мне это нравится, и он мне нравится.

— Всё хорошо, — отвечаю я на выдохе и пытаюсь пока отодвинуть эти чувства в сторону. Харпер и Бекки только что вошли в комнату и уставились на меня. У меня есть более неотложные дела, но я не могу не задаться вопросом, кто бы мне позавидовал из-за этого.

Иметь пятерых парней — может быть, пятерых, потому что Виндзор... ну, Виндзор — заинтересованный во мне человек — это не благословение, это проклятие.

Как, чёрт возьми, я должна выбирать?

Глава 10

Следующие несколько недель заполнены заданиями, клубными встречами — зачем я вступила в такое количество клубов?! — репетиции оркестра, чирлидинг и почти ежедневная борьба между нами и бывшими Голубокровными.

Толпа на яхте была явно расколота, но парни чертовски напугали её.

На данный момент Плебеи, похоже, довольствуется наблюдением. Единственные издевательства, которые я получаю — это от девочек и их дружков. Все остальные слишком напуганы, чтобы связываться со мной. Тем не менее, трудно сказать, что произойдёт, если дело дойдёт до драки. Встанут ли Плебеи в целом на нашу сторону... или на их.

— Миранда! — зову я, подбегая к ней в холле. Уже первое октября, и я чувствую, что нам нужно заняться планированием костюмов на Хэллоуин. Будет трудно превзойти прошлогодние наряды макарон.

Не то чтобы мы не разговаривали, но в комнате явно есть слон. Этот поцелуй...

Она идёт с Кридом — мы всё ещё придерживаемся правила пар, а Эндрю плетётся за мной по пятам.

— Привет, — говорит она с улыбкой, и, клянусь, как только я встаю между близнецами, я чувствую напряжение.

— У тебя найдётся время поужинать в столовой? — спрашиваю я, и она кивает. Я бросаю на Крида взгляд, и он отвечает мне томным взглядом с тяжёлыми веками. — Ты не против проводить Эндрю обратно в Башни? Мы встретимся с тобой там позже, и ты сможешь проводить меня домой. — Я улыбаюсь, и он коротко кивает, прежде чем отстраниться.

Мы вдвоём направляемся в обеденный зал, а затем останавливаемся, переводя взгляд с пустого стола Идолов на наше старое место.

Мы с Мирандой обмениваемся взглядами.

— Нам, наверное, следует сделать заявление и занять тот столик, — говорит она, и я ухмыляюсь.

— Я бы предпочла сесть на наше место, но ты права. — Миранда улыбается мне в ответ, и мы поднимаемся по ступенькам на возвышение, садимся и бегло просматриваем меню, прежде чем сделать заказ.

Я пытаюсь сократить количество мяса, которое ем, поэтому выбираю один из вегетарианских рецептов: сырный испанский перец поблано, фаршированный рисом. Ням.

Миранда разворачивает салфетку у себя на коленях, снова складывает её, разворачивает. Она ёрзает.

— Мы можем поговорить о поцелуе? — спрашиваю я, и она поднимает взгляд на меня, разинув рот.

— Нет! — шепчет она, и я смеюсь. — Почему ты хочешь говорить об этом?

— Так вот почему ты рассталась с Джесси? — спрашиваю я, и она слегка съёживается, заправляя белокурые волосы за ухо.

— Может быть.

Снова тишина. Подходит официант, чтобы поставить наши напитки: чай со льдом для меня и лимонад для Миранды.

Я разглаживаю ладонями клетчатые складки своей академической юбки.

— Знаешь, всё не обязательно должно быть странным. Зак и Крид предложили мне встречаться, и... между нами всё хорошо. — Это не совсем ложь. Ситуация непростая, но мы справляемся. Я не перестала с ними тусоваться. На самом деле, я общаюсь с парнями больше, чем когда-либо прежде, даже больше, чем в первый год, когда они пытались заигрывать со мной из-за пари.

— Мне не следовало так целовать тебя. Я не должна была тебе говорить. — Она смотрит в мою сторону своими льдисто-голубыми глазами, и я улыбаюсь.

— Всегда стоит говорить, — отвечаю ей, и я действительно имею это в виду. — Я... не собираюсь принимать какие-либо решения прямо сейчас. Я просто хочу разобраться с этим делом Харпер и Клубом Бесконечности и поддерживать свои оценки на высоком уровне.

— За то, что эти парни сделали с тобой, они должны позволить тебе встречаться с ними со всеми, пока ты не примешь решение, — со вздохом говорит Миранда, хватая свой лимонад и засовывая соломинку в рот. Теперь это биоразлагаемые соломинки, которые растворяются в горячей воде. В прошлом году Миранда сделала целый проект о воздействии соломинок на окружающую среду для нашего урока биологии, и частью его было обращение к школьному совету с просьбой внести изменения, что, к счастью, они и сделали. — Если ты не собираешься выбирать меня, — она делает паузу и мягко улыбается, — тогда, по крайней мере, знай, что я на сто процентов принадлежу команде Крида.

— Я... — мои щёки заливаются румянцем. — Мы не говорим о браке или о чём-то подобном, просто о школьной влюблённости.

— Да, и что? Иногда любовь длится вечно. — Миранда поворачивается, чтобы посмотреть на меня. — Мои родители познакомились в старших классах школы. Моя мама обычно жаловалась на моего отца за то, что он курил травку за школой во время занятий, и он ненавидел её до глубины души. С тех пор они были вместе. Я почти уверена, что Крид думает, что ты его родственная душа или что-то в этом роде.

Я фыркаю, но Миранда поворачивается и смотрит на меня, приподняв бровь.

— Он упоминает о случае в джакузи по крайней мере раз в неделю...

Я перебиваю её, протягивая руку и закрывая ей рот.

— Даже не начинай, — шепчу я, убирая руку. Миранда мгновение внимательно наблюдает за мной, поглядывая на дверь, чтобы посмотреть, не входит ли кто-нибудь ещё. В дальнем углу есть группа первокурсниц, но они все сбились в кучу и слишком новенькие, чтобы причинить какие-либо неприятности.

Она оглядывается на меня.

— Эм, я не уверена, стоит ли мне тебе это говорить...

— Миранда, любое предложение, начинающееся словами «*Я не уверена, стоит ли я тебе это говорить*», довольно чётко указывает на то, что тебе действительно не следует мне этого рассказывать.

— Нет, позволь мне сказать вот что, — продолжает она, вздыхая и протягивая руку, чтобы убрать со лба светлую чёлку. — Крид нахрен убьёт меня...

— Миранда! — выпаливаю я, но она резко поднимает взгляд, и я вижу, что она скажет это, нравится мне или нет.

— Крид... ну, он вроде как... — её голос затихает, и она тихо чертыхается себе под нос, разворачивая и складывая салфетку. Когда она собирается развернуть её в пятидесятый раз, я протягиваю руку и накрываю её ладонь своей.

— Прекрати.

— Крид вроде как... девственник. — Говоря это, Миранда смотрит прямо на меня, и у меня перехватывает дыхание.

— Чт... что?! — я щебечу так громко, что первокурсницы замолкают и поворачиваются, чтобы поглазеть на нас с равной долей страха и зависти в глазах. Это настолько отличается от того, как на меня смотрели последние два года, что я не уверена, что с этим делать. Подсознательно я протягиваю руку и дотрагиваюсь до серёжек с опалами, которые Крид подарил мне на день рождения. Я сказала себе, что не собираюсь этого делать, но я поискала похожие серьги в Интернете... и они стоят дорого. Может быть, не так много, как машина, но все эти ребята настолько богаты, что я не обязательно приравниваю потраченные больше денег к лучшим подаркам. Я фыркаю. — Он не девственник.

— Девственник. — повторяет она, поднимая обе брови. — Я знаю, что он представляет себя иначе, но это так.

— Ты же не знаешь, что...

— Да, знаю! — говорит она, от волнения расплёскивая свой лимонад. — Мы близнецы. — Она закатывает глаза, как будто это должно быть очевидно. — Он девственник. Я точно это знаю.

Я прикусываю нижнюю губу зубами. Я по-прежнему не совсем уверена, что верю ей, но если это правда, то Крид — чертовски хороший актёр.

— Зачем ты мне это рассказываешь? И ты права: может быть, это не то, что ты должна была рассказывать мне?

Миранда улыбается и пожимает плечами.

— Верно, но я подумала, что ты должна знать. Я имею в виду, я не думаю, что кто-то из остальных четырёх... Я просто подумала, что это может что-то значить для тебя.

Я молчу с минуту, и наш официант выходит с нашими заказами. У меня серьёзно кружится голова от этой информации, и я понятия не имею, что с ней делать. Имеет ли это значение? Я снова вспоминаю о джакузи.

— В любом случае, как я уже сказала, если ты не выберешь меня, выбери Крида. — Она замолкает и ждёт, пока я что-нибудь скажу.

— Ты же знаешь, что я люблю тебя, — говорю я ей, и она вздыхает, опуская голову.

— Но не так?

Я молчу, и мы обе берёмся за вилки, чтобы поесть.

После этого мы больше не упоминаем о поцелуе, но Миранда всё ещё смотрит на меня определённым взглядом. Не уверена, что она уже сдалась, но я рада, что у нас состоялся этот разговор.

Она моя опора в академии, и она права: она единственный человек здесь, который не является частью Клуба. В глубине души я чувствую, что могу доверять ей.

Во всех остальных... Я не так уверена.

Мы с Кридом снова начинаем наши занятия, и атмосфера сейчас гораздо более непринуждённая, чем в прошлом году. Честно говоря, я чувствую, что впервые в жизни он действительно пытается. Он слушает, когда я говорю, и то, как он следит за мной глазами...

— Миранда влюблена в тебя, — внезапно произносит он, прерывая наше непринуждённое занятие в среду в библиотеке. Сегодня он принёс мне в подарок целую стопку яой — японских комиксов, посвящённых отношениям между парнями. Я напомнила ему, что в прошлом году он назвал их бестактными и закатил глаза, но я всё равно взяла свёрток, обернутый лентой, потому что там было несколько комиксов, которые я

действительно хочу прочитать.

— Эм, — уклоняюсь я, чувствуя, как краска заливает мои щеки. — Ты видел всё, что произошло.

— Она приводит меня в бешенство, ты знаешь это? — растягивает он слова, складывая руки на столе и прижимаясь к ним щекой. У него сейчас такие полуприкрытые веки. В его голосе слышится нотка гнева, но я могу сказать, что это адресовано не мне. — Близнец. Приударяет за девушкой, которую я уже решил, что хочу.

— Ха, ты уже решил? — я бросаю на него взгляд. Когда наши глаза встречаются, у меня сжимается желудок. Но, вроде бы, в хорошем смысле. Он высокомерный придурок, но по какой-то причине он мне всё ещё нравится, этот ленивый, маленький богатый мальчик.

— Я просто не могу поверить, что ты ей тоже интересна. Каковы шансы? — Крид садится и с минуту пристально смотрит на меня. Я ничего не могу сказать, когда он так на меня смотрит. У меня слишком сдавило горло. — Похоже, тобой интересуется много людей, Марни Элизабет Рид.

— Тристан однажды назвал меня Мэри Сью, может быть, это оно? — Крид улыбается шутке, что кажется мне удивительным. Обычно одно упоминание имени на букву «Т» заставляет его нахмуриться. — Честно говоря, я всё ещё наполовину убеждена, что вы, ребята, заключили ещё одно пари.

— Никакого пари нет, — отвечает Крид, хмурясь. Но типа, пошёл он к чёрту, потому что у меня есть полное право быть подозрительной. — В любом случае, ничего такого, что могло бы причинить тебе боль или вредительствовать тебе.

— Ну, это прозвучало загадочно, — отвечаю я, откидываясь на спинку сиденья и бросая на него взгляд. Наши колени соприкасаются, и меня охватывает дрожь. Крид замечает это и медленно улыбается. — Что именно ты хочешь этим сказать?

— Были и другие ставки или предложения о ставках с твоим участием, например, с Заком, — просто говорит он, пожимая плечами. — Та, которую он пытался заключить, когда ты сорвала вечеринку в амфитеатре.

Ах, да, ночь с костяшками пальцев. Как будто это совсем не было жутко. Харпер Дюпон действительно особый вид монстра.

— Ты можешь рассказать мне об этом? — спрашиваю я, и улыбка Крида становится ещё более озорной. — И есть ли причина, по которой вы, парни, так сильно его ненавидите?

— Марни, есть целый ряд вещей, о которых мы могли бы поговорить, но есть только одна тема, которая меня интересует.

— Крид, — предупреждаю я, когда он наклоняется вперёд, и вскакиваю со стула.

Хорошо. Я смирилась с этим. У меня к нему кое-что есть. К Тристану. К Зейду. К Заку. Виндзор... ну просто друг, верно? Или... может быть, я просто боюсь признаться, что влюблена в него, когда не слишком уверена, что нравлюсь ему в ответ?

Крид следует за мной, пока я пробираюсь по проходам, направляясь обратно к разделу истории и задвигая папку со старыми школьными газетами обратно на полку. Мы ходим на разные уроки истории, но у нас обоих одно и то же задание: составить эссе об Академии Бёрберри и её связи с политикой в конце восемнадцатого века. Фу.

— Марни, — повторяет он, и я оборачиваюсь. Для меня всё ещё так ново слышать, как парни называют меня по имени. Зейд по-прежнему иногда говорит *Работяжка*, и они с Тристаном оба говорят *Черити*, но теперь в этом есть небольшой оттенок нежности, который мне действительно нравится. Я всецело за то, чтобы исправлять и переосмысливать

эти слова.

— Что?

Крид наклоняется ближе, кладя руки на металлическую полку по обе стороны от моих бёдер. Он не прикасается ко мне, но между нами едва ли волосок. У меня в голове всплывают слова Миранды: *за то, что эти парни сделали с тобой, они должны позволить тебе встретиться со всеми ними, пока ты не примешь решение.*

— Я был терпелив, но внутри я чахну.

— Королева драмы, — выпаливаю я, а затем, через секунду исправляюсь, — принц драмы.

Крид всегда казался мне скорее принцем, чем королём. И это не потому, что он хуже Тристана, просто... он другой. Если бы он тратил меньше времени на то, чтобы быть похожим на Тристана или победить его, и больше времени уделял своим собственным начинаниям, он был бы силой, с которой приходилось бы считаться.

Крид ухмыляется, и я изо всех сил стараюсь не вздохнуть, когда его запах переполняет меня. От него всегда пахнет такой чертовской чистой, как от стирального порошка на свежем хрустящем хлопке, вывешенном для просушки на яркое солнце и свежий ветерок. *Ух ты, Марни, сильно поэтизируешь?*

— Это правда. — Он наклоняется ближе и запечатлеваю поцелуй рядом с моим левым глазом. Моё тело вздрагивает, и я слышу, как он издаёт этот удовлетворённый мужской звук. — Я был как на иголках. И ты понятия не имеешь, как сильно я хочу врезать Заку.

— Он хороший парень, — шепчу я, но так трудно думать, когда Крид так близко ко мне, его униформа слегка растрёпана, три верхние пуговицы расстёгнуты, и под ними лишь мельком видна плоская, гладкая грудь.

Он издаёт тихий звук подтверждения, но это всё.

— Я так сильно хочу поцеловать тебя прямо сейчас, — растягивает слова Крид, и мой пульс учащается. Я слышу, как кровь стучит у меня в голове.

— Что тебя останавливает? — шепчу я в ответ, и его полуприкрытые глаза расширяются. Так же медленно и лениво, как он делает всё остальное, он убирает руку с полки и кладёт её мне на бедро. Он поднимает другую руку и щекочет меня под подбородком своими длинными пальцами. Моя голова откидывается назад, а глаза закрываются, когда он наклоняется ко мне.

Наши губы соприкасаются, но едва-едва. Это слишком похоже на поддразнивание, и я чувствую, что начинаю дрожать от всей этой подавленной потребности, от всех этих сумасшедших гормонов. Я провела два года в погоне за Идолами и была преследуема ими. На данном этапе наших отношений мы работаем над прощением и пытаемся построить новые дружеские отношения.

Раньше перед нами возникали препятствия каждый раз, когда мы целовались, независимо от того, осознавала я их или нет.

Но прямо сейчас здесь нет ничего, кроме воздуха.

Приподнимаясь на цыпочки, я завершаю контакт, мои губы плотно прижимаются к его губам.

Жар пронзает меня насквозь, и Крид бросается вперёд, прижимаясь всем своим телом к моему. Его колено проходит между моих ног, а правая рука обхватывает меня за талию. Теперь моя спина плотно прижата к книгам, передняя часть моего тела трётся о Крида. Я чувствую, как мои соски напрягаются, превращаясь в твёрдые точки, а моя сердцевина

наполняется теплом.

Крид раздвигает мои губы языком, пробуя меня на вкус, и издаёт этот грубый звук, который настолько не соответствует его беззаботному характеру, что я почти испуганно кладу руки ему на плечи. Он вжимается в меня глубже, проверяя мои границы, но я полностью расслаблена. Я хочу посмотреть, что произойдёт, когда мы будем целоваться без удержу.

Моя правая рука скользит вниз, и я засовываю её ему под рубашку, чувствуя тепло его кожи на своей ладони. Он стонет, и я на минуту забываю, что мы в библиотеке. Моя рука опускается, и я с силой расстёгиваю ещё несколько пуговиц.

— Чёрт, — ругается он через минуту, отстраняется от меня. Мы всё ещё прижаты друг к другу, и своей правой рукой я чувствую, как его сердце бешено колотится в груди. — Чёрт возьми. Почему ты мне так сильно нравишься?

— У меня обаятельная личность? — я шучу, и Крид фыркает, но мы оба тяжело дышим и дрожим. Внутри меня какое-то напряжение, как будто между моими губами и моей сердцевиной туго натянута струна. Я хочу... большего. Нечто большего, чем это. Гораздо больше. — Настоящий вопрос должен звучать так: почему ты мне нравишься? Ты настоящий придурок, Крид Кэбот.

— Невыносимый мудака, — соглашается он, поворачиваясь, чтобы посмотреть на меня. На этот раз глаза с тяжёлыми веками не просто напоказ. На этот раз я могу сказать, что он тоже хочет большего. *Крид в некотором роде... девственник.* Это то, что сказала Миранда. Верю ли я в это? Это имеет значение?

Или, может быть, так оно и есть?

Может быть, я предпочла бы потерять свою девственность с другим девственником?

Или я слишком много думаю об этом?

— Нам нужно вернуться к проекту, — шепчу я, но не убираю руку с его рубашки.

— Я не собираюсь лгать: прямо сейчас у меня бешеный стояк. Я абсолютно не собираюсь возвращаться к тому, чтобы писать о грубых старых белых чуваках.

— Ты... — я начинаю, но потом у меня просто не хватает слов. Я застряла между хихиканьем и новым всплеском похоти. Я опускаю глаза, но Крид опережает меня, хватая одну из моих рук и кладя её прямо на твёрдую выпуклость в своей промежности. Я издаю тихий звук, и он стонет. Когда он отпускает меня, я не двигаю рукой.

Теперь мы оба смотрим друг на друга, тяжело дыша, дрожа от желания.

— Марни! — я слышу, как Миранда весело зовёт меня по имени из кабинета, и я знаю, что она нашла наши вещи. Она знает, что мы здесь.

На нас двоих словно вылили ведро ледяной воды. Крид отшатывается и поворачивается, запуская пальцы в волосы и чертыхаясь. Что касается меня, то я возвращаюсь к столу и нахожу Миранду, листающую один из старых ежегодников, которые я вытащила.

Она поднимает взгляд, а затем морщит лоб.

Когда она видит, что её брат стоит у меня за спиной, прижимая книгу к промежности, её брови поднимаются практически до линии роста волос.

— Какого чёрта вы двое здесь делаете?

— Обсуждаем, как ты всегда копировала меня, даже когда была ребёнком. — Крид поднимает свою сумку с книгами и устремляет уничтожающий взгляд на свою сестру. Большинство людей отшатнулись бы от такого взгляда, но Миранда едва моргает. Должно быть, она к этому привыкла.

— Потому что я хотела коротко подстричься, когда нам было по пять лет? Это я «всегда», — она делает пальцами маленькие кавычки, — копирую тебя?

— Я просто говорю, что она первая девушка, которая мне по-настоящему понравилась, и ты тоже решила за ней ухаживать? Ты — воплощение надоедливой младшей сестры.

Миранда швыряет в него карандашом, и он уворачивается, всё ещё прикрывая свою промежность.

— Я на десять минут младше тебя, придурок!

Крид откидывает светлые волосы со лба в мальчишеской версии перекидывания волос. Он поразительно хорош в этом.

— Мне нужно идти. Постарайся не целоваться с моей будущей девушкой, пока меня не будет. — Он проходит мимо нас, и Миранда бросает в него ещё одну ручку. Этот удар вонзается ему прямо в затылок, и он ненадолго замирает, чтобы бросить на неё ещё один потрясающий взгляд, прежде чем развернуться и убраться к чёртовой матери из библиотеки.

Моё тело горит, чёрт возьми.

Быть семнадцатилетней — отстой.

— Что вы двое делали в тёмных проходах, а? — Миранда мурлычет, но я просто раздражённо сажусь в кресло.

— Просто целовались, — отвечаю я, но мне интересно... если бы мы не были в библиотеке, и нас бы не прервали, насколько дальше мы бы продвинулись?

Теперь, когда привилегии на выезд за пределы кампуса восстановлены, у нас всех появилась возможность совершить небольшую поездку в город вместе. Я нервничаю, когда мы встречаемся в переднем дворе... пока не замечаю Зейда, притворяющегося, что трахает статую оленя. Или, может быть, он пытается оседлать его? Я не уверена, но я уже прикрываю рот, чтобы сдержать взрыв смеха, когда подхожу к передней части фонтана.

— Не заключай пари, если знаешь, что не сможешь выиграть, — кричит Зейд, воя от смеха, вскарабкиваясь на спину оленя и доставая свой телефон. Сегодня суббота, и, клянусь, это похоже на помешательство на электронике, охватившее школу, когда мы все получили обратно свои телефоны. Зависимость реальна. Он делает несколько своих фотографий, а потом замечает, что я стою там.

— Зейд Уоррен Кайзер, — говорю я, упирая руки в бока. На мне обтягивающие тёмные джинсы-скинни, красные кожаные сапоги, которые я ukrала из шкафа Миранды, и облегающий топ, похожий на корсет, с маленькими пуговицами спереди. Сегодня я чувствую себя хорошо, уверенно, но теперь, когда я стою на свежем осеннем ветру, я удивляюсь, почему я не взяла с собой куртку. — Что ты делаешь там наверху?

— Э-э, верхом на олене? — произносит он, а затем съёживается, когда раздаётся голос мисс Фелтон.

— Мистер Кайзер, взобраться на статую во внутреннем дворе стоит две отметки. Спускайтесь оттуда прямо сейчас. — Она подходит к кирпичной стене, которая окружает фонтан, и скрещивает руки на груди.

Зейд спрыгивает со статуи, но какое бы глупое пари он только что ни заключил, он явно выиграл. Крид хмурится, так что я предполагаю, что в этом конкретном споре он был на противоположной стороне.

— Мисс Рид, — говорит мисс Фелтон, заметив, что я стою там. Она бросает взгляд на Крида и Зейда, а затем замирает, когда входит Тристан Вандербильт, одетый в чёрные джинсы, чёрные ботинки и накрахмаленную чёрную рубашку на пуговицах с закатанными рукавами. Я изо всех сил стараюсь не пускать слюни. — Здесь всё в порядке?

— Всё в порядке, — отвечает Зейд, обнимая меня за шею. Он запечатлевает поцелуй на моей щеке, и я приподнимаю бровь. — Теперь мы все друзья.

Мисс Фелтон не выглядит убеждённой.

На самом деле, даже миссис Эмбертон на днях отозвала меня в сторонку, чтобы поговорить со мной. Из-за того, что я так усердно работаю, чтобы заблокировать плохие воспоминания, иногда трудно вспомнить, что весь персонал академии видел, как меня тут сильно унижали. Никто не упустил из виду того, как Идолы бросили мои трусики на сцену. Никто.

— Я в порядке, мисс Фелтон, — заверяю я её. Хотя каждый день, когда я общаюсь с этими парнями, мне становится интересно. Что произойдёт, если они снова предадут меня? Что бы я сделала? Но что я поняла сейчас, так это то, что я намного сильнее, чем была раньше. Что бы они со мной ни сделали, я смогу это пережить. Я смогу преуспеть.

И лучше бы им этого не делать, потому что во второй раз моя месть была бы стократной.

— Ну, если вам когда-нибудь понадобится уединение, чтобы обсудить что-либо, вы

можете встретиться со мной в моём кабинете. — Она бросает на Зейда очень строгий взгляд, а затем направляется к дверям Первой башни. Башни такие красивые, выглядят так средневековому, их белокаменные бока устремляются в небо. По двенадцать этажей в каждом, и это дом всех учеников в школе, кроме меня.

— Это было неловко, — говорит Зейд, убирая руку с моих плеч, и я перевожу взгляд с него на Крида.

— Итак... каковы были ставки на этот раз? — сухо спрашиваю я. Перечёркнутая татуировка бесконечности на моём бедре, кажется, пылает ненавистью. Я ещё даже не начала работать над «Харпер и Ко», но когда я это сделаю, они об этом узнают. Я просто пытаюсь сориентироваться. Третий курс чрезвычайно важен, когда дело доходит до поступления в колледж. На самом деле, я уже готовлюсь ко всему этому мероприятию, ко всем формам финансовой помощи, заявкам на стипендию (у меня нет проблем с тем, чтобы быть известной как стипендиатка в колледже, если это означает, что я смогу поступить) и эссе.

К концу этого года мне нужно выбрать свои колледжи и подать заявления до конца лета. Кажется, таким странным, что вся моя судьба зависит от решений, которые я принимаю сейчас. Это могло бы буквально изменить весь ход моей жизни. Кажется, это тяжёлое бремя для подростка, но что я знаю?

— Теперь я должен вернуть ему гитару «Gibson» с автографами Джона Леннона и Джорджа Харрисона, которую я выиграл у него в предыдущем пари, — со вздохом говорит Крид, и Зейд улыбается.

— Не спорь с хитрецом, — отвечает он, а затем поднимает свой телефон, чтобы показать мне, что езда на олене была не единственным, что он должен был сделать. Нет, он определённо трахал его.

Я закатываю глаза, а затем чувствую лёгкий трепет, когда большое, тёплое тело бочком оказывается рядом со мной.

Оглянувшись через плечо, я вижу Зака в джинсах, футболке и университетской куртке. Вообще-то, мне самой только что подарили такую для группы поддержки. Мне следовало надеть её, чтобы спастись от холода.

Тёмные глаза Зака изучают меня, и я вздрагиваю, когда холодный ветерок заносит сухие листья во двор, кружа их у моих ног. Он это замечает, и ему требуется всего доля секунды, чтобы снять куртку и накинуть её мне на плечи.

— Зак, — начинаю я, но он качает головой.

— Надень её.

— На улице холодно, — протестую я, но он явно уже принял решение, скрестив руки на своей широкой груди и пристально глядя на меня, пока я не вздыхаю и не засовываю руки обратно в рукава.

— Идём? — спрашивает Тристан, когда Виндзор выходит из дверей Третьей башни и слегка машет рукой.

— Я думала, Миранда тоже пойдёт? — спрашиваю я, но Крид качает головой.

— Проверь свой телефон. — Он указывает на меня, и я изо всех сил пытаюсь отогнать воспоминания о том дне в библиотеке на прошлой неделе. Ох. Я достаю свой телефон из маленькой сумочки в форме арфы, которую Лиззи подарила мне на день рождения, и быстро просматриваю свои сообщения.

«Возникла проблема с волейболом! Мне так жаль!»

Она добавила кучу эмодзи с плачущими рожицами, сердечками и молящимися руками, и я улыбаюсь. Эндрю тоже пришлось отказаться из-за работы над эссе, с которым у него возникли проблемы, а Лиззи в итоге оказалась в паре с Майроном над научным проектом, который они должны закончить.

Так что... здесь только я и парни.

Мы снова отправляемся в городок Лухо, чтобы собрать детали для наших костюмов на Хэллоуин, пообедать и, возможно, посетить местный книжный магазин. Он один из старейших в Калифорнии, и Зак поддразнил меня, рассказав о здании, в котором он расположен: я думаю, это одновременно и мечта архитектора, и величайшая фантазия любителя истории.

— Мы едем? — спрашиваю я, чувствуя небольшую заминку от волнения и нервозности. Технически студентам не разрешается содержать или пользоваться личными автомобилями без специального разрешения, но мы всё равно это делаем. Это не значит, что мы можем нагло мчаться по дороге. На самом деле мы подали заявку на получение разрешения на выезд за пределы кампуса на сегодня, чтобы переночевать в маленьком отеле типа «постель и завтрак» в городе.

Я понятия не имела, что поеду только с парнями.

Моё сердце колотится, и я сжимаю свой крошечный чемоданчик на колёсиках, который купил мне Эндрю.

— Я заказал машину, — говорит Тристан, поправляя манжеты на своей закатанной рубашке. — Парковка в Лухо — сущий кошмар, а у отеля нет собственной стоянки.

— Это «постель и завтрак», — напоминаю я ему с улыбкой. — Большая разница. — Он бросает на меня взгляд, но нас прерывает огромный белый лимузин, подъезжающий к обочине. Водитель выходит и открывает дверь, и парни пропускают меня первой.

В итоге я сажусь в дальнем конце, рядом с ведёрком со льдом и охлаждающимся шампанским.

— Это для нас, — говорит Тристан, пожимая плечами, и хотя я видела, как много они пьют, меня всегда удивляет, насколько небрежно они к этому относятся. Большинство подростков довольствуются шестью упаковками пива, но не дети из Бёрберри. Нет, они довольствуются только крепкими напитками, шампанским и хорошим вином. Пиво — это последнее средство. — То есть для тех из нас, кто пьёт. В холодильнике есть газированные напитки, сок и чай со льдом.

— Спасибо, — язвительно замечаю я, когда Зейд хватает шампанское и вытаскивает пробку, заставляя нас всех подпрыгнуть. Я беру стеклянную бутылку несладкого чая со льдом и отвинчиваю крышку, удивляясь, как Тристану удалось раздобыть для нас этот лимузин и всё прочее, когда у меня нет сомнений, что его отец сердится на него.

Крид задаёт вопрос раньше, чем я успеваю это сделать.

— Как тебе удалось уговорить своего отца прислать машину, когда он так явно хочет тебя убить?

— Я сказал ему, что приглашаю Харпер на свидание из чувства вины, и он сразу согласился, — отвечает Тристан, проверяя свои красно-черные часы Ролекс, которые я достала из мусорного ведра. Он не снимал их с тех пор, как мы пошли в школу, и я подозреваю, что это как-то связано с его отцом. — Она вот-вот должна появиться во внутреннем дворе...

Тристан нажимает кнопку люка, и он открывается, заливая золотистым светом заднюю

часть лимузина. Он бросает на меня взгляд и протягивает руку.

— Помоги-ка мне. — Я беру его ладонь и чувствую, как сквозь меня проходит небольшой электрический разряд, когда мы с Тристаном оба встаём на сиденье, глядя через крышу, как лимузин катится по кольцевой подъездной дорожке.

Харпер стоит на ступеньках, одетая в обтягивающее чёрное платье и туфли на каблуках, и смотрит на нас, разинув рот. Пока она наблюдает, Тристан разворачивает меня к себе, обхватывает ладонями моё лицо и зацеловывает до чёртиков.

На мгновение я забываю, где я нахожусь, или что мы делаем, или почему мы это делаем. Всё, о чём я могу думать — это горячий вкус его губ, то, как умело его язык овладевает моментом. Он потрясающе целуется, и очевидно, что у него было много практики. В этом есть что-то по-своему сексуальное, например, мне нравится тот факт, что Тристан точно знает, как позаботиться обо мне.

Зак издаёт разочарованный звук, и я отстраняюсь, тяжело дыша.

Но дело сделано: Харпер в ярости.

Она спускается по ступенькам и кричит нам что-то, чего я не совсем слышу. Ухмылка на лице Тристана по-настоящему злобная, но теперь, когда я не являюсь её объектом, я очарована.

В нём есть какая-то тёмная утончённость, чувственная жестокость, которая притягивает меня, как мотылька на пламя. Я знаю, что обожгусь, и мне всё равно. Мои крылья вспыхнут тлеющими углями и сморщатся, и я упаду, но эта тёплая, сухая ладонь будет рядом, чтобы подхватить меня.

Чёрт.

Я делаю это снова.

Растущая поэтичность.

Я ныряю обратно в лимузин и снова нахожу своё место. Зейд оставляет меня в покое примерно на две секунды, прежде чем усадить к себе на колени, и мне так нравится чувствовать его рядом, что я просто... расслабляюсь.

— Это была неплохая месь, — говорю я с улыбкой. Обычно я бы никогда не сделала ничего подобного. Но Харпер, она перешла так много граней. Она пыталась утопить меня в бассейне. То, что её чувства на мгновение были задеты — ничто по сравнению с этим.

— Я полагаю, мистер Вандербилт будет недоволен, когда узнает, что это была уловка? — догадывается Виндзор, держа в одной руке бокал шампанского и наблюдая за Тристаном своими яркими карими глазами.

— Харпер не скажет ни слова. Ей будет слишком стыдно. — Тристан принимает бокал из рук Крида и отпивает из него, на мгновение прикрыв свои угольно-серые глаза. Когда он открывает их, то смотрит на меня, сидящую на коленях у Зейда, и его пальцы сжимают ножку бокала.

— Что, если ты всё же ошибаешься на этот счёт? — спрашиваю я, и лицо Тристана слегка напрягается.

— Тогда я дорого заплачу, — отвечает он со вздохом. — Но это будет позже. Прямо сейчас я просто хочу насладиться своими выходными.

— Ты тоже собираешься надеть костюм закуски? — спрашиваю я, потому что Миранда, Эндрю, Зак, Виндзор и я уже выбрали тему Хэллоуина: еда. Попкорн, хот-доги, картофель фри и т. д. Что-нибудь вкусненькое и весёлое. Лиззи тоже с нами. Как и Зейд, и Миранда пообещала, что Крид сделает это, если она ему скажет.

Тристан — единственный, в ком я не уверена, и единственный, кого я действительно с трудом представляю в дурацком костюме.

— Костюм закуски? — повторяет он, и Виндзор смеётся.

— Это была идея Марни, — говорит принц, ухмыляясь. — Я собираюсь намеренно опубликовать свою фотографию, чтобы она стала вирусной. Моя мать будет рвать на себе волосы. Ты же знаешь, она ненавидит скандалы.

— Значит, ты из кожи вон лезешь, чтобы увековечить их? — спрашиваю я, и Виндзор улыбается. Это однозначное «да».

— Закуски, — повторяет Тристан, и я киваю.

— Ну знаешь, например, ты можешь быть в виде вазы с фруктами или пакетика с орехами...

— Тристан любит орехи, это должно ему подойти, — вставляет Зейд, и я игнорирую его.

— ...гигантское печенье, кусок пиццы, что-то в этом роде. — Я ухмыляюсь, когда Тристан смотрит на меня как на сумасшедшую. — Поверь мне: в прошлом году я была живым макаронным печеньем. Это можно сделать со вкусом. Мы найдём тебе что-нибудь. Кроме того, ты же сам сказал, что хочешь выступить единым фронтом перед другими студентами. Что может быть лучше, чем одеться на Хэллоуин в одной теме?

Тристан больше ничего не говорит, но я вижу, как он размышляет, как крутятся колёсики и винтики в его голове.

На некоторое время все замолкают, но я чувствую, как Зак наблюдает за мной, считывая слишком многое во мне, сидящей на коленях у Зейда.

Это просто что-то вроде того, что он постоянно делает, всегда делал. Но когда я думаю об этом, это становится каким-то... интимным. Я перевожу взгляд на Зейда, мои руки обвиваются вокруг его шеи, и я обнаруживаю, что мы действительно близко. Достаточно близко, чтобы поцеловаться.

Я прикусываю нижнюю губу и отвожу взгляд.

Виндзор снимает напряжение, обсуждая Хэллоуин и свои планы на вечеринку у себя дома. Обычно мы устраиваем её на кладбище в кампусе, так что это был бы способ встряхнуть обстановку. Будет интересно посмотреть, сколько людей последует за нами туда... и сколько останется с Харпер.

Фу.

Все эти политические интриги сводят меня с ума.

Но, эй, Тристан правда любит орехи, верно?

Я так взволнована к тому времени, как мы добираемся до Лухо, что первой выхожу за дверь, когда она открывается, практически вприпрыжку забегая в кафе, куда я ходила с Кридом и Мирандой. По словам парней, девушки предложили пари незадолго до зимнего бала, поэтому, когда он купил мне эти туфли, он знал. Я отбрасываю эту информацию в сторону, заглядывая в стакан и разглядывая море красивой выпечки.

Виндзор бросает свою карточку на стойку ещё до того, как кто-либо делает заказ, и заявляет, что оплатит счёт сам. Я думаю, у него с этим всё под контролем. На самом деле, я почти уверена, что он хотел знать, почему Тристан отвечал за подготовку машины, потому что он хотел сделать это сам.

— Смотри, печенье «Юнион Джек», — говорю я с ухмылкой, указывая на ряд печенья с глазурью в виде флагов в конце. — Ощущение дома.

— Вы, американцы, со своим печеньем, — произносит он со смешком. — Это чёртовы бисквиты. Это бисквит с глазурью.

— Бисквиты должны быть с пропиткой. А это чёртово печенье, Винд.

Я заказываю эклер и чай со льдом у женщины за стойкой, и Виндзор повторяет мои действия, следуя за мной через арку в боковую зону, где я сидела в прошлый раз, когда была здесь. Я выбираю немного другое место, поближе к камину в глубине зала, и устраиваюсь на диване.

Винд садится рядом со мной, его тело вдавливают подушку так, что наши тела соприкасаются.

Он наклоняется и переплетает свои пальцы с моими, заставляя моё сердце бешено колотиться в груди. Он все время прикасается ко мне, так что на самом деле это не так уж и важно, но... сейчас что-то кажется другим.

— Ты помнишь, как я сказал, что мы могли бы встречаться, и это было бы весело? — спрашивает он, и я киваю. Как я могла забыть об этом? — Я думаю, что, если ты рассматриваешь кандидатуру одного из этих идиотов, тебе следует рассмотреть и моё предложение тоже.

Я сижу там с минуту, вдыхая запах кофе и сахара, слабый аромат дыма от камина. Под всем этим скрывается запах Виндзора, это аромат нарциссов и крема для обуви. Такое странное сочетание, но такое правильное. Я думаю, последнее связано с тем, что он всегда носит свои кожаные ботинки, и они всегда начищены до блеска. Должно быть, именно здесь и проявляется его польская составляющая. Сладкий цветочный аромат... иногда я задаюсь вопросом, не мерещится ли мне это.

Входят другие парни, и Зак ставит мой чай и выпечку на стол, одновременно поглядывая на Винда.

— Ты жехватишь мой заказ, не так ли? — спрашивает он, его акцент весёлый и бодрый. Он протягивает руку и убирает прядь своих красивых рыжих волос со лба, отчего они встают дыбом, как и всегда. — Будь другом, Зак, и выручи парня.

— Ты можешь и сам забрать свою грёбаную еду, — отвечает Зак, занимая место с другой стороны от меня. Виндзор показывает ему средний палец, но всё равно вздыхает и встаёт. Остальные ребята уже расселись, иначе, я думаю, кто-нибудь мог бы занять его место.

Это было бы не очень хорошо.

Мои пальцы покалывает в том месте, где он к ним прикоснулся, и я отдёргиваю руку, прежде чем взять свой чай. Он пряный и сладкий одновременно, как звездчатый анис, кардамон и ваниль. Ах. Так чертовски хорошо.

— Ты знаешь, фестиваль «Lujó Pride» — это безумие, — говорит Зейд, наклоняясь вперёд и упираясь локтями в колени. — Было бы мечтой сыграть во время него. — Он опускает взгляд на свою стопку сахарного печенья с глазурью и вздыхает.

— Когда я смогу встретиться с твоей группой? — спрашиваю я, и он удивлённо смотрит на меня. — Я имею в виду, ты никогда не говоришь о них, но вы, ребята, должно быть, проводите много времени вместе, верно?

— Каждую свободную секунду, которая у меня есть, когда я не в академии и когда меня не таскают в туристическом автобусе моего старика. — Зейд ухмыляется. — Ты погуглила нас, да? Ты их видела, сборище придурков. — Он достаёт из кармана свой телефон и передаёт мне, чтобы я могла пролистать фотографии. О... две дюжины фотографий, и на

одной я вижу его без рубашки перед зеркалом, с подтянутым прессом, делающим нелепое селфи.

Я сдерживаю смехок и снова прокручиваю страницу, только чтобы найти фотографию Зейда в обнажённом виде.

Его, эм, ну, давайте будем откровенны: его член у всех на виду. Я вижу всё, включая тот факт, что он проколот на кончике.

— Господи, чувак, — говорит Зак, выхватывая у меня телефон и швыряя его обратно нашему другу-рокеру. Зейд ловит его с растерянным видом, а затем опускает взгляд, чтобы увидеть фотографию. Он широко улыбается и поднимает глаза.

— Ну, что думаешь? — спрашивает он, и я могу сказать, что мои щёки ярко покраснели, когда Виндзор возвращается и садится рядом со мной.

— Твои друзья выглядят действительно мило, — отвечаю я, и он качает головой.

— Не-а, я спрашивал про своё тело, в основном мой член.

— О, чёрт возьми, — растягивает слова Крид, развалившись на стуле, как будто он хозяин этого места. Они с Тристаном обмениваются взглядами, и я ухмыляюсь, отправляя эклер в рот, чтобы не отвечать.

После того, как мы заканчиваем в кафе, мы заходим практически в каждый магазин на главной улице, чтобы купить принадлежности для наших костюмов, а затем отправляемся в наш отель, как раз ко времени регистрации заезда.

У нас семейный люкс, который на самом деле представляет собой просто набор комнат с внутренними дверями, чтобы их можно было соединить. У нас три комнаты, в одной из которых есть гостиная зона и гигантская ванна, которая находится как бы просто... посередине спальни.

— Не поймите меня неправильно, это выглядит восхитительно, но почему прямо рядом с кроватью?

— Во-первых, — начинает Зейд, запрыгивая в ванну и откидываясь назад, скрестив лодыжки рядом с краном. Его рубашка задирается спереди, и я мельком вижу татуировки и прядь тёмных волос, которые обещают, что вид, который я увидела на его телефоне, не был воображаемым. Под этим поясом действительно что-то есть. И под чем-то я подразумеваю его член. Мои щёки вспыхивают, пока Зейд продолжает болтать. — Ты только что употребила слово «восхитительно» без всякой иронии? Во-вторых, ванна находится в спальне, потому что это номер для новобрачных, и жених и невеста должны трахаться в нём.

— Так элегантно, как всегда, — говорит Тристан с раздражённым видом, возвращаясь после осмотра номера. Я видела, как он проводит пальцем по верхней части рамки для фотографий, чтобы проверить, нет ли пыли, а затем драматично вздыхает. Лично я считаю, что этот маленький отель типа «постель и завтрак» очарователен. — Давайте договоримся о ночлеге.

— Мы с Марни здесь, — произносит Зейд, но в этой комнате только одна двуспальная кровать, так что этого не произойдёт. — А вы по двое в каждой из других комнат, по одному на кровать. Решено, и точка.

— Как насчёт... Я буду спать здесь одна, а вы, ребята, займёте другие кровати. — Я скрещиваю руки на груди и смотрю на Зейда и Тристана.

— Я не собираюсь спать ни с одним из этих придурков, — издевается Зейд, выпрыгивая из ванны и хватая меня за ноги и за талию, чтобы заключить в свои объятия. Я визжу, когда он кружит нас и бросает меня на кровать. Я подпрыгиваю на короткую секунду, прежде чем он накрывает меня своим телом и сжимает мои руки в запястьях. — Я бы предпочёл остаться здесь, с тобой, Черити.

— Без шансов, — шепчу я в ответ. Логически понимать, что Зейд просто дразнит меня, — это одно, но, когда он вот так лежит на мне, это... совсем другое. Мы смотрим друг на друга, и я могу сказать, что не единственная, кто это чувствует. Мускул на щеке Зейда дёргается, и мне внезапно становится трудно дышать. Мы оба чувствуем напряжение. Чёрт возьми, мы чувствовали его с самого первого дня. В первый раз, когда мы увидели друг друга, я поняла, что между мной и этим засранцем-рок-звездой возникла химия.

Зейд стонет и скатывается с меня, но ущерб уже нанесён. Моё сердце бешено колотится, а между грудей стекает капелька пота.

— В диване есть выдвижная кровать, — говорит Зак из другой комнаты, и я слышу скрип петель, когда он её раскладывает. Сев, я прохожу в гостиную и наблюдаю, как он начинает застилать постель. — Я буду спать здесь. Это лучше, чем делить постель с его

величием.

— Я уже много лет не мочился в постель, — заявляет Виндзор, раздвигая занавески и глядя вниз на ручей, протекающий за домом. Он оглядывается на Зака с широкой улыбкой. — Хотя в прошлый раз, когда мы спали вместе в постели, я проснулся от того, что твой стояк вонзился мне в ногу.

— Чуть собачья, — фыркает Зак, когда Крид прищуривает свои голубые глаза.

— Когда это вы двое спали в одной постели? — спрашивает он, плюхаясь в одно из кресел и закидывая свои коричневые ботинки Баркер Блэк на кофейный столик. Виндзор медленно оборачивается, на его губах появляется жестокая улыбка. Иногда мне кажется, что находиться в комнате с этими парнями — всё равно что стоять в яме со змеями. В них так много проклятого яда, и я всегда жду, когда они нанесут удар.

— Когда мы переспали с Марни в последний день второго курса, — говорит Виндзор, как будто это самая естественная вещь в мире.

— Ты имеешь в виду, когда ты спал рядом с Марни, — выплёвывает Тристан ледяным голосом. Он звучит разозлённым, и я не могу удержаться, чтобы не взглянуть на него. — Никто не поверит, что кто-то из вас занимался с ней сексом, так что даже не намекайте.

— А если бы я это сделал, тебя бы это взбесило? — Виндзор бросает вызов, засовывая руки в карманы своих белых слаксов. На нём белая рубашка на пуговицах с короткими рукавами в тонкую полоску и те блестящие чёрные ботинки, которые он всегда надевает, как будто собирается покататься верхом.

— Ты этого не делал, — произносит Тристан, и его голос резко пререзает внезапно повисшую в гостиной напряжённость. Голубые глаза Крида впиваются всё это с оттенком нетерпения, как будто ему действительно понравилось бы наблюдать, как они вдвоём выбивают друг из друга все дерьмо.

— С кем Марни спит или не спит, не ваше дело, — рычит Зак, перебивая двух других парней. — Так что оставь эту тему в покое и отвали. — Тристан ухмыляется, и я просто вижу, как вечер летит коту под хвост.

Я выхожу на середину комнаты.

— Хватит. — Мой голос звучит жёстко и отрывисто, и все они поворачиваются, чтобы посмотреть на меня. Моё сердце сейчас колотится так быстро, что я просто молюсь, чтобы не упасть в обморок. — Вы, ребята, не можете продолжать ссориться, это нечестно. — Я выдыхаю и провожу пальцами по волосам. Я оглядываюсь по сторонам, и в кои-то веки все они притихли. Довольно шокирующе, если вы вообще хоть что-нибудь знаете о ком-либо из этих парней. По сути, все они альфа-самцы. Крутая компания. — Всё это сбивает меня с толку.

— Мне жаль, — произносит Зак, и если бы его голос не звучал так искренне, я бы просто подумала, что он пресмыкается передо мной. — Ты права. — Он садится на край дивана-кроватьи с лёгким вздохом. — Ты не заслуживаешь иметь дело со всем этим дерьмом после всего того дерьма, через которое мы тебя заставили пройти.

— Я... знаю, что ты заинтересован в отношениях, — говорю я ему, чувствуя, как горят мои щёки. Я перевожу взгляд на Крида. — И ты. — *Дыши, Марни, дыши.* — А что насчёт тебя, Зейд?

Он стоит прямо за дверью в спальню и смотрит на меня яркими изумрудными глазами. Его руки засунуты в карманы, и он закрывает глаза в конце выдоха.

— Я так сильно облажался с тобой, Марни, — шепчет он, его голос такой хриплый и

необузданный, что, если бы он остановился и записал песню прямо сейчас, эмоции были бы настолько реальными, что, вероятно, заставили бы людей плакать. — Я был заинтересован с самого первого дня. Я тебе это говорил.

— Теперь ты заинтересован? — шепчу я, изо всех сил стараясь, чтобы слова выходили наружу. Здесь так много напряжения, что моя кожа становится ноющей и стянутой.

Зейд смотрит мне прямо в глаза.

— Я заинтересован. Серьёзно, блядь, заинтересован.

Крид издаёт разочарованный звук, а Зак хмурится.

Затем я поворачиваюсь к Тристану. Он стоит в дверях рядом со мной. Мы так близко, что я вижу, как бешено бьётся его пульс. Внешне он выглядит спокойным. Но я могу сказать, что всё это лишь видимость. У него всё кипит внутри.

— А как насчёт тебя?

— А что насчёт меня? — Тристан отвечает, хладнокровный, как чёртов огурец, его острый, как лезвие, серый взгляд пронзает меня насквозь.

— Я тебе интересна? — чертовски трудно произнести эти слова, задать вопрос, который, честно говоря, мучил меня почти два года. Я хочу услышать, как он это скажет. Мои мысли ненадолго возвращаются к Лиззи, но... Мне нужно знать, что чувствует Тристан, независимо от того, что произойдёт потом.

Он кладёт руку на дверной косяк над моей головой и наклоняется ближе.

— Разве я не ясно дал тебе это понять? — спрашивает он, и ухмылка искривляет его полные губы. У него такие чертовски красивые волосы, иссиня-чёрные пряди, которые мягко спадают ему на лоб.

— Это не ответ. — Я застываю, когда он кладёт левую руку мне на бедро и прижимает большой палец к тазовой кости, заставляя меня задышаться. — Да или нет.

Тристан смотрит на меня так долго, что я задаюсь вопросом, собирается ли он вообще отвечать. Но потом я вспоминаю тот момент в Париже, возле Эйфелевой башни. В нём было так много напряжения, а его лицо было таким мягким, почти нежным. Он собирался что-то сказать мне, прежде чем Виндзор прервал нас, я знаю, что так оно и было.

Я помню их спор на французском и жалею, что не выбрала язык любви вместо испанского и японского. Часть меня знает, что в этом разговоре есть что-то такое, что я бы захотела услышать.

— Хорошим последующим вопросом было бы: ты всё ещё любишь Лиззи, и если да, то как твои чувства к девушке Уолтон соотносятся с твоими чувствами к Марни? — Виндзор неторопливо идёт вперёд, полностью осознавая, что он ставит точку в этом разговоре. Я могла бы убить его в этот момент.

Лицо Тристана омрачается, и он усмехается, поворачиваясь к Виндзору, как будто, возможно, он затеет драку, которая не закончится без кровопролития. Я представляю, как они вдвоём насмерть осыпают друг друга ударами. Я кладу руку ему на грудь и встаю между ними, переводя взгляд на принца.

— В чём твоя проблема, Винд? — огрызаюсь я, чувствуя, как мой гнев и разочарование всплывают на поверхность. Он действительно задира из задир. Типа, это его конёк, и я не могу решить, тусуется ли он со мной потому, что это то, что ему нравится делать, или из-за чего-то ещё. Всё, что он говорит и делает — это большая постановка, шутка. — Почему ты всё усложняешь?

Он всё ещё улыбается, когда подходит ко мне, ставя нас лицом к лицу.

— Это был правильный вопрос: Тристан любит Лиззи, Лиззи любит Тристана. Так что же происходит с тобой, Марни? Я не хочу видеть, как тебе причиняют боль.

— Я верю в это, — говорю я, чувствуя стеснение в груди. — Но я также знаю, что ты достаточно социально осведомлён, чтобы не поднимать подобную тему в такой момент, как этот. Ты продолжаешь шутить о том, как мы могли бы встречаться и повеселиться вместе, но я не могу понять, шутишь ты или серьёзно, или...

Виндзор Йорк, принц грёбаной Англии, обнимает меня одной рукой и притягивает к себе так быстро, что я не успеваю закончить предложение. Вместо этого я ощущаю его пальцы на своём подбородке, а его рот прижимается к моему.

Его язык обводит мою нижнюю губу, прежде чем погрузиться в мой рот, вожделение и страсть бурлят в его прикосновениях и проникают в меня. Внезапно между нами возникает такое напряжение, что я едва могу дышать. Нет, не совсем, я не могу. Я не дышу. Как я могу, когда он целует меня так, словно ждал всю свою жизнь, чтобы найти меня?

В этом поцелуе нет ни поддразнивания, ни шутки.

Там нет ничего, кроме намерения, ясного и острого. Всё это в том, как он обнимает меня, прикасается ко мне, целует меня. Пламенный огонь бурлит в моей крови, настраивая меня против всего мира. В этот момент я ничего не хочу больше, чем его, чем моего собственного грёбаного принца.

Он внезапно отстраняется, изящно, как всегда, скользя пальцами от моего подбородка вверх по линии скулы, касаясь моих волос.

— Миледи, мне очень интересно. — Он улыбается, но теперь в этом есть что-то такое, чего я раньше просто не замечала, или он чертовски хорошо скрывал. — Ты такая... в тебе есть всё, о чём я и не подозревал, что хочу. Ты ненавидишь деньги. Ты ненавидишь придурков. Ты ни хрена не понимаешь. Дорогая, позволь мне сделать из тебя принцессу.

— Прекрати, — выдыхаю я, потому что теперь я уверена, что он снова шутит. Я отталкиваюсь от него, и он отпускает меня, наблюдая мерцающими карими глазами, как я прижимаюсь спиной к стене между ним и Тристаном.

Король Бёрберри в этот момент — больше не счастливый маленький правитель.

— Ты сукин сын, — рычит Тристан, и Виндзор ухмыляется.

— Вообще-то, сын принцессы. Правнук королевы. Давайте, по крайней мере, разберёмся с этой частью. Может, вы и «американская королевская семья», — Винд насмешливо выводит пальцами маленькие кавычки, — но на самом деле я здесь член королевской семьи. — Он ухмыляется. — Десятый в очереди на трон, достаточно престижный, чтобы быть важным, но недостаточно близкий к этому, чтобы кого-то волновало, что я делаю. У меня есть свои собственные деньги, своя собственная жизнь. Если я захочу встречаться с бедной американской девушкой, я могу это сделать. Что насчёт тебя? Тебе вообще позволено любить Марни?

Тристан делает шаг вперёд, а затем поворачивается, чтобы посмотреть на меня. К его чести, он сдерживает злую усмешку на своём лице и остужает выражение, высовывая язык, чтобы облизать край губы, когда оглядывает меня.

Его взгляд останавливается на моём лице, а затем он поворачивается ко мне, хватая меня за бёдра и усаживает на край диванного столика. Он поднимает обе руки и запускает пальцы в мои волосы, притягивая меня для ещё одного поцелуя.

Серьёзно, в этот момент мой разум отключился, уносясь в небытие. Я просто сгусток эмоций, в котором не осталось никакой логики.

Это острое томление внутри меня нарастает по спирали, достигая крещендо, когда Тристан проводит языком по моим губам. Его поцелуй такой же резкий и холодный, как и он сам, но пронизан раскалённым добела расплавленным огнём. Если я смогу расплавить его внешнюю сталь и докопаться до того, что лежит под ней... он был бы грёбаным огненным штормом. Его пальцы обхватывают мои бёдра с обеих сторон, впиваясь ровно настолько, чтобы было больно и приятно одновременно.

Мне вспоминается зимний бал и та ночь на яхте. *«Просто помни, что Крид не единственный, кто заинтересован»*. То, как он поцеловал меня тогда, и то, как он целует меня сейчас... одинаково. Это ведь не было полной чушью, не так ли? То, как я чувствовала себя их, когда мы все сидели вместе за столом? То было по-настоящему. Это было по-настоящему. Это было чертовски реально.

Тристан отстраняется и прижимается своим лбом к моему, тяжело дыша.

А потом он отшатывается, как будто обжёгся, и несётся через гостиную в свою комнату.

Он убегает.

— Прекрати. — Только одно это слово от меня. Мне даже не нужно кричать об этом. Смысл достаточно ясен в этом единственном слове.

Тристан останавливается и оглядывается на меня, зрачки расширены, серые глаза горят, как едва тлеющие угли.

— Что? — у него такой голос, словно он вот-вот сорвётся. Ему определённо нужно побыть одному, чтобы успокоиться, это точно. Но не раньше, чем он ответит на мой вопрос.

— Тебе интересно? Поцелуй — это не ответ. Я хочу услышать это на словах. — Я поднимаю подбородок, и Тристан оборачивается, его ноздри раздуваются от гнева. Он закрывает глаза и отводит взгляд, как будто ему больно.

— Я уже навлёк на себя гнев моего отца из-за тебя, отказался от своего семейного состояния, разве...

— Это не ответ.

Моё сердце бьётся так быстро, и я чувствую, что другие ребята внимательно наблюдают за мной. Я смотрю на него снизу-вверх и жду. Лиззи не выходит у меня из головы в этот момент, но всё, что я могу сделать прямо сейчас — это начать с простого ответа на мой вопрос. Если он заинтересован в Лиззи, то это выбор, который ему придётся сделать самостоятельно. Если она ему небезразлична, тогда... он должен сам это решить. Я не могу заставить его.

— Да.

Только одно слово.

Это похоже на вызов.

«Жаль. Я с нетерпением ждал вызова».

Он сказал мне это давным-давно, в самый первый день нашей встречи.

Похоже, он собирается получить то, что хотел.

— Вы пятеро... — я вздрагиваю, всё ещё сидя на краю диванного столика. — Вам придётся бороться за меня, если вы хотите меня. Но не кулаками, не пари и не всякой ерундой. Я имею в виду, что вам придётся отбросить свои барьеры и проводить время со мной.

— Марни, — начинает Зак мягким голосом, но я поднимаю руку. Я ещё не закончила. Мои щёки пылают от смущения, а моё тело горит так, как никогда раньше. Если я не разберусь с этим сейчас, то уже никогда не смогу.

— За то, что вы со мной сделали, — я бросаю на Виндзора полуобвиняющий взгляд. Формально он ничего не сделал, кроме как был мне другом. Дело в том, что я знаю, знаю, что у него есть скрытые мотивы. Ничто из того, что он делает, не является простым и понятным или без расчёта, так что мне жаль, но ему тоже придётся подыгрывать. — За то, что вы со мной сделали, — повторяю я, — вам всем... придётся ухаживать за мной одновременно.

— Ухаживать за тобой? — говорит Зейд с лёгкой, натянутой усмешкой. — Такая старомодная.

— Вам придётся встречаться со мной одновременно, всем пятерым. — Я выдыхаю, закрываю глаза и откидываю голову на стену. Мне нужно... что-то, чтобы избавиться от всех этих эмоций. Я поднимаю голову и открываю глаза, вглядываясь в их лица. Их эмоции варьируются от ошеломления — Виндзор — до холодной ярости — Крид — и всего, что находится между ними. — Никаких других девушек. — На последнем слове мой голос становится жёстким. — Я серьёзно. Если я увижу вас с другой девушкой...

— Я не прикасался ни к одной девушке с первого курса, — говорит Тристан, и мои глаза расширяются. Он был немного шлюхой. Верю ли я вообще в то, что он мне сейчас говорит? — Так что всё в порядке. Мне всё равно. Что-нибудь ещё? — сейчас он весь такой деловой, но... может быть, в хорошем смысле? Он говорит так, как будто делает это на уроке, как будто он делает заметки и прикидывает, как лучше всего получить пятёрку, победить.

— Я... — я начинаю, но в голове у меня становится совершенно пусто. — Нет, я думаю, что это всё. Мы встречаемся, и мы делаем... что бы мы ни делали, если бы просто встречались друг с другом. Это... это всё, что я могу сказать.

Я спрыгиваю вниз, вбегаю в свою комнату и запираю за собой дверь.

Я стою там достаточно долго, чтобы перевести дыхание, прежде чем переодеться в купальник, накинуть халат и спуститься вниз к бассейну.

Когда я прыгаю в воду, она ледяная, но благодаря этому в голове у меня проясняется.

Это всё, что мне сейчас нужно — ясная голова.

И эквивалент холодного душа.

Очень холодного душа.

Позже тем же вечером я лежу на огромной двуспальной кровати в полном одиночестве и смотрю какое-то дурацкое ночное шоу по телевизору, что для меня в некотором роде удовольствие, учитывая политику академии «никакой посторонней электроники». Я имею в виду, иногда по выходным я смотрю что-то на своём телефоне, но для разнообразия приятно иметь большой телевизор.

Как раз в тот момент, когда я нащупываю пульт, чтобы выключить его, я слышу скрип и грохот, а затем яростную ругань Зака.

Поднявшись с кровати, я подхожу и приоткрываю дверь, отделяющую мою спальню от гостиной.

И тут моя рука взлетает, чтобы прикрыть рот.

Старая металлическая перекладина в диване-кроватьи согнулась и сломалась под мускулистым телом Зака. Сейчас он изо всех сил пытается выбраться из-под груды одеял и подушек. Как только я справляюсь со своим смехом, я бросаюсь ему на помощь. Конечно, когда я беру его за руку и тяну, это всё равно что тянуть гору мышц. Он позволяет мне притвориться, что я помогаю ему подняться, выбираясь из кучи в боксёрах с низкой

посадкой и больше ни в чём.

Моё сердце издаёт такой большой, сильный стук, что вся кровь в моём теле приливает к голове и... другим местам.

— Грёбаная дурацкая кровать, — ругается он, наклоняясь, чтобы достать свой телефон из-под одеял.

Его боксёры слегка сползают, и я вижу его задницу.

Но... хорошую задницу. Например, у него ямочки на пояснице и мышцы, к которым моим рукам больно хочется прикоснуться. Это не то же самое, что заглядывать в щель сантехника. Я прикрываю рот рукой, чтобы сдержать ещё один нервный смешок.

Зак поднимается на ноги и оглядывается на меня, приподнимая свои тёмные брови.

— Что тут смешного? — спрашивает он глубоким баритоном.

— Ну, твои мышцы только что сломали кровать, — я протягиваю руку и сжимаю его бицепс. Это как нагретый солнцем долбанный камень, такой гладкий, твёрдый и горячий. — И ты сильно выставил свою задницу на показ, когда наклонился.

— Ты думаешь, моя задница забавная? — спрашивает он, и ухмылка скользит по его губам. — Так уж случилось, что твоя мне действительно нравится.

Мои щёки вспыхивают, и я понимаю, что всё это время ласкала его руку, просто донимая его до чёртиков. Я отдёргиваю руку и увеличиваю расстояние между нами на несколько футов.

— А я и не говорила, что мне она не нравится, — поддразниваю я, и от того, как он смотрит на меня, вся темнота внутри него превращается в глубокие, тёплые тени, которые проносятся по мне под его пристальным взглядом. — Тебе помочь починить кровать? — спрашиваю я, потому что в таком маленьком отеле типа «постель и завтрак» вряд ли найдётся другой номер, куда его можно переместить, или даже кто-то на стойке регистрации, с кем можно поговорить на этот счёт.

— Эх, — говорит Зак, снимая постельное бельё и отбрасывая его в сторону. — Я думаю, она немного не поддаётся починке. — Он пытается собрать обломки и превратить кровать обратно в диван, но безуспешно. Его уже не спасти. — Пол сойдёт, — говорит он после того, как одна из ржавых пружин буквально отваливается.

Я отхожу в сторону, пока Зак устраивает печальную, жалкую маленькую постель на полу.

Я прикусываю нижнюю губу и тереблю руками перед своей майки.

Это похоже на одну из тех яой-манг, которые купил мне Крид, где герои едут в отель и случайно бронируют только одну кровать вместо двух, и в итоге им приходится её делить...

Да, да. Это в точности как в аниме, или манге, или любовном романе.

Мои щёки вспыхивают, когда Зак бросает свои подушки в кучу, останавливаясь, чтобы взглянуть на меня.

— Ты можешь разделить постель со мной, — говорю я, и мой голос превращается в задыхающийся шёпот.

Зак останавливается и поворачивается, чтобы посмотреть на меня, стоящую там в бледно-розовой майке и коротких шортах, сшитых из тонкого, непрочного материала. Оно очень мягкое и удобное, но сейчас я внезапно чувствую свои соски так, как никогда раньше. Наверное, потому, что на мне нет лифчика. Или другого нижнего белья.

Если я буду делить постель с одним из самых горячих парней в академии, может быть, мне стоит подумать о том, чтобы сначала надеть бельё?

— Ты уверена в этом? — спрашивает он, глядя на меня своими прекрасными янтарными глазами. Да, они коричневые, но в слабом свете прикроватной лампы в них есть что-то медовое. Зак, должно быть, заснул с включённым светом, потому что он уже был зажжён, когда я вошла сюда. — Ты не обязана этого делать, ты же знаешь.

— Я... нет, всё хорошо, — говорю я, убирая с лица несколько золотисто-розовых прядей. Я улыбаюсь, чтобы поднять настроение, но между нами есть напряжение, которое растёт с тех пор, как... чёрт, я не знаю, где-то с прошлого года? — Захвати несколько подушек.

Я поворачиваюсь и направляюсь обратно в комнату, слушая бормотание ночного комедийного шоу, пока сооружаю между нами небольшую изгородь из подушек. Это немного по-детски, но я всё равно это делаю.

Зак ухмыляется, кладёт подушку на левую сторону кровати и забирается на неё, проминая матрас своим большим телом. Внезапно я обнаруживаю, что у меня вспотели ладони и бешено колотится сердце.

— Чего ты ждёшь? — спрашивает он, откидываясь на подушки и скрещивая руки за головой. — Неужели моя задница такая страшная?

— Я сказала забавная, а не страшная, — бормочу я, перебираясь на свою сторону кровати и ложась поверх одеяла. Здесь немного жарко, так что я пока не чувствую необходимости забираться под одеяло. По-видимому, он тоже.

Несколько минут мы сидим в тишине, вместе смотря особенно непристойный эпизод «Южного парка». Это одна из старых серий, где одного из главных героев, Стэна, тошнит каждый раз, когда его пассия, Венди, смотрит на него. Я чувствую это на духовном уровне. Мои увлечения — все пять, кх-м — вызывают у меня тошноту. Но, типа, в действительно хорошем смысле.

Это так сбивает с толку.

— Ты знаешь... Я думал, что, оставив тебя в покое, я поступаю правильно, — говорит Зак, когда начинается рекламный ролик. Фу, я и забыла, какой надоедливой бывает реклама. Я использую приложения для блокировки рекламы на своём телефоне, поэтому мне больше не нужно её просматривать.

Я молчу, потому что не уверена, что сказать.

Он поворачивается и опирается на стену из подушек, чтобы посмотреть на меня.

— Но ты всё это время хотела, чтобы я сражался, да? — я ничего не говорю, но Зак просто улыбается. — Теперь, когда я об этом знаю, надеюсь, ты готова.

— Готова к чему? — спрашиваю я, когда он садится, а затем кладёт руки по обе стороны от меня с самоуверенной улыбкой на лице. Я ещё не вернула его куртку Леттермана. Честно говоря, мне нравится её носить. Мне нравится его запах, этот спортивный аромат, который я узнаю мгновенно, но в котором, кажется, всегда присутствуют новые нотки. На этот раз я чувствую запах мяты, мускатного ореха и лаванды.

— Чтобы я начал действовать радикально, — произносит Зак, протягивая руку и проводя пальцами по моей шее сбоку. Тихий стон вырывается у меня прежде, чем я успеваю его сдержать, а затем Зак наклоняется ко мне. Точно так же, как я делала это с Кридом, я целую его так, словно нет ни границ, ни барьеров, ничто нас не сдерживает.

Это так чертовски приятно, этот освежающий прилив желания без чувства вины. Ну, ладно, может, и есть капелька вины, но я говорю себе, что это последняя часть моей мести, встающая на свои места. Я встречаюсь с этими парнями, исследую свои чувства к ним, и мне

пока не нужно выбирать. Мне не нужно выбирать.

Ещё один стон вырывается у меня, и я обнаруживаю, что мои пальцы впиваются в мышцы спины Зака, притягивая его к себе, притягивая ближе. Он позволяет мне вот так прижиматься к нему, и, кажется, ему это даже нравится. Мы сливаемся так, что я более или менее лежу, а он... ну как бы лежит на мне.

Тяжесть его тела приятна на ощупь, его кожа горячая и скользкая под моими руками.

Его правая рука скользит вверх по моему боку, задирая топик, и я стону, извиваясь под ним. В моей голове всплывает голос Крида: *«Не ёрзай так, у меня встанет»*.

Если я продолжу так делать, то Зак...

Я снова ёрзаю, и он оказывается между моих бёдер, его тело горячее и твёрдое, и от него так хорошо пахнет. Я провожу пальцами по его спине, царапая его ногтями, и он издаёт этот рычащий звук, который я чувствую всеми своими костями. Моя спина выгибается навстречу ему, прижимаясь грудью к его груди.

Наши поцелуи немного замедляются через несколько минут, переходя в этот горячий чувственный ритм. Именно тогда я чувствую его твёрдость между своих бёдер, прижимающуюся к его боксерам. Я полностью осознаю тот факт, что между нами всего два тонких слоя ткани.

Я кладу ладони между нами, намереваясь немного оттолкнуть Зака, но в итоге испытываю прилив возбуждения, когда чувствую его твёрдые грудные мышцы и твёрдые острия сосков. Я издаю тихий звук удовольствия, и он стонет, протягивая руку, чтобы обхватить мою грудь через мягкий, тонкий материал моей майки.

Удовольствие настолько сильное, что я откидываюсь на подушки, прерывая поцелуй и тяжело дыша. Зак опускает ладонь к моей обнажённой талии, его кожа горячая и потная, а затем он скользит вверх, пока не проникает под ткань моей майки и не обхватывает мою обнажённую грудь.

Звук, срывающийся с моих губ, настолько чужой, что я почти пугаюсь, вздрагивая, когда Зак хихикает и утыкается носом в мою ключицу.

— Если ты не будешь вести себя тихо, то разбудишь всех остальных придурков.

— Тихо? — я задыхаюсь, на мгновение забывая значение этого слова. Зак улыбается мне, опуская голову мне на грудь. Когда он берет мой сосок в рот, я стону так громко, что уверена, меня услышит кто-нибудь ещё. Однако ощущения настолько новые, настолько ошеломляющие, что я едва могу дышать.

Желание, похоть и нужда спиралью пронизывают меня, зарождаюсь в моей сердцевине и раскрываясь, пока не затронут каждый дюйм тела. Я так внезапно, так отчаянно нуждаюсь в большем, что не знаю, что с собой делать. Зак наклоняется вперёд, и его твёрдость соприкасается с теплом моей сердцевины.

Мы оба замираем при звуке открывающейся двери, и я выскальзываю из-под него, приземляясь на пол на колени.

Я вскакиваю на ноги, поправляю майку, чувствуя, как учащается мой пульс.

Зейд проходит в гостиную и открывает мини-холодильник, достаёт содовую, прежде чем остановиться и повернуться, чтобы посмотреть на меня, стоящую в пижаме на виду у двери. Хотя я не уверена, что он видит Зака. Его взгляд скользит по сломанному дивану-кровати Зака и куче одеял на полу, прежде чем он снова смотрит на меня.

— Я знал, что мне следовало занять эту ёбаную диван-кровать, — рычит он, открывая бутылку содовой, в то время как Зак откатывается на свою сторону кровати, закрывая глаза

одной рукой и издавая стон.

Мы с Зейдом смотрим друг на друга долгую, страстную секунду, мой взгляд скользит по его татуированной мускулистой фигуре. Он тоже без рубашки, и моё тело пульсирует в ответ.

Чёрт.

Чёрт, чёрт, чёрт.

Моя мать рано лишилась девственности и использовала секс как инструмент и оружие, чтобы получить то, что она хотела. Я никогда не хотела быть похожей на неё, поэтому я сдерживалась, подавляла естественные чувства внутри себя. Но, глядя на покрытое татуировками тело Зейда, а затем оглядываясь на Зака без рубашки, я задаюсь вопросом, как долго ещё я действительно смогу оставаться в здравом уме.

— Может, тебе и стоило это сделать, — шепчу я, а затем, извинившись, иду в ванную, включаю душ и проскальзываю в него. Глубоко внутри меня есть потребность, которую трудно выразить словами. Я сама об этом забочусь, затем включаю холодный душ, чтобы в последний раз побрызгать на себя ледяной водой, и снова забираюсь в постель.

Когда я возвращаюсь, Зак уже спит, но я почти уверена, что вижу салфетки в мусорном ведре с его стороны.

Мы не говорили о том, что чуть не произошло, в течение довольно долгого времени после этого.

Понедельник после нашей поездки в город — Родительская неделя.

Папа появляется, как обычно, но он худее, чем, когда я видела его в последний раз, и у него определённо меньше волос. Это безмерно напрягает меня, но я справляюсь с эмоциями и провожу с ним столько времени, сколько могу, устраиваю пикники в саду, приглашаю его посмотреть выступление группы поддержки, над которым мы работаем, и позволяю ему послушать соло на арфе, которое я разучиваю.

Он бросает на парней настороженные взгляды, но ничего не говорит, и я делаю всё возможное, чтобы показать ему, что у меня здесь всё хорошо, что я счастлива.

Мы держимся подальше от бывших Голубокровных и их семей. Это нетрудно, учитывая, что большую часть времени рядом со мной Кэтлин Кэбот, которая поддерживает беседу с папой и вообще воздвигает барьер из флюидов «не связывайся со мной». Эта женщина — легенда и самый богатый человек в школе. Никто её не побеспокоит.

Третий год подряд отец Зейда не приезжает. На данный момент он, кажется, смирился с этим, но я прилагаю усилия, чтобы пригласить его провести некоторое время со мной и Чарли. Что действительно интересно, так это то, что Уильям Вандербильт тоже не приехал. Я бы подумала, что он должен быть здесь и приставать к своему сыну.

— Он, вероятно, думает о том, как лучше всего наказать меня, — хмуро говорит Тристан, его руки сжимаются в кулаки. Он смотрит в сторону фасада дома, серые глаза темнеют от гнева. Если Уильям так плохо обращался со своим сыном раньше, когда он более или менее делал то, что тот хотел, то что произойдёт сейчас?

Моё сердце болит за Тристана, но я не уверена, что именно я могу сделать.

Уильям Вандербильт — миллиардер — или бывший миллиардер, если слухи о том, что деньги семьи на исходе, правдивы, — а я всего лишь старшеклассница с блокнотом, списком правил и влюблённостью.

В пятницу мы посещаем большую игру, и на этот раз я не саботирую Зака, а подбадриваю его. Он приводит Академию Бёрберри к их величайшей победе в сезоне и шансу на выход в плей-офф. Когда он уходит с поля, весь потный и перепачканный грязью, обнимает меня и целует на глазах у всех, я позволяю ему это.

Вот так и начинаются слухи.

К Хэллоину они расцветают в полную силу.

— Твоё имя со словом «шлюха» написано на всех зеркалах в туалетах, — говорит Миранда, в отчаянии швыряя крышку своей обувной коробки в стену. — Я воспользовалась линией экстренной помощи, чтобы сообщить о надписях, но мисс Фелтон говорит, что персонал уже знает об этом и что они активно работают над их устранением. Когда я бросила ей вызов и сказала, что нет, я была там, а их не было, она сказала мне, что надписи есть в каждом студенческом туалете кампуса.

Миранда фыркает и отбрасывает назад пряди блестящих белокурых волос, рассыпавшихся по плечам. Она так зла, что её трясёт.

А я почти пугающе спокойна, разглядывая свой наряд, который сверкает на кровати.

В этом году я выступаю в роли жевательной резинки. Да, в буквальном смысле *жевательная резинка*. Это не кажется таким гламурным, пока вы не увидите розовое блестящее платье, мерцающие серебряные туфли на каблуках с маленькими бантиками из-

под жевательной резинки и причудливую причёску, которую я сделала из разных материалов для поделок, которые мы с парнями купили в городе.

— Почему ты не волнуешься из-за этого? — спрашивает она, пока Лиззи выпрямляет свои вьющиеся волосы утюжком. Она решила предстать в образе банана, но, типа, сексуального банана, потому что, да ладно, мы уже обсуждали это раньше. Помните дрянных девчонок?

На Лиззи обтягивающий жёлтый комбинезон, который облегает её изгибы. Мы все вместе работали над костюмами для группы, поэтому на верхней части есть складки из мягкой жёлтой ткани, которые ниспадают, как верхушка кожуры. На ней серьги в виде бананов и большие жёлтые туфли на танкетке в белый горошек.

— Потому что именно этого хотят Харпер и компания? — предлагаю я, выдыхая и взбивая обёрнутую в плёнку сумочку, которую я сшила. Для застёжки я использовала неповреждённый кусочек большой розовой жевательной резинки. А ещё, я сделала маленький «букетик» из сплетённых вместе серебряных обёрток. Чтобы завершить образ, я нанесла макияж в ярких, искрящихся розовых тонах и нарисовала огромный розовый круг рядом со ртом, как будто я постоянно надуваю пузырь.

Для Миранды мы выбрали «сексуальный арбуз» — я знаю, знаю, потерпите — и её наряд чертовски дорог. На ней обтягивающее красное платье с зелёным подолом, усеянным маленькими чёрными зёрнышками. На правом бедре есть «укус», из-под которого видна её кожа.

Эндрю в итоге выбрал шоколадный батончик, но затем он также превратил его в драг. На нём платье с асимметричным коричневым верхом и серебристой юбкой, которая взъерошена так, что кажется, будто обёртка спущена. Честно говоря, это довольно блестяще. На нём каштановый парик, слишком много косметики и каблуки, и он, кажется, очень доволен этим.

— Верно, — уклоняется Миранда, наблюдая, как я хватаю свой костюм с кровати и направляюсь в ванную переодеваться. Она была совершенно спокойна, когда я рассказала ей о том, что произошло в Лухо — как о разговоре про отношения, так и о том, что случилось с Заком. Как бы она ни относилась к этому, она продолжает оказывать мне поддержку.

Я в долгу перед ней, по-крупному.

Мы заканчиваем собираться и встречаемся с мальчиками в холле.

Это довольно сюрреалистично — видеть их всех вот так собранными вместе. Технически, каждый из них — мой парень. У меня — парни. Насколько это безумно? Часть меня знает, что это не навсегда, что это продлится недолго, что группа таких альфа-парней, как эта, не сможет оставаться вместе вечно, но другая часть меня просто хочет наслаждаться моментом.

Я часть группы. Я чувствую себя защищённой. Я чувствую себя в безопасности.

Сначала я смотрю на Тристана, потому что из всех парней он был единственным, кто до сих пор отказывался показывать мне свой костюм.

Я чуть не падаю и не умираю, когда вижу его.

— Срань господня. — Слова слетают с моего языка прежде, чем я успеваю их остановить, и я хлопаю себя ладонью по губам.

Он позволяет этой порочной красивой улыбке расползтись по его губам, а затем подходит и встаёт передо мной.

— Чёрная лакрица, тебе нравится? — на нём кожаная куртка, покрытая длинными

кусочками чёрной лакрицы. Под ней на нём рубашка в сеточку и кожаные брюки, а также дорогие мокасины с искусно перекрещёнными на носках кусочками лакрицы. У него даже галстук-бабочка на шее из конфет.

Моё сердце начинает бешено колотиться, когда он подходит ко мне и кладёт руки на бёдра моего блестящего розового платья. На мой вкус, оно немного коротковато и слишком обтягивающее, но это было единственное, что я смогла найти, подходящее к тематике моего костюма.

— Ты выглядишь и пахнешь божественно, — говорит он, резко скривив губы, наклоняясь, чтобы вдохнуть запах жевательной резинки, который окружает меня. Его обычный аромат корицы и мяты был заменён чёрной лакрицей, но я не возражаю. Мне действительно нравится этот запах, несмотря на то, что все остальные, кого я знаю, его ненавидят.

— Как и ты, — шепчу я, когда он наклоняется и запечатлеывает поцелуй на моей шее. Это обдуманый шаг, призванный заставить мою кровь вскипеть.

И это срабатывает.

Я выдыхаю и отступаю от него, пока меня не слишком захватило его присутствие. Я хочу посмотреть на других парней и их костюмы. Мы все так усердно работали над костюмами, что мне нужно всё это увидеть.

Зейд одет как упаковка с картошкой фри — или чипсами, как их называет Виндзор, — но он сделал это таким искусным способом, что в то же время выглядит чертовски сексуально. На нём комбинезон с короткими штанинами. Подтяжки ярко-жёлтые, а нижняя часть шорт красная, как упаковка. Он нарисовал на заднице большую белую букву «М» из «МакДональдс» и сделал брошь из порции картошки фри, купленной в магазине на колёсах. Он склеил их вместе, а я помогла покрыть их шеллаком.

К счастью, он пахнет не так, как его любимая закуска, и вместо этого, когда он обнимает меня, я чувствую обычную смесь гвоздики, табака и шалфея, которую я уже успела оценить.

— Ты невероятно сексуальна в этом наряде, — шепчет он мне, когда Миранда усмехается и закатывает глаза, отодвигаясь в сторону, чтобы Лиззи могла выскользнуть. Ей понадобилась лишняя минута, чтобы поправить макияж, так что она немного отстала.

Однако, как только она появляется, я чувствую, как они с Тристаном смотрят друг на друга.

Сегодня вечером мне приходится иметь дело со слишком многим, поэтому я поворачиваюсь к Криду и ухмыляюсь. Близнец Миранды тоже похож на откушенный кусочек арбуза, но вместо платья на нём красная рубашка с чёрными семечками и вырезом сбоку, который демонстрирует его твёрдый как камень пресс. На шее у него даже висит цепочка с кусочком арбуза. Пока я наблюдаю, он поднимает его и откусывает большой кусок.

— По крайней мере, на этот раз я не пират, — это всё, что он говорит, и я ухмыляюсь. У него зелёные брюки, и, честно говоря, они уродливы как смертный грех, но они подходят к костюму. И скажите мне вот что: как Крид Кэбот мог выглядеть иначе, чем привлекательно?

— По крайней мере, это так, — соглашаюсь я и позволяю ему взять меня за руку, игнорируя тот факт, что Лиззи и Тристан ведут какой-то тихий разговор, который я не слышу. Она смеётся, и он улыбается ей. Он улыбается. Мой желудок скручивает, и я закрываю глаза от приступа ревности.

Это нечестно с моей стороны — так себя вести.

Меня окружают пятеро парней, а у Лиззи есть только какой-то далёкий жених, который ей даже не нравится. Если ей и Тристану суждено быть вместе, то...

— Виндзор, ты нелепен, — говорю я, потому что он одет как гигантский чайный пакетик. Буквально, на нём надета долбаная прозрачная рубашка с приклеенными и пришитыми изнутри сухими коричневыми листьями, и у него есть длинная верёвка, на которой висит огромная квадратная бирка, которой он размахивает. На ней написано «Английский завтрак», а под надписью — корона.

Его рыжие волосы, как обычно, торчат дыбом, а за ухом у него серебряная чайная ложечка.

Эта отсылка не ускользнула от меня. Ну знаете, родиться с серебряной ложкой во рту — значит быть богатым? Ха.

— Разве я не воплощение юного Адониса? — говорит он, и рубашка обвивается вокруг его голых ног. На нём ботинки, но я не уверена, что ещё скрывается под этим нелепым нарядом. Надеюсь, по крайней мере, нижнее бельё, но, зная принца, возможно, там вообще ничего нет. — Я уже выложил несколько фотографий в Инстаграм, и моя мать сошла с ума. — Он улыбается так, словно это величайшая вещь на свете. — О, этот чёртов скандал. Ей определённо не понравятся упоминания о чайных пакетиках. — Он подмигивает мне, и я закатываю глаза.

— По крайней мере, ты — настоящий английский завтрак, — отвечаю я, позволяя ему взять меня за другую руку. Зак стоит прямо передо мной, внимательно наблюдая за мной. После поездки нам было немного неловко друг с другом, но только потому, что каждый раз, когда я смотрю на него, меня охватывает жар, и я представляю его рот на своей груди.

Думаю, если я всё ещё могу говорить с Кридом после инцидента в джакузи, то в конце концов у нас всё будет хорошо.

Но также есть тот факт, что костюма Зака... как бы не существует.

— Я чувствую себя чертовски нелепо, — говорит он, пока я пытаюсь решить, смеяться мне или нет... или плакать... или затащить его в свою комнату в общежитии для ещё одного сеанса поцелуев.

Предполагается, что он должен быть куском пиццы, но на самом деле на нём просто нижнее бельё, майка и кроссовки. Ломтик пиццы, сделанный из жёлтого, коричневого и красного фетра для сыра, коржа и пепперони, был приклеен к очень плотной паре новых черных трусов-боксеров. Сверху на нём майка с логотипом местной пиццерии.

Он почти голый.

— И в прошлом году я был в радужном драг-квин, так что это о многом говорит.

Я решаю, что смех — лучшее лекарство, и позволяю себе хихикать над ним, пока Миранда бедром не отталкивает своего брата с дороги, берёт меня за руку и тащит по коридору.

Мы направляемся через лес, как в прошлом году, и у меня кружится голова от волнения, когда я открываю двери «Мазерати», и Миранда, Крид и Виндзор присоединяются ко мне. Эндрю садится в свой красный «Ламборгини» вместе с Лиззи, Тристаном и Майроном. Лучший друг Тристана ждал нас здесь, прислонившись к дереву, и был одет как какой-то супергерой, которого я не узнаю. Неудивительно, учитывая, что я никогда по-настоящему не увлекалась супергеройскими штучками.

Зак и Зейд берут оранжевый «Макларен», и мы составляем небольшой караван, пока наши фары пронизывают темноту, направляясь к одному из семейных домов Виндзора в

горах. Почти у всех в академии, кто достаточно богат, есть дом в пределах нескольких часов езды от этого района. Он считается одним из самых красивых и эксклюзивных районов страны, новой калифорнийской гаванью, которая пользуется большей популярностью у сверхбогатых, чем когда-либо Лос-Анджелес.

К счастью, здешние законы о зонировании препятствуют строительству слишком большого количества новых домов, поэтому я надеюсь, что он останется нетронутым ещё долгое время.

Примерно через час и пятнадцать минут мы отправляемся в долгую-предолгую поездку к массивным воротам, а затем ждём, пока Виндзор выйдет, чтобы ввести код. Здесь уже есть люди, поставщики провизии и организаторы вечеринок, которых принц нанял на свои собственные деньги. Поскольку они не входят в число обычного персонала, который присматривает за домом, он клянётся, что никто не узнает, что мы здесь веселимся, пока не станет слишком поздно.

Когда мы входим внутрь, дом украшен, как магазин для Хэллоуина, повсюду реквизит, люстры с черепами, ярко горящие канделябры. Я кричу, когда случайно наступаю на спусковой крючок, и гигантский зомби бросается на меня.

— О, Черити, — говорит Зейд, подхватывая меня на руки, и мы оба начинаем смеяться. Он несёт меня на кухню — и, *чёрт возьми, что это за кухня* — и усаживает меня на центральный островок. Этот островок больше, чем вся кухня в новом арендованном доме моего отца, которая, на самом деле, примерно в два раза больше кухни, которая была у нас в вагоне поезда.

— Меня нелегко напугать, обещаю, — говорю я, и тут с потолка падает гигантский паук, и я снова кричу, раздражаясь смехом. Виндзор улыбается мне и протягивает руки, стряхивая несколько сухих «чайных» листьев со своего костюма.

— Ну что вы думаете, миледи? Разве я не говорил тебе, что буду обращаться с тобой как с принцессой? Всё это место, вся эта вечеринка — всё это для твоего удовольствия. — Он отвечает размашистым поклоном, а затем снова встаёт. Я ухмыляюсь как сумасшедшая, но даже когда я списываю его слова на глупую шутку, они мне всё равно нравятся.

— Ты достал тыквы? — я спрашиваю, и он бросает на меня такой дерзкий взгляд, как будто: а как вы думаете, ваше величество? Мы направляемся на задний двор, чтобы обнаружить ещё больше украшений, свисающих с деревьев, гигантскую паутину, протянувшуюся по крыше, и ряд столов с оранжевыми и чёрными скатертями. Они увешаны тыквами, красками, инструментами для вырезания и всевозможными книгами с рисунками.

Поскольку в этом году мы пропустили школьную вечеринку (мы третьекурсники, так что, типа, слишком круто для вечеринки в спортзале), у нас есть время потусоваться и вырезать фонарики вместе, прежде чем появятся другие ученики.

Виндзор садится рядом со мной, поворачивает свою тыкву по кругу, вздыхает, а затем смотрит в мою сторону.

— Любимая, я не имею ни малейшего понятия, что ты хочешь, чтобы я сделал с этой штукой. — Я ухмыляюсь и протягиваю руку через его колени, чтобы взять книгу с выкройками, лежащую рядом с ним. Вместо того чтобы просто позволить мне схватить её, он сажает меня к себе на колени, и мы оба просто сидим так с минуту. Его рот у моего уха, и я вздрагиваю, когда он шепчет прямо в него. — Я надеюсь, тебе понравится твоя вечеринка в честь Хэллоуина.

— Мне уже нравится, — шепчу я в ответ, а затем помогаю ему выбрать узор из книги,

прикалываю его сбоку тыквы и обвожу линии маленькой вертушкой. Когда приходит время срезать верхушку и вычищать внутренности тыквы, он просто обнимает меня за талию и позволяет мне делать всю работу.

Мне даже всё равно.

Я люблю это.

Я думаю, другие парни завидуют. По крайней мере, я точно знаю, что Зейд ревнует. Он приносит мне сидр, а потом печенье, а потом садится очень близко к нам с левой стороны. Впрочем, я не возражаю. Против чего я возражаю, хотя и стараюсь этого не делать, так это против того, чтобы Лиззи и Тристан бок о бок резали тыквы.

Это пугает меня.

Даже если этого не должно было бы быть.

Вместо этого я сосредотачиваюсь на Виндзоре и на том, что получается потрясающе дерьмовым фонарём. Это не имеет значения. Как только внутри него окажется свеча и все загорится, он будет выглядеть великолепно... издалека.

Мы украшаем подъездную дорожку нашими творениями, а затем открываем ворота для толпы.

Всё просто прекрасно, пока не появляются бывшие Голубокровные.

Я выдыхаю, наблюдая, как Харпер, Бекки и Илеана входят в открытые парадные двери, одетые как... ну, я не совсем уверена, во что они одеты. По-моему, они все выглядят как доминантки. Потом я понимаю, что у них у всех значки и в руках дубинки, так что, я полагаю, они сексуальные копы?

Как... оригинально.

Харпер сразу замечает меня и улыбается. Её новые пышные локоны светло-рыжих волос развеваются у неё за спиной. Клянусь Богом, если это будет последнее, что я сделаю, то и эти волосы пропадут. Держу пари, они были дорогими.

— Ты испортила мою вечеринку, так что я решила, что и на твоей тоже сорвусь, — говорит она, подходя прямо ко мне. Я не отступаю, моя татуировка пульсирует (ладно, я знаю, что мне это мерещится, но, клянусь, я это чувствую), а список прожигает дыру в моей сумочке. Если я закрою глаза, я смогу его увидеть.

Месть Голубокровным из Бёрберри

Список, Марни Рид

Девушки: Харпер Дюпон, Бекки Платтер и Илеана Тейттингер

Их закадычные друзья: Анна Киркпатрик, Эбони Питерсон, Грегори Ван Хорн, Эбигей Фаннинг, Джон Ганнибал, Валентина Питт, Сай Патель, Мэйлин Чжан, Джален Доннер Киара Сяо и Бен Трешер.

Плебеи

Прежде чем я закончу Бёрберри, я увижу, как все имена в этом списке будут вычеркнуты, сожжены дотла и развеяны по ветру. Мудаки. Каждый человек из этого списка (за исключением Плебеев, но я понятия не имею, как я собираюсь с ними обращаться) был на яхте на озере.

Каждый. Все. Абсолютно.

Они собирались позволить Харпер сломать мне пальцы и навсегда лишить меня способности играть музыку. Они собирались позволить Грегу, Джону и Бену изнасиловать меня. Насколько я понимаю, они все виновны. Кроме того, все девочки в тот день были в бассейне. Это была не одна пара рук, которые толкали меня под воду, их было много.

Много-много рук.

— Добро пожаловать, — говорит Виндзор, появляясь рядом со мной, с тем особым блеском в глазах, который напугал меня с самого начала. С самой первой секунды, когда он встретил Голубокровных из Подготовительной академии Бёрберри, он был готов потопить их. Глядя на него сейчас, я вижу ту же сосредоточенную энергию, которая напоминает мне волка на охоте.

Виндзор Йорк ищет добычу.

— Мы надеемся, что вам понравится вечеринка у Марни, — продолжает он, ухмыляясь, когда Харпер бросает на него странный взгляд. Она знает, что что-то происходит, но она также знает, что, если она не появится здесь, ей конец. Илеана и Бекки обмениваются взглядами у неё за спиной, но ничего не говорят, прежде чем отойти за напитками.

Другие бывшие Голубокровные — я только начала мысленно называть их Компанией, потому что, типа, «Харпер и компания» имеет для меня смысл — уже смешались с толпой и исчезли.

Мой желудок скручивает, когда я вижу, как Киара Сяо свирепо смотрит на меня, её костюм ангела немного больше смахивает на дьявольский, если вы понимаете, о чём я. Я не пытаюсь пристыдить шлюх или что-то в этом роде, я просто говорю, что не думаю, что ангелы носят крошечные белые бикини и ковбойские сапоги.

— Эй, — произносит Виндзор, протягивая руку и проводя большим пальцем по моим губам. — Не позволяй им добраться до тебя.

— Если ты так дружелюбен с ними, — кричу я, перекрывая музыку, — тогда я волнуюсь, потому что у тебя что-то запланировано. — Он прерывает меня поцелуем, и я так удивлена, что позволяю ему заключить себя в объятия. Целоваться с Виндзором — это... это сюрреалистично. Мы были друзьями целый год, а теперь... Однако в тот момент, когда я увидела его, он мне понравился. Он это знает, я это знаю. И всё же, всё, о чём я могу думать — это о его предыдущих предложениях. *«Это будет весело, но продлится недолго»*. Зачем ему это говорить? Это то, о чём он до сих пор думает?

И всё же я отступаю, забирая Виндзора с собой, пока нас не прижимает к стене.

Он кладёт ладони по обе стороны от меня и отстраняется ровно настолько, чтобы ухмыльнуться.

На гигантском экране позади Виндзора крутится музыкальное видео Backstreet Boys «Everybody» («Все вернулись с Бэкстрита»), тема Хэллоуина очень подходит для этого случая. Хотя на самом деле я на него не смотрю. Нет, я смотрю на принца, на его расширенные зрачки и лёгкий блеск влаги на его нижней губе от поцелуя со мной.

— Ты слишком много беспокоишься, миледи. Расслабься. Я спланировал всё это для тебя.

Он снова целует меня, и моё сердце бешено колотится в груди. Было похоже на сон, когда он ввалился в академию, объявил меня самой красивой девушкой в ней и принял мою мантию мести как свою собственную. Но у каждой медали есть две стороны, и мне интересно, что произойдёт, когда Виндзор перевернётся.

Позже, когда большинство завсегдатаев вечеринки уже напились, я сижу с Зейдом и Кридом в одной из игровых комнат и играю в покер. Ставки на этот раз сравнительно невелики. Тот парень, который победит, пригласит меня на свидание в следующие выходные (что заставляет меня чертовски нервничать). Но если я выиграю, то получу их обоих. Почти уверена, что для меня это беспроектный сценарий, и меня это устраивает.

Через некоторое время я начинаю замечать, что комната пустеет.

Вот что заставляет меня нервничать.

Как только наша игра заканчивается — я выигрываю, извините, ребята — я выхожу в главный зал и нахожу Харпер, кричащую в лицо Тристану.

— Где, чёрт возьми, мои друзья, ты, псих? — кричит она, и кто-то выключает музыку. Тристан просто стоит там, засунув руки в карманы. Лиззи сидит по одну сторону от него, а Виндзор — по другую.

Крид и Зейд обмениваются взглядами.

— Что, чёрт возьми, происходит? — спрашиваю я их, оборачиваясь и чувствуя странное стеснение в горле. Очевидно, я хочу отомстить. Я просто не хочу, чтобы всё стало таким же тёмным, как на озере.

— Мы должны занять позицию, чтобы защитить тебя, — объясняет Зейд мягким голосом. — Но мы не хотим, чтобы тебе приходилось копать так глубоко. Это дела Клуба, и тебе не следует вмешиваться.

Я оборачиваюсь, когда Зак отпирает дверь на противоположной стороне прихожей.

Компания, спотыкаясь, выходит, ругаясь и крича. Все до единого из них были там, кроме Харпер.

И... они все лысые.

То есть, полностью лысые.

У меня отвисает челюсть, и я зажимаю рот обеими руками. Харпер видит их всех и издаёт один из своих птеродактильных криков. Это происходит до того, как Тристан и Виндзор хватают её за руки и усаживают в одно из кресел. Лиззи подходит с бритвой в руке, в то время как Харпер кричит.

Несколько дружков Харпер бросаются вперёд, чтобы помочь, но Зейд, Крид, Зак, Майрон и даже Эндрю вмешиваются, чтобы удержать их. Плебеи поглощают эту драму ложкой, и я замечаю, что ни один из них не вмешивается, чтобы помочь или навредить ситуации.

— Миранда, — шепчу я, когда она хватает меня за руку, широко раскрыв глаза. Она бросает на меня взгляд, но я вижу, что она знает не больше меня о том, что здесь происходит.

— Я, на хрен, убью тебя к чёртовой матери! — Харпер кричит, когда Лиззи с жужжанием сбривает волосы с её головы. Листы блестящих, красивых наращённых волос падают на её обтянутые плиссировкой колени. — Я закажу киллера для вашей общей шлюхи!

Я на это никак не реагирую. В прошлом я, возможно, съёжилась бы, или почувствовала стыд, или... что-то в этом роде. Сегодня же вечером я... Я не уверена в том, что я чувствую. Я подхожу и встаю перед ней, ожидая, пока Лиззи закончит свою ужасную работу и отойдёт назад, выключая бритву.

Харпер так разозлилась, что плюётся.

Если бы она не пыталась убить меня — или не угрожала убить сейчас — я, возможно, почувствовала бы к ней жалость. Хотя я немного зла на парней за то, что они не рассказали мне о своих планах.

Мы поговорим об этом позже.

Виндзор и Тристан отпускают Харпер, и она встаёт, дотрагиваясь руками до своей щетинистой головы. В её глазах чистая ярость, когда она смотрит на меня, и я могу сказать, что стала единственным источником и средоточием её ненависти.

Может быть, потому, что я лёгкая мишень?

— Ты хоть представляешь, какую ошибку только что совершила? — Харпер усмехается, она так зла, что её трясёт. У некоторых парней из компании такой вид, будто они вот-вот затеют с нами драку, но потом они оглядываются по сторонам, вспоминают, в чьём доме они находятся, и меняют своё мнение. — Я надеюсь, твоя маленькая шлюшка того стоит, — говорит Харпер, переводя взгляд с одного из моих парней на другого, — и не думайте, что мы не знаем, что вы все с ней встречаетесь.

— Мы никогда и не пытались это скрывать, — отвечает Крид, выступая вперёд в своём костюме арбуза. По всем правилам, он должен выглядеть нелепо, но с этим маленьким вырезом, открывающим его пресс, его прекрасными белокурыми волосами и этими льдисто-голубыми глазами, это совсем не так. На самом деле, выражение его лица такое же, как и тогда, когда он дрался с Дерриком Барром, и когда он противостоял Грегу и Джону в лесу. Это его невозмутимое, воинственное лицо. — На самом деле, мы все этим очень гордимся, — растягивает он, подходя и становясь рядом со мной, обнимая меня рукой за талию. — Потому что, даже если мы все встречаемся с ней одновременно, это означает, что мы не встречаемся с тобой.

Харпер игнорирует его, вылетая через парадную дверь в сопровождении своих закадычных друзей, следующих за ней по пятам. Джон отшвыривает нас и проклинает всех до единого, прежде чем спуститься по ступенькам и забраться в свой «Астон Мартин». Раздаётся звук буксирующей резины и шуршащего гравия, а затем тишина.

Тристан обводит толпу своим серым, как лезвие, взглядом и ухмыляется.

— Вы либо с новыми Голубокровными, либо против нас. Вы либо здесь, с Идолами и нашим внутренним кругом, либо нет. — Тристан и Крид обмениваются взглядами, прежде чем Тристан продолжает говорить: — Просто помните: они сомкнули ряды, а мы всё ещё набираем персонал.

Тристан кивает подбородком, включается музыка, и вечеринка продолжается.

Миранда бросает на меня взгляд, хватая за руку и тянет на танцпол. Может быть, она, как и я, знает, что позже будет время поговорить. Прямо сейчас я не уверена, разочарована ли я парнями или польщена тем, что они для меня сделали.

Всегда приятно чувствовать себя защищённой; я просто не хочу, чтобы за это чувство приходилось платить слишком высокую цену.

Несмотря на все вечеринки и драмы, Подготовительная Академия Бёрберри — лучшая средняя школа в стране, и даже такие студенты, как Зейд и Виндзор, с головой погружены в курсовую работу и внеклассные занятия. А такие студенты, как я и Тристан, полностью завалены работой.

У меня уходит почти целая неделя на то, чтобы улучшить минутку и поговорить с парнями всей группой. У нас с Кридом учебное занятие в библиотеке, и я приглашаю остальных присоединиться к нам.

Пятеро из них рассаживаются веером за длинным столом, и мне приходит в голову, что то, как каждый из них сидит, свидетельствует об их уникальных личностях. Крид сутулится, Тристан сидит, выпрямив спину, как шомпол (*прим. — металлический или деревянный стержень*), Зейд сложил ноги на стол, Виндзор упирается локтями в стол и наклоняется ближе, а Зак сидит, крепко скрестив руки на широкой груди.

Я улыбаюсь.

Только когда я снова начинаю писать в своём блокноте, до меня по-настоящему доходит: у меня есть парень. Нет, не просто парень, их пятеро. Как бы то ни было, я начинаю записывать свои чувства (и не волнуйтесь, я прячу свой блокнот в шкафчике туалетного столика, приклеенный скотчем сверху над стопкой полотенец), и только тогда я по-настоящему осознаю, во что ввязалась.

Я согласилась встречаться с этими парнями. Встречаться с ними.

У меня пять долбанных бойфрендов.

Во всех них есть доля жестокости, бархатистая полоса тьмы, вплетённая в их души. Теперь вопрос в следующем: могу ли я направить эту жестокость, эту тьму во что-то позитивное?

— Здесь так тихо, — произносит Зейд, откидываясь на спинку стула и глядя на декоративные медные плитки на высоком потолке библиотеки. — Неудивительно, что я никогда сюда не захожу. Тишина выводит меня из себя. Я люблю шум.

— Мы хорошо об этом осведомлены, — растягивает слова Крид, лениво обводя рукой вокруг. — Ты говоришь только для того, чтобы услышать свой собственный голос; постоянно.

— Как насчёт того, чтобы ты заткнул свой рот моим членом? — отвечает Зейд, ухмыляясь и показывая Криду средний палец. Я позволяю им минуту заниматься своими делами, а затем выключаю свой айпад, выданный академией, и убираю его в сумку с книгами. — Что мы вообще здесь делаем? — продолжает он, приподнимая свою проколотую бровь. — Мы должны быть в столовой и ужинать за высоким столом. Видит бог, Харпер и её лысые приятели, вероятно, уже там.

Я улыбаюсь, потому что, да ладно, термин «лысые приятели» — это весело.

— Вы, ребята, не сказали мне о том, что планируете на вечеринке, — говорю я, и Виндзор с Заком обмениваются взглядами, прежде чем принц поворачивается обратно ко мне.

— Ты знаешь, какое пари я заключил, чтобы попасть в Клуб Бесконечности? — спрашивает он, склонив голову набок, и лёгкая усмешка появляется на его губах. — Держу пари, тебя чертовски убивает то, что ты не знаешь. — Я поджимаю губы и прищуриваюсь,

глядя на него.

— Возможно, это приходило мне в голову раз или два.

— Ах, — говорит Виндзор, перегибаясь через стол и хватая меня за руку. Он прижимает костяшки моих пальцев к своим губам, его карие глаза вспыхивают зелено-золотым цветом, а ухмылка становится вдвое шире. — Сейчас ты лжёшь, и это было одним из твоих правил, не так ли? Никакой лжи?

— Отлично. Я умираю от любопытства, так что скажи мне, чёрт возьми. — Я убираю руку и притворяюсь, что стираю его поцелуй о свой красный блейзер. На самом деле, её покалывает, и я бы хотела, чтобы он никогда не переставал её целовать.

— Я поспорил, что я мог бы охранять тебя до конца второго курса.

У меня отвисает челюсть, а Виндзор и Зак обмениваются ещё одним взглядом. Глаза Зака прищурены, плечи напряжены. Он тяжело вздыхает, но я могу сказать, что он испытывает облегчение, когда начинает говорить.

— Той ночью, в амфитеатре, когда ты пошла заключать пари с девочками, а я сидел с парнями... Я поспорил с ними на то же самое. — Мои брови поднимаются вверх. Он сказал мне, что собирается заключить какое-то нелепое пари, на которое они никогда не пойдут, просто чтобы отвлечь их. Думаю, всё обернулось совсем не так. — Я поспорил, что я мог бы обезопасить тебя. Или, скорее, я пытался заключить пари — и тогда мне пришла в голову эта идея раньше, чем ему. — Зак бросает на Виндзора взгляд, который принц делает вид, что не замечает.

— Ладно... — я вздрагиваю, когда Тристан вздыхает. У меня голова идёт кругом. И так, Виндзор встретил меня, почувствовал возможность и ухватился за неё. Он спас меня из бассейна. Он прикрывал мне спину. Конечно, речь шла о пари. *Конечно*, в этом был замешан дурацкий Клуб.

— И мы не приняли пари Зака, потому что не были заинтересованы в выигрыше, — говорит Тристан, на мгновение поворачиваясь, чтобы посмотреть на меня.

— Откуда, чёрт возьми, я должен был это знать? — рычит Зак, и два парня пристально смотрят друг на друга.

— Против кого ты спорил? — спрашиваю я, снова переключая своё внимание на Винда. Он натянуто улыбается и качает головой.

— С другими членами Клуба. Идиотами. Это не имеет значения. Победа привела меня в тот Клуб, где я должен был быть. Я присоединился ради *тебя*. — Я качаю головой, а затем прикладываю пальцы к вискам. Верю ли я, что Виндзору можно доверять? Конечно. Но иногда мне кажется, что его мотивы сомнительны. Он вступил в Клуб ради меня, да? Я бросаю на него взгляд. — Это правда, веришь ты в это или нет. — Он одаривает меня этой медленной, уверенной в себе, самоуверенной улыбочкой, которая мне не хочется, чтобы она мне нравилась, но всё равно нравится.

Я поднимаю голову и кладу ладони плашмя на стол.

— Это не объясняет, почему вы, ребята, не рассказали мне о своём плане. Я имею в виду, это было немного более жёстко, чем я бы хотела, но в то же время в некотором роде блестяще. — Я улыбаюсь, думая о компании и модных новых париках всех девушек. Парни просто ходят со своими блестящими лысыми головами. — Почему бы вам не рассказать мне? Имейте в виду, есть такая вещь, как ложь по недомолвке.

— Мы хотим защитить тебя, — отвечает Зак, его красно-чёрная куртка Леттерман туго натянута на его широкие плечи. Просто глядя на него, я вспоминаю тяжесть его тела, жар

его губ. Ох. Почти уверена, что последние несколько месяцев я просто пялилась на парней. Я полагаю, что до тех пор, пока у меня будут хорошие оценки (я снова обошла Тристана на Родительской неделе, так что ставьте на меня), я заслуживаю небольшого снисхождения. — И не только физически, но и эмоционально тоже.

— То, что он пытается сказать, это... позволь нам быть засранцами. — Зейд одаривает меня дьявольской ухмылкой. — В конце концов, это то, в чём мы хороши.

— У тебя есть что-то вроде... — Крид замолкает, лениво помахивая рукой вокруг. Клянусь, когда я закрываю глаза, я просто могу представить его одетым в синий бархатный пиджак с кружевами, свисающими с рукавов, аристократом в разрушающемся старом замке. Может, он и новичок, но ему не нужно жениться на какой-то девушке с модным именем, чтобы вести себя так, будто он заслуживает сидеть на троне. Он — воплощение роскоши, само определение богатства и роскошной экстравагантности. — Сладость, да, это подходящее слово. — Он щёлкает пальцами и наклоняется ближе ко мне, меня окутывает свежий аромат его мыла. — В тебе есть что-то милое, но такое, что не покупается и не оплачивается наивностью. Нам это нравится.

— Мы это любим, — поправляет Тристан, протягивая руку, чтобы провести по гладкому шёлку своего галстука в красно-чёрную клетку. Его ухмылка окрашена тьмой, окутана тенями, и тогда я точно знаю, что кого бы из этих парней я ни выбрала, я никогда их не изменю. То, как Зак столкнулся с Илеаной в спортзале, едва не превратив её в руины несколькими фразами. То, как блестят глаза Виндзора, когда он что-то замышляет. Жестокие слова, которые Зейд выплюнул в адрес Бекки в музыкальной комнате. В них есть это, в этих подлых богатеньких парнях из Бёрберри, этот ядовитый настрой, это беспричинное пренебрежение к авторитетам и наплевательское отношение, которое невозможно укротить.

Я никогда не приручу плохих парней из академии.

И я не уверена, что хочу этого.

— Так вы говорите... позволить вам делать грязную работу? — спрашиваю я, и моё сердце бешено колотится. У меня кружится голова, я чувствую себя богиней, окружённой дьяволами. Но мне это нравится, то, как они уравнивают мою индивидуальность, полные противоположности во всех отношениях, которые имеют значение. А противоположности, они действительно притягиваются. Внутри я вся горю. Внешне я остаюсь хладнокровной, спокойной, расслабленной. Или, по крайней мере, я думаю, что это так. Я чувствую, как капли пота выступают у меня на лбу, стекают по спине, скользят между грудей.

Ах, моя грудь.

Я никогда в жизни не была так зациклена на ней.

— Это именно то, что мы говорим, — мурлычет Виндзор, подпирая лицо рукой и одаривая меня такой пьянящей от любви улыбкой. Видите ли, я уже не думаю, что он притворяется. Я почти уверена, что он влюблён, но я думаю, что он влюблён в вышеупомянутую грязную работу, и не обязательно в меня. — Держи свои сладкие ручки в чистоте и дай нам поиграть.

— Мои сладкие ручки? — я давлюсь смехом в конце.

— Дай мне свой список, — говорит Тристан, протягивая руку. Это не просьба, это приказ. Хочу ли я следовать ему? Он смотрит на меня своими прекрасными серыми глазами, наблюдая, ожидая. Я с трудом сглатываю и лезу в сумочку, вытаскиваю блокнот и вырываю

список, прежде чем отдать его ему. Он улыбается этой злой, чёрной улыбочкой, когда берёт его. Затем я вырываю правила и передаю их ему тоже.

— Играйте грязно, но по моим правилам. — Тристан берёт его, но не выглядит таким взволнованным. — Я никогда не прощу вас, если вы этого не сделаете.

Теперь, когда у меня есть команда, которую я могу назвать своей, бойфренд (или два, или три, или пять), и лучшее представление о том, какие колледжи мне интересны и чем я хочу заниматься в своей жизни, мне начинает казаться, что год пролетает с огромной скоростью. В одну минуту я читаю лекцию парням в библиотеке, а в следующую готовлюсь к осенним каникулам.

— Я хочу поступить в университет Борнстеда, — выпаливаю я, сидя рядом с Зейдом за занавесом зрительного зала. Я понятия не имею, как он уговорил меня на это, но, думаю, я записалась на шоу талантов. Прослушивания проводятся сегодня, потому что в таком месте, как академия Бёрберри, даже такое глупое мероприятие, как шоу талантов, должно контролироваться и оцениваться по достоинству.

— Борнстед, да? — говорит Зейд, откидываясь на спинку стула и закидывая руки за голову. Он сменил цвет волос на пепельно-лавандовый, который просто напрашивается на прикосновение. Не раздумывая, я протягиваю руку и провожу по ним пальцами. Этот ужасно смущающий стон срывается с красивых губ Зейда, и каждый человек, сидящий с нами за кулисами, поворачивается, чтобы посмотреть в нашу сторону. Мои щёки вспыхивают, но я не перестаю прикасаться к нему. — Это шикарный университет. У тебя определённо есть оценки для него, но я предполагаю, что тебе понадобится ещё одна стипендия, чтобы позволить его себе, да?

— В значительной степени, — отвечаю я, но я уже приступила к этому. Я заставляю себя проводить не менее трёх часов в неделю в компьютерном классе библиотеки, чтобы иметь возможность подавать заявки и эссе на любую стипендиальную программу, которую смогу найти. — Но это то, чего я хочу.

— Лучшая средняя школа в стране, лучший университет в стране. Небо — это не предел для тебя, да, Марни Рид?

Называют имя Зейда, и он встаёт, хватая свою гитару и наклоняется, чтобы обнять меня сбоку, наши лица так близко друг к другу, что я чувствую запах мятной конфеты, которую он посасывает.

— Если кто-то и мог бы это сделать, то это была бы ты. — Он наклоняется и прижимается своей щекой к моей. Всё, чего я хочу, — это чтобы он поцеловал меня, но этот придурок отстраняется и поворачивается, чтобы направиться на сцену.

Я подкрадываюсь к проёму в занавесе, чтобы посмотреть, как он устраивается у микрофона.

Изумрудные глаза Зейда смотрят в мою сторону, и он подмигивает.

— Представьте и кратко объясните своё выступление, пожалуйста, — говорит мистер Картер, расположившись за тем же столом, за которым он сидел, когда я выиграла первый приз за игру на арфе. Зейд сидел прямо рядом с ним и чертовски удивил меня, захлопав в ладоши в честь моего выступления. Это, я думаю, тоже было очень искренне. Приятно осознавать, что не каждый момент, которым я наслаждалась с парнями, был ерундой.

— Зейд Кайзер, — произносит он хриплым мурлыканьем рок-звезды, от которого плавают трусики каждой девушки в этой комнате, включая мои. — И я, э-э, исполню песню, которую написал сам.

— Как называется песня? — спрашивает мистер Картер невероятно скучающим тоном. Он занёс руку над своим айпадом, чтобы ввести его в какое-то поле формы. Зейд и его музыка — это нечто гораздо большее. Я сжимаю в кулак ткань чёрных слаксов, которые надела для выступления. Они такие невероятно удобные. Если бы у меня было время на что-нибудь, кроме школы, внеклассных занятий и общения с друзьями, я бы, вероятно, добавила к этому списку создание петиции об отмене требований к униформе, учитывающих гендерные особенности.

— Я ещё не дал ей названия, — начинает Зейд, перекидывая ремень своей гитары через голову, а затем протягивает руку, чтобы скрутить несколько своих намазанных гелем волос в колючки.

— Выберите какое-нибудь, пожалуйста. — Мистер Картер поднимает глаза и приподнимает бровь, когда Зейд снова смотрит на меня.

— Как насчёт... — он поворачивается к нашему учителю музыки и улыбается. — Благотворительность (*прим. — Благотворительность по-английски Charity [Черити], прозвище которое они дали Марни в первый год учёбы*)?

Мистер Картер кивает, и Зейд вздыхает, прочищая горло, закрывает глаза и выдыхает. Когда он открывает их снова, в нём усиливается атмосфера исполнителя. Его татуированные пальцы бренчат на гитаре, и он начинает эту прекрасную, сладко-грустную мелодию, которая заставляет моё сердце биться чаще.

Наблюдая за тем, как его пальцы оживляют инструмент, у меня мурашки бегут по коже.

— *«Этот первый взгляд утром, такая медовая сладость — единственное, ради чего я живу».* — Зейд продолжает бренчать, вживаясь в песню и покусывая нижнюю губу во время игры. — *«Ничто и никогда не сможет стереть первый утренний румянец, блестящее золото её волос; то, как она ненавидит меня, заставляет меня желать её».*

— Это чертовски глупо, — слышу я, как Харпер фыркает у меня за спиной, но здесь слишком много учителей, чтобы она могла что-то сделать. Меня это не волнует.

— *«Нет девушки, которая горела бы так ярко, как Черити, нет солнечного луча, который излучал бы столько света. Летние бури никогда не смогли бы поколебать меня, этот сладко-горячий дождь, вкус её тёплых губ».* — Он закрывает глаза и поглаживает свою гитару так, как я бы хотела, чтобы он погладил меня... *Ой.* Неужели я только что так подумала?! Ага, я так и сделала. Я так и сделала, и мне не стыдно. — *«Так сложно, так сбивает с толку. Именно так, как ей нравится, весь мир — её раковина, всё, что мне нужно».* — Он растягивает последнее слово, и, клянусь, я теряю сознание. Прикусив нижнюю губу зубами, я в напряжённом ожидании жду, когда он закончит песню. Я так чертовски сильно хочу поцеловать его прямо сейчас.

«Когда-нибудь в ближайшее время я пойду на концерт «Afterglow»», — думаю я, пытаюсь представить Зейда с электрогитарой, раздетого в пух и прах, устраивающего полноценное выступление перед обожающей его публикой. Я просмотрела некоторые из его предыдущих выступлений на YouTube, но какими бы впечатляющими они ни были, держу пари, это ничто по сравнению с тем, чтобы увидеть его вживую. Он привносит в зал такую харизматичную энергию, которую невозможно передать с помощью средств массовой информации. Невозможно.

Когда Зейд заканчивает песню, я замечаю, что мои ноги начинают двигаться, прежде чем я успеваю остановиться.

В конце концов я оказываюсь на сцене и обвиваю руками его шею. Несколько девушек,

сидящих в зрительном зале, освистывают меня, но я не обращаю на них внимания. Накрашенный засранец, которого я ненавидела, потом полюбила, потом возненавидела, а теперь... что бы я к нему ни чувствовала, он обнимает меня за талию и целует так, словно действительно верит во все эти вещи из своей песни.

Мы целуемся так долго, что мистеру Картеру приходится нажать на микрофон и попросить нас остановиться.

Я бы смутилась, если бы не была в таком приподнятом настроении.

Моя очередь следующая, и один из студентов-первокурсников оркестра выкатывает мою арфу на сцену.

Я сажусь играть «Наблюдая за пшеницей» Джона Томаса (малоизвестная пьеса восьмидесятых — говорила же вам, что я далека от хиппи), и, клянусь, арфа никогда не звучала красивее.

Я всегда играла всем своим сердцем. Должно быть, просто сейчас моё сердце наполнилось.

Думать, что это как-то связано с этими парнями... ужасно.

Я буду осторожна, чтобы сохранить все эти новые чувства в безопасности.

— Они все выступают на шоу талантов, — говорит Миранда, стоя во внутреннем дворе, а позади неё в фонтане журчит вода. На ней красивый высокий конский хвост, чёрные шорты и белый топ с логотипом Бёрберри. Наступили осенние каникулы, и всё снова как в первый год: Миранда уехала в волейбольный лагерь, а Чарли на работе в Напе. Я не думаю, что ему сейчас следует работать, но счета нужно оплачивать.

Поэтому я рассказала ему о деньгах, о покерных деньгах.

Я позвонила ему, потому что было трусливо писать это в сообщении, чтобы сообщить, что у меня на счету почти восемьдесят тысяч, к которым я едва прикоснулся. Конечно, Чарли был Чарли, он отказался их принять. Он сказал мне приберечь их для колледжа.

Я скрещиваю руки на груди и вздыхаю. Я вне себя от разочарования. Папа должен позволить мне вернуться домой и позаботиться о нём. Вместо этого я просто снова получила роль «Гарри Поттера» и осталась в Хогвартсе. Только вместо магии в этой школе полно великолепных мальчиков. Их было пятеро. И они все остаются на каникулы, чтобы посетить ещё несколько своих дурацких вечеринок в Клубе Бесконечность.

Разница на этот раз в том, что Лиззи тоже здесь.

— Что? — спрашиваю я, моргая и перефокусируясь на свою лучшую подругу. Мы не говорим о том... поцелуе. Уже давно. Я не уверена, сдалась ли она или всё ещё заинтересована во мне. Честно говоря, мне страшно это выяснить. Я не хочу, чтобы романтические чувства встали между нами и нашей дружбой. Если честно, с парнями та же проблема. Для четверых из них — если не для всех пятерых — отношения, которые мы только что начали, не сложатся. Останемся ли мы друзьями после этого? Меня пугает мысль, что мы этого не сделаем, потому что мне чертовски нравится их компания.

— Я должна была заставить Эндрю остаться здесь, с тобой, — бормочет Миранда, вздыхая, когда автобус подъезжает и её тренер приглашает девочек садиться. — Кому нужна поездка за границу в Токио, когда ты мог бы быть здесь, в великолепной академии, где проходит серьёзная вечеринка Клуба? — она прерывает свою тираду, наклоняется и крепко целует меня в щеку. — Будь в безопасности, не делай глупостей и постарайся, чтобы Харпер тебя не убила до моего возвращения, хорошо?

— Что ты имела в виду, говоря о шоу талантов? — спрашиваю я, прежде чем она

отстраняется. Она пожимает плечами, подбрасывает свой хвост, а затем бросает на меня взгляд.

— Если ты думаешь, что твои старые приятели облажаются и не воспользуются этим дерьмом, то тебя ждёт сюрприз. — Миранда подмигивает мне и отскакивает, чтобы присоединиться к своей команде, оставляя меня стоять там в недоумении.

Если старая пословица *око за око* верна...

— Вы собираетесь облить их краской во время выступления, не так ли? — спрашиваю я, обнаружив Тристана и Крида, ожидающих меня возле витражных дверей, ведущих в часовню. Мы всё ещё пытаемся придерживаться принципа сопровождения. Если мои ребята напали на всю Компанию в одиночку, то что произойдёт, если вся Компания застанет *меня* одну?

— Краску? — спрашивает Тристан скучающим тоном. Его серые глаза оценивающе смотрят на меня, и на его губах появляется озорная ухмылка.

— Определённо не краску, — растягивает слова Крид, и на его белокурых волосах отражается свет. — Это всё, что я могу тебе обещать. — Я бросаю на него взгляд, но он просто медленно, легонько подмигивает мне. — Никакой лжи, верно?

— Я уверена, что это не откровенная ложь, но ты явно ходишь вокруг правды кругами.

— Не так ли, Крид? — спрашивает Тристан, склонив голову набок. — Я имею в виду, бегаешь вокруг неё кругами?

— Может быть, — медленно отвечает Крид, и я думаю, какую восхитительно злую пару они составляют. Если бы они проводили столько же времени, работая вместе, сколько соревнуются друг с другом, они были бы серьёзной силой, с которой приходилось бы считаться. Мне интересно, начинаю ли я видеть начало этого содружества прямо сейчас. Крид улыбается мне, этот убийственный изгиб губ заставляет моё сердце бешено колотиться. — Но к чёрту это. У нас есть более важные вещи, о которых нужно побеспокоиться, например, о том, как мы собираемся провести вместе, целую неделю после школы.

— Я думала, у вас есть куча дел с Клубом, чтобы занять себя? — спрашиваю я, и два парня-Идола обмениваются взглядами. Они оба так красиво смотрятся в своей униформе, что я даже не возражаю против того, что им приходится носить её каждый день. Хотя всегда приятно видеть, какую одежду они выбирают, когда мы не в академии.

— Просто несколько маленьких вечеринок тут и там. — Тристан направляется ко мне, а Крид встаёт с противоположной стороны. Теперь я зажата между двумя великолепными парнями-Адонисами. Я прикусываю губу. — В остальное время мы... свободны. — Он кружит вокруг меня и проводит пальцем по задней части моих лопаток, заставляя меня вздрогнуть.

— Свободны для всей грязной работы, — продолжает Крид, проводя большим пальцем по моей нижней губе.

Тристан возвращается, чтобы встать рядом с ним, и я понимаю, что слегка дрожу. Когда они вдвоём вот так заигрывают со мной, возникает ощущение, что я стою в свете прожектора. Моя кожа ощущается натянутой, болезненной и горячей.

— Что ты собираешься делать, пока мы будем заняты? — шепчет Крид, наклоняясь так, что его губы касаются моего уха. — Прочла все комиксы о любви этих грязных парней, которые тебе так нравятся?

— Комиксы о любви парней, да? — Тристан мурлычет, а потом смеётся, и этот

роскошный звук заставляет меня вздрогнуть. — Тебе нравится смотреть, как целуются парни? — он оглядывается, когда Крид снова встаёт и протягивает длинные пальцы, чтобы коснуться гладкой, фарфоровой линии подбородка своего друга. Тристан соблазнительно наклоняется, закрыв глаза, касаясь губами щеки Крида, прямо в уголке его рта. — О, *восхитительно*.

— Отвали, — говорит Крид, лениво отталкивая Тристана, под смех короля Бёрберри. Этот звук такой же жестокий, как и его улыбка. — Марни может пойти почитать о плохих парнях, которые теребят пальцами рубашки друг друга. — Он просовывает ладонь мне под пиджак, чтобы обхватить за талию. — Или залезают друг другу в штаны...

— Прекрати, — шепчу я, хватая его за запястье, когда он пытается засунуть руку ниже пояса моей юбки. Слова Миранды звенят у меня в голове, как колокол. Девственник, девственник, девственник. Но так ли это на самом деле? — Да, я поняла, в чём дело. Я не могу бродить по пустой школе одна, когда Харпер готова перерезать мне горло. Я позволю тебе запереть меня в моей комнате, пока ты будешь веселиться сегодня вечером.

— Сегодня вечером нам нечего делать, кроме как позволить тебе развлечь нас, — говорит Крид, направляя меня к двери, и Тристан открывает её для нас. Они делают почти пугающе хорошую работу, делясь мной. Это заставляет меня задуматься, была ли у них когда-нибудь раньше общая девушка — я имею в виду, кроме Лиззи. Хотя, судя по тому, что я слышала, это было довольно платонически.

Лиззи.

Она будет с Тристаном на вечеринках на этой неделе, а я нет.

У меня внезапно болит живот, и я сразу узнаю эту эмоцию: ревность.

— Зейд украл ключ от школьного театра, — говорит Тристан, засовывая правую руку в передний карман своего блейзера, его глаза осматривают холл, пока мы идём. Он знает так же хорошо, как и я, что даже вместе мы трое можем попасть в засаду. — Мы посмотрим фильм ужасов, что-нибудь ужасное и кровавое.

— Тристан любит кровь, — произносит Крид, и я приподнимаю бровь, когда оба парня ухмыляются.

— Сколько человек из компании осталось в кампусе? — спрашиваю я, и Тристан оглядывается в ответ, приподняв тёмную бровь.

— Компании?

Я немного смущённо улыбаюсь и разглаживаю складки своей юбки.

— Так я начала называть бывших Голубокровных. Мысленно я просто называла их «Харпер и компания», и я решила, что проще думать о них как о компании.

— Зейд называл их Гарпиями, — растягивает слова Крид, подавляя зевок. — Кажется подходящим для данной ситуации, тебе не кажется? — я ухмыляюсь, когда мы пробираемся по коридорам здания часовни, поднимаемся по лестнице и направляемся в двухэтажный кинотеатр, который мы используем только для просмотра скучных образовательных фильмов.

Зейд, Виндзор, Зак... и Лиззи уже там, когда мы появляемся. Майрон тоже там, он уже сидит в одном из роскошных чёрных кожаных кресел с автоматическими подставками для ног. Несмотря на то, что он странный, мрачный и в некотором роде жутковатый подручный эlegantного злодейского обаяния Тристана, я рада, что Майрон Тэлбот здесь. Если бы это были только я, парни и Лиззи Уолтон, это было бы странно.

— Привет, — говорит она, слегка помахав мне рукой и улыбнувшись. Она хватает меня

за руку, как всегда делает Миранда, и тянет вниз на несколько рядов, чтобы занять место по выбору. — Мы выбрали для сегодняшнего фильма «Кладбище домашних животных» — новый, а не старый.

— Я никогда не видела оригинала, — признаюсь я. Я немного ребёнок, когда дело доходит до фильмов ужасов. Вероятно, в итоге я проведу половину фильма, уткнувшись лицом в чьё-нибудь плечо. Зак садится слева от меня, и я чувствую эту маленькую... искорку внутри себя. Звучит чертовски неубедительно, я знаю, но как ещё я могла бы это описать? Он улыбается мне, его полная нижняя губа привлекает моё внимание. В центре есть небольшое углубление, по которому мне отчаянно хочется провести языком. — Я надеюсь, ты готов увидеть ту мою сторону, которую никогда не хотел знать, — предупреждаю я, давая Заку хороший шанс сбежать.

— Нет такой части тебя, которую я не хотел бы знать, — отвечает он, и другие парни стонут.

— Боже милостивый, приятель, отстань немного, ладно? Дай остальным из нас, парней, шанс поболтать с леди. — Виндзор плюхается в кресло позади меня и обвивает руками мою шею. Все эти ощущения, о боже, все до единого. Внутри у меня всё скручивается, но так, что я никогда не захочу это распускать. Есть ли в этом смысл? Я понятия не имею.

— Просто говорю правду, — сообщает Зак, закидывая руки за голову. Он сменил свою униформу на обтягивающую чёрную майку и чёрные шорты для серфинга. Он, должно быть, знает, какими красивыми я нахожу его руки, все эти мускулы, твёрдую силу этих бицепсов.

Зейд сидит передо мной, его пепельно-лавандовые волосы просят ещё одного прикосновения, а Тристан сидит рядом с Лиззи. Не самая лучшая вещь в мире, но я не обращаю на это внимания. Я собираюсь играть честно. Если между ними что-то случится, то так тому и быть. Я не собираюсь навязывать чувства, манипулировать ими или пытаться уничтожить их. Какой в этом смысл? Между мной и Лиззи нет никакой ссоры. Тут вообще нет никакой проблемы. То, что мы чувствуем — это то, что мы чувствуем.

— Итак, как работает эта штука с групповыми свиданиями? — спрашивает Майрон мрачным голосом, его рука погружена в миску с попкорном. Зейд возится с пультом дистанционного управления, и я чувствую в воздухе едва уловимый запах масла и соли. Где-то срабатывает таймер, и Зак издаёт звук удовольствия, поднимаясь на ноги, чтобы заняться этим. Я молю, чтобы это был свежий попкорн.

— Почему бы тебе не заняться своим грёбаным делом и не предоставить нам самим беспокоиться об этом? — говорит Тристан, откидываясь на спинку кресла и нажимая кнопку подставки для ног. Она поднимается плавно и медленно, поднимая его блестящие мокасины до уровня колен. Он продолжает нажимать на неё, пока его лодыжки не поднимаются ещё выше, и он немного откидывается назад.

— Я просто пытаюсь понять, как у вас работает секс, — продолжает Майрон, и Тристан наклоняется вперёд, опуская ноги по обе стороны подставки для ног, чтобы он мог ткнуть своего друга в затылок.

— Не лезь не в своё дело, Тэлбот. Мы не спим с Марни, по крайней мере, пока.

Мы с Тристаном встречаемся взглядами через колени Лиззи, и меня пробивает дрожь. Я очень стараюсь не думать о том, что они вдвоём занимались сексом, но... они должны были это делать, верно? Я имею в виду, что у меня нет возможности спросить, так какой смысл нервничать из-за этого?

— У нас есть какие-нибудь правила на этот счёт? — спрашивает Зак, появляясь с

попкорном и протягивая его мне. Наши пальцы соприкасаются, и я снова испытываю это ощущение искры. — Я имею в виду, мы пытаемся не торопиться или...

— Мы все просто... встречаемся, — шепчу я, чувствуя, как мои щёки заливают румянец. Я протягиваю правую руку, чтобы взъерошить волосы. Перед уходом Миранда сделала им маленький сексуальный завиток на макушке, который я хотела бы воссоздать самостоятельно. Я даже позволила ей сделать мне макияж её твёрдой рукой. Независимо от того, сколько видео на YouTube я смотрю, у меня ничего не получается. — Что бы ни случилось, это случится. — Я замолкаю, когда Лиззи смотрит на меня своими красивыми янтарными глазами. — Или не случится. Что бы не случилось, это тоже прекрасно.

— Содовой? — спрашивает Винд, отсмеявшись, с переносным холодильником, стоящим на сиденье рядом с ним. Он протягивает мне ледяную колу, а затем раздаёт пиво всем остальным. Иногда я задаюсь вопросом, каково было бы выпить, хотя бы разок. Но тогда я не могу решить, говорит ли это зависимость, заложенная в моей ДНК, или естественное любопытство.

— Хорошо, — произносит Зейд, когда он, наконец, запускает фильм и увеличивает громкость. — Давай посмотрим, что за пугливая кошечка Марни на самом деле. — Он оборачивается, и я мельком замечаю татуировку *«Никогда больше»* у него на шее. Я хочу спросить, что это значит, относится ли это ко мне или нет. Или, может быть, я просто слишком самовлюблённая? — И Черити, — он садится на своё место так, что оказывается на коленях, наклоняется вперёд и запечатлевает поцелуй на одном из моих коленей. Меня обдаёт жаром, и я чувствую, как по щеке стекает капелька пота. — Если тебе станет страшно, просто подойди и сядь ко мне на колени, хорошо?

Я бросаю в него кусочком попкорна, и он ловит его ртом.

Мы оба смеёмся, но только до тех пор, пока не начинается фильм. И потом, вы знаете, я действительно оказываюсь на коленях. Зак ближе всех, так что честь достаётся ему, и остаток фильма я провожу, обхватив себя за талию стальной рукой и уткнувшись лицом в тёплый, сладко пахнущий изгиб между его шеей и плечом.

Хотела бы я проводить каждый вечер именно так.

Мы с мальчиками проводим большую часть каникул вместе, завтракаем в столовой или поглощаем эти крошечные коробочки с хлопьями в моём общежитии. Но потом наступает среда, и они исчезают на своих вечеринках. Я не уверена, какие ставки они делают, но у меня такое чувство, что всё это имеет отношение к моему списку.

Грядёт что-то грандиозное.

Компания, или Гарпии, или как вам угодно их называть, дорого заплатит. Я это чувствую.

Я стараюсь не беспокоиться об этом и наслаждаюсь небольшим перерывом в учёбе, отдыхаю в своей комнате и читаю, играю на арфе, но только когда мистер Картер рядом для защиты, или пишу сообщения Миранде, Эндрю и папе.

В субботу парни удивляют меня, появляясь у моей двери.

— Давай, Марни, — говорит Зак, протягивая мне руку. Лиззи и Майрона с ними нет, и я приподнимаю бровь, опуская взгляд на свою майку и спортивные штаны.

— Я на самом деле не одета для выхода... — начинаю я, но Зак только ухмыляется и всё равно хватается меня за запястье, вытаскивая из комнаты и притягивая в свои объятия.

— Это пижамная вечеринка, — произносит Зейд, и тут я замечаю, что он босиком, в шортах и свободной майке, из-под которой видны все его татуировки. Он курит сигарету с гвоздикой, которую я ловко выхватываю у него изо рта, вытряхиваю на каменный пол и выбрасываю в ближайшее мусорное ведро.

— Вы все и вправду одеты в пижамы, — говорю я, изучая накрахмаленную чёрную атласную пижаму Тристана в тонкую белую полоску и душные тапочки, похожие на замшевые мокасины. На Криде белые льняные пижамные брюки, и больше ничего — ни рубашки, ни обуви. Зак в свободных боксерах и старой футбольной майке, а Виндзор нарядился во фланелевую пижаму с пингвинами на ней.

С пингвинами.

Мультишными долбаными пингвинами.

— Ты уверен, что ты принц? — спрашиваю я его, и он замолкает, роется в сумке у себя на плече и достаёт две пластиковые золотые короны. Он надевает одну мне на голову, а затем кладёт другую поверх своих огненно-рыжих волос.

— Я не был им до этого момента, — говорит он, и его карие глаза озорно блестят. — Но теперь, когда моя принцесса рядом со мной, а королевские драгоценности надёжно спрятаны, — он хватается за промежность, и я закатываю глаза, в то время как другие мальчики хмурятся. — В этих великолепных государственных одеждах я теперь уверен: я абсолютно *не* гожусь на роль короля. Принц, окей, я могу с этим справиться. Принцы могут резвиться, трахаться и разбивать яхты в гаванях. — Я почти останавливаюсь от того, с какой откровенностью он только что выпалил всю правду. Но потом я приглядываюсь повнимательнее и вижу тьму и тени, танцующие за его маской весёлого, беззаботного удивления. Виндзор Йорк страдает внутри. Что именно не так, я не знаю, но я хочу выяснить. — В любом случае, — продолжает он, подавляя эмоции, — я идеально подхожу на роль принца, но никак не короля. Может быть, именно поэтому мне так нравятся скандалы? От всего этого внимания у меня кружится голова.

Он берёт меня под руку, и наша маленькая группа направляется в библиотеку.

Похожие на пещеры потолки, высокие книжные колонны и уютное сияние ламп приглашают нас войти, но когда я оглядываюсь вокруг, то замечаю, что все библиотекари отсутствуют.

— Сейчас весь персонал в кампусе, — говорит Зейд, размахивая огромным кольцом, полным ключей. — И я украл главный ключ, так что мы в выигрыше. Это место в полном нашем распоряжении. — Он протягивает свои покрытые чернилами руки, указывая на огромную библиотеку. — Красавица, твоя библиотека ждёт тебя.

Я ухмыляюсь, следуя за Тристаном и Кридом вглубь рядов романов, нас окружает свежий запах чернил и бумаги.

Мне приходит в голову одна мысль.

— Это ты украл ключи от моего шкафчика и моей комнаты в общежитии на первом курсе? — спрашиваю я, и Зейд съёживается. Он оглядывается на меня с извинением в своих изумрудных глазах.

— Что я могу сказать? Я грёбаный мудака. — Он останавливается и ждёт, пока я догоню его, наклоняется и берёт одну из моих рук в свои. Зейд слегка сжимает её, а затем подносит мои костяшки пальцев к своим губам для поцелуя, его кольца на губах слегка щекочут мою кожу. — Мне жаль, Черити, мне правда жаль.

— Я простила тебя, Зейд, — отвечаю я, глядя в его глаза и теряясь в них. — Просто не разочаровывай меня снова, ладно? — он притягивает меня к себе и поднимает на руки, пока я смеюсь, неся к кольцу из белых свечей.

Парни отодвинули в сторону один из учебных столов и расставили круг со свечами и подушками. Там собрано несколько бутылок алкоголя, жидкость отливает тёмно-янтарно-коричневым в свете свечей. Тристан садится рядом с ними, и я замечаю, что для нас разложено ровно шесть подушек.

— Мы пропустили остальную часть клубной вечеринки, — говорит он ровным голосом, настоящий лукулловский праздник для ушей. — Мы сделали то, что нам было нужно.

— И это было о-о-очень весело, — добавляет Крид, откидываясь на свою собственную подушку. Он выглядит бескостным, судя по тому, как он разваливается.

— Если Компания не хотела иметь дело с огненным штормом, им не следовало стрелять первыми, — рычит Зак, и та темнота, которую я помню по младшим классам, возвращается. Его карие глаза прикрыты тяжёлыми веками, и пока я наблюдаю, он проводит пальцами по своим тёмным волосам. Между ним, его отцом и дедушкой что-то происходит. Это совершенно очевидно. Я имею в виду, что семья была полностью лишена средств, и Зака отправили в Лоуэр-Бэнкс-Хай вместе со мной. Хуже этого ничего не бывает. Какой мужчина стал бы заставлять своего внука ходить в школу, которая плодит членов банд, бросивших учёбу и придурков?

Ладно, я думаю, что академия Бёрберри тоже является рассадником придурков, но всё же.

Однако на этот раз, когда я вижу, как темнота Зака вырывается на поверхность, я не отшатываюсь от неё, как это было, когда он начал терзать Илеану в спортзале. Нет, на этот раз я наблюдаю, как это происходит, и задаюсь вопросом, что я могу сделать, чтобы помочь.

«Отныне я постараюсь стать лучше. В обязанности Марни не входило учить меня, быть лучшей версией себя, но она всё равно уже это сделала».

Может, это и не моя работа, но я хочу помочь Заку. Я хочу помочь всем этим парням. И, возможно, в этом-то и проблема. Перевоспитать плохого парня, изменить хулигана — это

довольно высокие идеалы. В реальном мире не часто всё идёт как надо. Но эти ребята теперь мои друзья, они... Я простила их. Я действительно это сделала.

Это прощение в некотором смысле освобождает. И это какое-то очищение — узнать, что внутри они действительно люди. У них есть желания и нужды, удовольствия и боли, недостатки и героизм. По сути... они просто люди.

Зейд усаживает меня на мою подушку и садится на ту, что справа от меня. Я снова становлюсь чрезмерно поэтичной. Должно быть, всё дело в гормонах.

Ага.

Точно.

Грёбаные гормоны.

— Мы подумали, что тебе может понравиться игра «правда или действие», — говорит Зак, поворачиваясь, чтобы посмотреть на меня, сканируя своим проникновенным взглядом цвета янтаря, вбирая меня в себя. — Как вечеринка в Клубе Бесконечность, только без всего этого дерьма.

— Тем не менее, правила всё ещё действуют, — говорит Зейд с ухмылкой, указывая на Тристана разукрашенной рукой, покрытой кольцами, и запястьем, полным резиновых браслетов с прошлых концертов. — Не надо трусить. Ни за что на свете. А теперь передай мне ром.

Тристан наливает щедрую порцию алкоголя в красный пластиковый стаканчик (без них это была бы не вечеринка!), а затем передаёт его по кругу, пока он не попадает к Зейду. Все остальные получают напиток по своему выбору: водка для Крида, пиво для Зака, джин для Виндзора и коньяк для Тристана. Кажется, уместным. Именно так я представляю себе его голос — приятный, ровный и бархатистый. Я никогда его не пробовала, но я и раньше слышала, как папа переходил на описания.

Парни принесли мне кучу холодных напитков, все безалкогольные, и я улыбаюсь. Они никогда не забывают обо мне, и я ценю это.

— Как только ты опустошишь это пиво, Зак, — говорит Зейд, и его хрипловатый голос рок-звезды эхом разносится по тихой библиотеке. — Мы можем поиграть в бутылочку. Но только в том случае, если Марни — та, кто всегда её раскручивает. Я не собираюсь целовать никого из вас, придурки.

— Придётся, если мы сыграем в «правду или действие», — говорю я с улыбкой. Зейд бросает на меня взгляд и приподнимает свою проколотую бровь, не переставая улыбаться.

— Ходят слухи, что тебе нравятся любовные романы о геях, — произносит он со смешком, и я краснею.

— Я иногда читаю мангу о любви парней, но это всё.

— Не позволяй ей одурачить тебя: это практически порно, — растягивает слова Крид, всё ещё лёжа на боку и подперев голову локтем. — Анальный секс, минет, много спермы. На самом деле, целые вёдра.

— Ты такой же грубиян, как и твоя сестра, — выдыхаю я, отвинчивая крышку с бутылки тропического сока. По-моему, это ананас. Приятный и острый.

— Значит, тебе нравится читать порно вместо того, чтобы смотреть его? — спрашивает Зак с глубоким смешком, звук эхом отдаётся во мне. — Это облегчает жизнь в кампусе, это уж точно. К чёрту правило «никакой электроники».

— Я работал над тем, чтобы разобраться с этим дерьмом с самого первого дня. Я имею в виду, я придумал, как незаметно пронести телефон, но, клянусь, здесь буквально нет сети,

a Wi-Fi жёстко заблокирован. Они долбаные нацисты из-за этого дерьма. — Зейд ложится на живот, его стакан уже опустел, и кладёт голову на руки.

— У меня есть спутниковый телефон, — говорит Виндзор, расстёгивая две верхние пуговицы на своей дурацкой пижаме с пингвинами. Его дурацкая пижама с пингвинами, которая мне на самом деле очень нравится. — На нём не запускаются приложения, но я могу совершать звонки. Это всё, чего я добился.

— Это из-за моей матери, — отвечает Крид, по-прежнему развалившись на подушке, как вялая кукла. — Она помогла директору Коллинзу создать закрытую сеть. Если ты не такой технический гений, как она, тебе туда не попасть. Попрощайтесь с будничными постами в Facebook, пока вы в Бёрберри.

— Хорошо, что Марни получила своё распечатанное порно, — добавляет Тристан, ухмыляясь мне. Я бросаю крышечку от своего сока через круг, но он просто ловит её ладонью, как будто это какой-то пустяк. — Я предпочитаю... на самом деле трахаться, а не смотреть порно. Хотя я буду первым, кто признает: в последнее время у меня была небольшая засуха.

— Ещё есть Клинекс и Джергенс, (*прим. — марки салфеток и лосьона-крема*) — мягко говорит Зак, и я краснею, думая о мусорном ведре, полном салфеток в отеле. Ох, как неловко. По крайней мере, я знаю, что была не единственным человеком, который прикасался к себе в ту ночь.

— О, поверь мне, у меня в комнатах есть игрушки. Лучше, чем салфетки и лосьон. Но они не помогают, по крайней мере, когда Марни рядом.

— Тристан, заткнись, — выпаливаю я, но он просто продолжает улыбаться мне в своей не совсем приятной манере.

— Давайте начнём игру, — бормочет он, и его голос звучит как соблазнительная песня. — Давайте поиграем в «правду или действие». Я начну первым. Марни. — Ха. Конечно, Тристан хочет начать первым, и, конечно же, он смотрит прямо на меня. — Правда или действие.

— Правда, — шепчу я, потому что боюсь увидеть, какого рода вызов он мне бросит. Честно говоря, мне, наверное, также следовало бы бояться и того, что он собирается спросить у меня, но я полагаю, что это меньшее из двух зол. Тристан смеётся и качает головой, чёрные как смоль волосы падают ему на лоб мерцающими прядями.

— Марни, Марни, Марни, это самый простой выход. — Тристан сидит неподвижно, красиво и прямо, поджав под себя ноги и сложив руки на коленях. Я бы с удовольствием посмотрела, как он хоть раз расслабится, устроит беспорядок. — Но ладно. Правда: ты действительно девственница?

— Да. — Всего одно слово, но, когда произносишь его перед этими парнями, всё ощущается совсем по-другому. Я чувствую, как они смотрят на меня. Я могу представить вкус их губ, ощущение их рук, раскалённую добела вспышку внутри меня, когда мы встречаемся взглядами.

Тристан ухмыляется, кивает, а затем поднимает руку, указывая на меня.

— Достаточно честно. Теперь твоя очередь.

Крид тоже ухмыляется, и то, как он там лежит, напоминает мне ленивого домашнего кота, такого довольного и самодовольного.

— Отлично. Я выбираю Крида. — Я пристально смотрю на него. — Правда или действие.

— Действие. — В его глазах с полуприкрытыми веками читается вызов.

— *Поцелуй* Тристана Вандербильта в губы. — Улыбка, озаряющая моё лицо, — это чистое удовольствие. Зейд воет от смеха, а Зак ухмыляется. Виндзор просто сидит там с этим искрящимся блеском в глазах.

Старший близнец Кэбот хмуро смотрит на меня и принимает сидячее положение, взмахом отбрасывая с лица белокурые волосы.

— Ты думаешь, я этого не сделаю? — насмехается он, и этот надменный вид уверенности в себе сквозит в каждом его движении. — Вам предстоит усвоить тяжёлый урок, мисс Рид. — Крид встаёт на колени и подползает к Тристану. У меня возникает чувство дежавю, как будто, возможно, я читала подобную сцену в манге, или книге, или ещё где-то. Может быть, тот пересказ *«Алисы в стране чудес»*, который Миранда заставила меня прочитать? Как он назывался? *«Приключения Эллисон в Подземье»*?

Ну что ж.

Я всё ещё взволнована.

Я прикусываю нижнюю губу, а затем наблюдаю, как Крид приближается к хмурому Тристану, кладя пальцы по обе стороны от лица другого парня.

— О, пожалуйста, — фыркает Тристан, отталкивая его руки, а затем хватая Крида за запястья. — Мы оба знаем, что ты — снизу, а я — сверху. С таким же успехом мы можем придерживаться своих ролей.

— Да пошёл ты, — рычит на него Крид, отводя его запястья назад. Тристан не отпускает его, и двое парней свирепо смотрят друг на друга. Тристан держит одну руку на запястьях Крида, а другую прижимает к щеке своего друга. Они оба смотрят на меня.

— Это, должно быть, расплата за все те времена, когда мы заключали пари, чтобы заставить девушек из Клуба Бесконечности целоваться друг с другом, — бормочет Тристан, а затем, всё ещё не сводя с меня глаз, наклоняется вперёд и прижимается ртом к губам Крида, раздвигая губы другого парня своим языком.

На пять блаженных секунд я вижу воплощённую в жизнь фантазию: два самых жестоких парня в академии целуют друг друга, их ноги частично переплетены. Пальцы Тристана скользят вверх и зарываются в волосы Крида, и именно тогда Крид кладёт этому конец, с хмурым видом отталкивая парня Вандербильта назад.

— Если бы я не знал тебя лучше, подумал бы, что я тебе действительно нравлюсь, — говорит Крид, прикрывая рот рукой.

— Тебе бы так повезло, — мурлычет Тристан, пока Крид прополаскивает рот водкой и проглатывает изрядное количество алкоголя.

Он машет рукой в направлении Зака.

— Ты. Брукс. Правда или действие.

— Действие, — говорит Зак, сужая глаза до щёлочек и фокусируя своё внимание на Криде в «вызове». — Выкладывай, наихудшее что у тебя есть, Кэбот.

— Заставь себя кончить. Прямо сейчас. На глазах у всех. — Лицо Крида становится абсолютно злым, когда он выплёвывает своё указание, а Зак бормочет серию проклятий, проводя пальцами по волосам. Он бросает на меня взгляд, и мои щёки вспыхивают.

— Ты можешь сказать ему «нет» и вместо этого выбрать правду, — предлагаю я, но Зак выглядит решительным, и это пугает меня.

— В нашей версии игры у тебя есть один шанс поменять правду на вызов или наоборот. Если ты снова потерпишь неудачу, ты проиграешь и выбываешь.

Зейд садится, как будто готовится к особенно жестокой игре. Этим парням, несомненно, нравится делать ставки, независимо от того, делают они это в официальном качестве участников Клуба или нет. Это признак их привилегированности, отсутствия у них каких-либо желаний. Им нужен вызов, они жаждут его.

— Что получает победитель? — спрашиваю я, и Зейд улыбается, пожимая плечами с тату.

— Право на хвастовство?

— Как насчёт трофея? — возражаю я, и он съёживается, делая вид, что стряхивает ожог.

— Ай, Черити, ай.

— Я сделаю это, — говорит Зак, раздувая ноздри, когда он делает глубокий вдох, а затем... сплёвывает себе на ладонь. *Святое дерьмо*. Он засовывает руку себе в боксеры, его глаза сосредоточены на моих. Я ничего не вижу, но определённо замечаю изменение в его дыхании, расширенные зрачки, капли пота, выступившие у него на лбу.

— Чертовски жёстко, чувак, — смеётся Зейд, залпом выпивая ещё одну порцию рома. — Покажи нам, что у тебя там.

— Заткнись к чёртовой матери, придурок, — ворчит Зак, закрывая глаза. Я не уверена, сколько времени это занимает, но из-за того, как болит моя кожа и как моё нутро наполняется теплом, кажется, что прошла вечность. Я ёрзаю на подушке, радуясь, что не сижу ни у кого на коленях.

С глубоким, гортанным стоном Зак кончает, и я вижу, как напрягаются его мышцы, а тело дрожит от оргазма. Он резко выдыхает и на минуту опускает голову. Виндзор роется в сумке, стоящей рядом с ним, достаёт рулон бумажных полотенец и бросает их Заку.

— Я... сейчас вернусь. — Зак берёт бумажные полотенца, и я отвожу взгляд, чтобы у него была секунда уединения. Затем он исчезает в направлении ванных комнат.

— Ну, срань господня, — шепчет Зейд со смешком. — Он реально это сделал. Может быть, в конце концов, я не так уж сильно ненавижу этого парня?

— Есть ли причина, по которой вы, ребята, ненавидели его с самого начала? — спрашиваю я, переводя взгляд с одного парня на другого.

— Кроме пари, которое он заключил с Лиззи? — спрашивает Зейд, пожимая плечами. — Не знаю. Просто он всегда был засранцем. Ему никогда не нравился статус-кво. — Его улыбка становится немного кривой, и он протягивает руку, чтобы взъерошить мои золотисто-розовые волосы. — Немного похож на тебя, я думаю.

— Да, конечно, — отвечаю я, но моё сердце всё ещё бешено колотится, и я не могу поверить, что только что это увидела. Зак мастурбировал прямо передо мной. *И мне это понравилось*. Это кажется таким неправильным — сидеть в месте, где нам быть не положено, с украденной связкой ключей, крепким алкоголем и игрой без реального приза.

Просто потому что.

Мы делаем это ради забавы.

Зак возвращается довольно быстро, с покрасневшимся лицом, и садится, приподняв одно колено, опершись на него локтем и закрыв лицо рукой. Он тоже смотрит прямо на меня и пожимает своими широкими плечами.

— Я надеюсь, ты не останешься травмированной на всю жизнь, — произносит он, и я получаю одну из его редких тёплых улыбок.

— Если бы я собиралась кого-то винить в этой травме, это был бы грёбаный Крид, — говорю я, бросая на него взгляд и делая глоток своего сока. Он просто смотрит на меня

своим томным взглядом, а потом ухмыляется.

— Хорошо, — говорит Зак, выпрямляясь и поглядывая на Виндзора. — *Ваше величество*, правда или действие?

Виндзор протягивает руку и поправляет свою пластиковую корону.

— Правда. Потому что любой идиот может прыгать через обруч, но гораздо труднее обнажить свою душу. Так что давай, грёбаный придурок. — Зак выставляет средний палец, но этот жест никак не помогает убрать надменное выражение превосходства с лица принца.

— Отлично. Будь, по-твоему. — Зак подносит бутылку пива к своим полным губам и изучает принца прищуренными глазами. — Какого хрена ты врзался на той яхте в гавань? Девушка всё ещё в больнице, не так ли?

Лицо Виндзора... Боже, если бы я только могла описать, как он закрывается. В его чертах появляется жёсткость, которая в десять раз хуже, чем каменная маска, которую носит Тристан.

— Технически, — говорит он ледяным голосом, — это два вопроса. Выбери что-нибудь одно.

— Почему ты в итоге разбился? — повторяет Зак, и Виндзор протягивает руку, чтобы снять свою корону, вертя её в пальцах, его карие глаза такие тёмные, что больше напоминают угольно-серые глаза Тристана, чем их обычный яркий многогранный блеск.

— Во мне было слишком много кокаина, слишком много выпивки, и я был зол; я не мог ясно мыслить.

Он замолкает и просто смотрит на меня.

— Почему? — спрашиваю я, но Виндзор просто поворачивается к Зейду и игнорирует мой вопрос.

— Ты. Мальчик-рокер. Правда или действие?

— Э-э, — начинает Зейд, переворачиваясь на спину, чтобы посмотреть на жестяные плитки потолка. Несмотря на странную атмосферу и уклончивый ответ Виндзора на вопрос Зака, здесь довольно уютно. Как могло не быть, со всеми этими книгами? — Действие.

— Напиши, — говорит Виндзор, бросая свою корону в центр круга, — своему отцу и скажи ему, как сильно ты ненавидишь, когда тебя игнорируют. — Он поднимает взгляд и встречается взглядом с Зейдом. — Прямо сейчас. Напиши ему и скажи это.

— Я не собираюсь говорить ему этого, — отвечает Зейд, отшатываясь, как будто его ударили. — Ты тупой, или безумный, или и то, и другое вместе? Если я отправлю ему подобное сообщение, он разозлится на меня. Ему не нравится, когда я говорю подобную чушь.

— Тогда другое действие, скажи Марни, что ты к ней чувствуешь.

— По сути, это правда, — бормочет Зейд, проводя пальцами по своим пепельно-лиловым волосам. — Тебе действительно нравится подливать масла в огонь, да?

Виндзор просто улыбается.

— Я просто люблю честность — даже когда это причиняет боль.

— Даже если ты сам не проявляешь такой же кристальной честности? — Зейд язвительно отвечает, и двое парней пристально смотрят друг на друга. — Окей, блядь, здорово. — Он бросает взгляд на меня, и наши глаза встречаются. — Я говорил тебе, что ты мне понравилась с самого первого дня, да?

— Говорил.

Зейд просто продолжает смотреть на меня.

— Ну, ты нравилась мне больше, чем любая девушка, которую я когда-либо встречал.

— Игра называется «*правда или действие*», а не «*чушь собачья*», — говорит Винд, и Зейд рычит. Это тоже чисто музыкальное звучание, как будто этот звук уместен в середине одной из его более похабных песен.

— Говорит парень, который сам не ответил. — Зейд поворачивается ко мне и вздыхает, подпирая лоб рукой и задерживая её там на минуту, пока он смотрит на меня. — Я думаю... может быть, я влюбился в тебя с той вечеринки в честь Хэллоуина. Не на первом курсе, а... на втором. Когда ты пришла, одетая как конфетка, и танцевала как сумасшедшая, и выбала Крида этим поддельным дневником.

— Влюбился в меня? — спрашиваю я, и Зейд вздыхает, закрывая свои зелёные глаза.

— Ага. Вроде того.

Ладно, вот и всё. *С целующимися парнями, мастурбацией и признаниями в любви... это не похоже ни на одну пижамную вечеринку, на которой я когда-либо была.* И тут мне приходит в голову, что раньше у меня никогда по-настоящему не было друзей, так что единственные пижамные вечеринки, на которых я действительно присутствовала, были между мной и Мирандой.

— Вроде того? — взвизгиваю я, и Зейд моргает, глядя на меня.

— Правда или действие, Черити, — шепчет он, и его голос грубый и открытый, как будто он только что расколол камень и показал мне самую красивую жеоду внутри.

— Правда.

Потому что я не думаю, что смогу сдвинуться с этого места, не говоря уже о том, чтобы сделать что-то постыдное, например, прикоснуться к себе на глазах у всех.

— Кто из нас тебе нравится больше всего? — спрашивает Зейд, и моё сердце несколько раз замирает, прежде чем снова забиться галопом.

— Я не знаю.

И нет более правдивого ответа, чем этот.

В этом году в академии Бёрберри реально идёт снег, что чертовски странно. Ради всего святого, мы в центральной *Калифорнии*.

— Глобальное потепление, — говорит Миранда, стоя там с поднятыми к небу ладонями, и крошечные хлопья тают на её ладонях. Сегодня вечером шоу талантов, но на самом деле это никого больше не волнует, поскольку все, чего хотят, так это поиграть в снежки или — в зависимости от года обучения в школе — поговорить о зимнем бале, лыжной прогулке или, для нас, третьекурсников, о возможности поездки на выходные в Сан-Франциско, чтобы посмотреть балет и симфонию.

Нетрудно понять, что я хочу делать. Несмотря на то, что мы с папой уже пару раз воспользовались теми билетами, которые купил нам Зак, мне никогда не бывает достаточно. Мы даже воспользовались третьим билетом, чтобы взять нашу старую соседку, миссис Флеминг. Может, она и глухая, но сказала, что чувствует вибрации, и всё равно ей понравилось шоу.

— Знаешь, что Джон сказал мне сегодня? — говорит Эндрю, засовывая руки в карманы и вздрагивая, когда белый пух оседает на сады. Снегопад пока не настолько густой и обильный, чтобы доставлять удовольствие, но он приближается. Каждый ученик Бёрберри молится, что снега будет достаточно, чтобы можно было кататься на санках.

— Если глобальное потепление реально, то почему на улице так холодно? — передразнивает Миранда, драматично закатывая глаза. — Мы все слышали его сегодня. По крайней мере, мисс Фелтон отстранила его от занятий в школе за то, что он сорвал лифчик с бедной первокурсницы. Он такой засранец.

— Все определились с тем, чем будете заниматься зимой? — спрашиваю я, прерывая разговор. Последний человек в мире, о котором я хотела бы говорить — это Джон Ганнибал. Он кусок дерьма, человек, и политика его отца — отстой, вот и всё. — Потому что вы знаете, что я еду с оркестр, верно?

— Куда бы ты ни отправилась, парни последуют за тобой, — говорит Эндрю почти с тоской. Он откидывается на спинку стола для пикника и смотрит на кружащиеся хлопья, натянув белую шапочку на уши. — Я вне себя от ревности. Я бы хотел, чтобы парни ходили за мной по пятам, как потерявшиеся щенки.

— Они бы так и сделали, если бы ты просто позволил своему уродскому флагу развеяться, — упрекает Миранда, останавливаясь, когда появляются Лиззи и Тристан, выходящие из дверей здания часовни. Ох. Моё сердце бешено колотится, когда я вижу их вместе, но я не обращаю на это внимания. Как я уже сказала, я должна позволить пазлам сложиться так, как они могут сложиться. Я не занимаюсь саботажем.

В День благодарения мы все вместе ели в столовой, и кухонный персонал академии приготовил довольно традиционное блюдо. Лиззи тогда тоже сидела рядом с Тристаном, и мне пришло в голову, что она действительно добивается его. Она прилагает усилия. И всё же она по-прежнему носит своё обручальное кольцо. Она так же, как и Эндрю, разрывается между реальностью и далёкой мечтой.

Я немного отважный оптимист: я всегда выбираю мечту.

— Тристан, ты собираешься в поездку в Сан-Франциско или... — начинаю я, замолкая и плотнее кутаясь в одну из толстовок Зака. Он случайно оставил её в моей комнате, и что ж,

она большая и мягкая, и я слишком люблю его запах, чтобы вернуть её обратно. Грейпфрут и мускатный орех — вот что мне это напоминает.

— Еду в Сан-Франциско, — отвечает он, и Лиззи прикусывает губу.

— А я иду на зимний бал, — говорит она с лёгким вздохом. — Мой папа оформил пропуск для посетителей, чтобы Марсель мог сходить со мной. — Кажется, она не особенно рада этому, и я замечаю, как напрягаются плечи Тристана.

Он проходит мимо неё и выходит из-под навеса, чтобы взглянуть на сумеречное небо и кружащийся снег.

Мгновение спустя выходит Зак, замечает меня в своей толстовке с капюшоном и, ухмыляясь, подходит, чтобы сесть рядом со мной. Даже в украденной толстовке я всё равно мёрзну, поэтому прижимаюсь к нему и в конце концов оказываюсь между его ног, его большое, тёплое тело прижимается к моему. Так мне больше нравится, когда меня поглощает Зак в своём тяжёлом зимнем пальто.

— Нам нужно купить тебе новую куртку, — говорит он, но мы оба знаем, что у меня уже есть одна, которую Миранда купила мне в прошлом году. Я просто предпочла надеть его толстовку с капюшоном, вот и всё. — Не то чтобы я возражал, что ты надела мою толстовку. — Он смеётся и прижимается носом к моему уху, вызывая у меня серьёзную стаю бабочек, целый рой. Его мускулистые руки обхватывают меня, крепко сжимая, и я расслабляюсь в них.

— Ты собираешься в путешествие по Сан-Франциско? — спрашиваю я, и Миранда драматично вздыхает.

— Эй, ты, сумасшедшая, — говорит она, подходя и становясь передо мной, выглядя как модель со своей копной блестящих волос, дизайнерским лыжным костюмом и ярко-розовой курткой. Она указывает на меня и тычет пальцем в лоб. — Я же говорила тебе: куда бы ты ни отправилась, ребята последуют за тобой, перестань их спрашивать.

— А ты? — спрашивает Зак, потому что Крид не единственный, кто знает о поцелуе между мной и Мирандой. Так или иначе, они все знают, и они чертовски завидуют этому. Может быть, они видят в ней серьёзную угрозу?

— Конечно, я еду в Сан-Франциско, — усмехается она, проверяя время на своих часах. — Это право третьего курса. — Она опускает руку и смотрит на меня. — Уже почти пора собираться. То есть, если ты не хочешь выйти на сцену с растрёпанными волосами и плохо нанесённым макияжем.

— Ну разве ты не прелесть? — поддразниваю я, зачерпывая немного снега и бросая в неё.

— Нам нужно успеть на шоу талантов, — говорит Тристан, поворачиваясь, чтобы посмотреть на нас, засунув руки в карманы своего серого шерстяного пальто. — Это крайне важно.

— Вы, ребята, что-то запланировали, — догадываюсь я, оглядываясь на Зака, но он ничем не выдаёт себя. Его лицо выглядит таким же, как всегда, серьёзным, глубоким и мрачным. Я протягиваю руку и дёргаю за прядь его каштановых волос, но он просто поднимает брови и ничего не говорит.

Я думаю, это не имеет значения.

Я всё равно всё выясню.

Зрительный зал переполнен, но в толпе чувствуется общее раздражение. Посещение обязательно, но всем хочется просто поваляться в снегу. Меня это не беспокоит. Я просто

использую это шоу как баллы интересов при подаче заявления в колледж, а также для подготовки к зимнему концерту. На следующей неделе я уезжаю на соревнования Чирлидеров в Лос-Анджелес, так что не смогу играть на арфе все выходные.

Часть меня задаётся вопросом, не стоит ли мне уйти из команды. Я не особенно увлекаюсь чирлидингом или спортом в целом, но это хороший способ оставаться в форме, и это действительно добавляет интереса к моему резюме. В любом случае, несмотря на то, что половина девушек в команде — члены Компании, которые ненавидят меня и моих парней, я не могу бросить тренера Ханну и остальных прямо перед нашим первым настоящим соревнованием.

Мы провели несколько местных мероприятий, но пока не вернулись ни с какими медалями или трофеями. Я не думаю, что в этот раз всё будет по-другому, но с начала третьего курса мы стали намного лучше, так что кто знает?

Зейд — один из первых исполнителей, вышедших на сцену, и публика встречает его довольно тепло. Отчасти, я уверена, это из-за его одежды: эти кожаные штаны, обтягивающие его задницу, как вторая кожа, и свободная рваная майка с логотипом какой-то старой группы спереди. Может, он и играет на акустической гитаре, но выглядит так, словно готов к рок-концерту.

Я крадусь из-за кулис и стою на краю зрительного зала, моё сердце поёт, когда он играет свою песню перед всей школой. Бекки выкрикивает какую-то чушь из-за занавески, но я не позволяю её словам беспокоить меня, потому что в них слышен оттенок ревности. И Зейд... он сказал мне, что любит меня, правда?

Эти несколько слов — огромная вещь. Они чертовски много значат.

Непосредственно перед тем, как покинуть сцену, Зейд подмигивает мне и целует, отвечивая поклон и покидает сцену слева.

Я поднимаюсь сразу после него, так что мне приходится пробираться за кулисы до того, как арфу выкатят на место, и я выхожу перед толпой под смешанный свист и одобрительные возгласы. На данный момент это не имеет значения. Я к этому привыкла. Первые несколько раз, когда я играла после инцидента на первом курсе, было тяжело, но становилось всё легче и легче, и я знаю, что не могу позволить страху помешать мне заниматься тем, что я люблю.

Итак, я сажусь на этот табурет и провожу пальцами по струнам, закрывая глаза и позволяя мелодии плыть в воздухе, подобно снежинкам, кружащимся с эбеново-тёмного неба снаружи. В воздухе повеяло резким похолоданием, из-за чего мир кажется намного более ярким. Иногда, когда я играю на арфе, мне кажется, что я создаю звук из воздуха, заправляя случайные ноты в ткацкий станок, пока не создам что-то совершенно новое.

Как это часто бывает, я отвлекаюсь, перебирая струны, слегка покачиваясь в такт музыке. Из-за кулис доносится какой-то шум и движение, очень отчётливое ворчание и какие-то споры, но я ни на что из этого не обращаю внимания. Я нахожусь в той части песни, где темп ускоряется, и мне кажется, что я щекочу инструмент, заставляя его смеяться и петь каждым движением моих пальцев.

Мой взгляд поднимается вверх и находит несколько пустых мест в передней части аудитории, где должны быть парни. Миранда, Лиззи и Эндрю там, но никого из моих парней. Ни одного. Я заканчиваю свою песню и прислушиваюсь к негромким хлопкам и нескольким грубым выкрикам, которые быстро заглушаются персоналом.

Поднимаясь на ноги, я отвечаю поклон и направляюсь за кулисы, чтобы найти Зака, Виндзора и Зейда в противостоянии с некоторыми из Гарпий.

— Однажды мы застанем тебя в нужном месте в нужное время, — усмехается Джален Доннер, вытирая кровь с лица рукавом. — Я, чёрт возьми, убью Тристана Вандербильта. Кстати, где эта киска? Слишком занят тем, что трахает чью-то подружку?

— Тебе чертовски повезло, — насмехается надо мной Илеана Тайттингер, одетая в какой-то нелепый белый комбинезон. Все девушки Компании участвуют в песенном и танцевальном номере под песню Мэрайи Кэри «Всё, чего я хочу на Рождество, — это ты». Судя по тому немногому, что я видела во время прослушиваний, это довольно ужасно.

— И почему же? — спрашиваю я, складывая руки на длинном красном платье, которое на мне надето. Оно такое блестящее и красивое, достаточно длинное и струящееся, чтобы его можно было надевать, когда я играю.

— Эти придурки думали, что смогут поиметь нас, — говорит Виндзор, делая шаг вперёд и хватая меч с одной из подставок для реквизита для предстоящего представления «Щелкунчика» в драматическом клубе. Он взмахивает деревянным клинком по кругу и принимает боевую стойку, которая ясно показывает, что он получил изрядную долю уроков фехтования. — Они собирались бросать на сцену петарды, пока ты играла.

Мои брови поднимаются вверх.

Чёрт.

Петарда могла бы легко оторвать мне пальцы. Может, в этом и был смысл, а?

Я смотрю вниз, на пол, и вижу разбросанные фейерверки, спички и несколько зажигалок. Когда Харпер и Бекки выходят из раздевалки, они не выглядят счастливыми, увидев меня стоящей там невредимой.

— Красивые парики, — говорю я, и Киара серьёзно набрасывается на меня. Зак ловит её и толкает назад, заставляя споткнуться на каблуках.

— Не трогай мою грёбаную девушку, или ты увидишь, как быстро я нарушу её правило «Никакого насилия». Видишь, она действительно классно и честно играет. Что же касается меня, то я грёбанный мудака. Я не боюсь говорить о делах твоего папы или о трёх молодых беременных женщинах, подающих на него в суд для алиментов на ребёнка.

— Закрой свой чёртов рот! — огрызается Киара, шипя себе под нос. На сцене трио девушек из Плебеев, чья музыка достаточно громкая, чтобы заглушить нашу ссору. Конечно же, здесь нет ни одного сотрудника. Заставляет меня задуматься, скольким учителям Харпер заплатила, чтобы они смотрели в другую сторону.

Но тут входят миссис Эмбертон и мисс Хайленд, между ними стоит заплаканная Эбони Питерсон. Я понятия не имею, какую уловку она затеяла, но она хмурится, как только видит меня.

— Откуда взялись все эти фейерверки? — спрашивает миссис Эмбертон, её взгляд поднимается, чтобы встретиться с моим. Она кажется искренне обеспокоенной, и это приятно. Я заставляю себя улыбнуться.

— Один из первокурсников уронил коробку с ними и убежал, — отвечает Харпер, обмахиваясь веером. Её боди такое обтягивающее, что у неё верблюжий носок (*прим. — ткань плотно обтягивает женские гинеталии*). Клянусь своей жизнью, я не смогла бы такого придумать, даже если бы попыталась. Её парик явно дорогой, сделан из настоящих человеческих волос и такой же блестящий, как настоящие волосы Миранды.

Я стащу его при первой же возможности.

Песня, звучащая на сцене, затихает, и мы слышим, как толпа хлопает.

— Харпер Дюпон и Голубокровные, — объявляет мистер Картер, и я закатываю глаза.

Бывшие Голубокровные подходит больше.

— Ни пуха, ни пера, — мурлычет Зейд, когда девушки с важным видом проходят мимо него. — Буквально, пожалуйста. Я хочу посмотреть на какую-нибудь кость (*прим. — в английском языке пожелание удачи «Break a leg», что дословно переводиться как «Сломай Ногу»*).

— Подавись своим дерьмом, Зейд, — рычит Бекки, проходя мимо.

— Эй, — говорит Зак, беря меня за локоть. — Иди посиди в зрительный зал с Мирандой, хорошо?

Я бросаю на него взгляд.

— Помнишь наш маленький разговор? — спрашивает Виндзор, вращая деревянный меч по кругу, в то время как ребята из компании подозрительно смотрят на него. Я думаю, принц действительно мог бы надрать им задницы, если бы захотел. То есть до тех пор, пока он не получит нагоняй и замечание от мисс Хайленд за то, что возится с реквизитом, к которому ему прикасаться не положено.

— Наша очередь играть грязно, — шепчет Зейд, подталкивая меня к лестнице.

Я делаю, как он просит, занимая место между Мирандой и Лиззи.

Свет на сцене гаснет, и начинается песня. Медленно прожектор возвращается к жизни, и Харпер поворачивается, хватая микрофон и поёт ноты Мэрайи, довольно впечатляющим образом имитируя знаменитую песню. Я думаю, есть причина, по которой она возглавляет хор.

Однако, как только она начинает танцевать, я не могу сдерживать хихиканья.

— Она похожа на сумасшедшего снежного кролика, — шепчу я, и Миранда с Лиззи присоединяются ко мне. Другие девушки — Бекки, Илеана, Эбигейл, Валентина, Киара Мэйлин, Анна и Эбони — присоединяются к хореографическому танцу, беря в руки собственные микрофоны.

Всё это просто... это смешно. Извините, я стараюсь не принижать других, но эти девушки пытались убить меня, так что я полагаю, что они достойны честной критики.

Примерно на середине песни, когда я уже думаю, что просто больше не могу этого выносить... девять парней из Плебеев, которых я едва узнаю, появляются из-за занавеса, двигаясь позади девушек, пока те заняты пением и сосредотачиваются на публике.

Парни срывают их парики, и воцаряется хаос, на заднем плане играет песня с едва уловимым намёком на вокал Мэрайи, доносящийся из динамиков. Птеродактильный визг Харпер эхом отдаётся в её микрофоне как раз перед тем, как парни отступают назад, словно ожидая чего-то большего.

В этот момент сверху льётся вязкая красная жидкость, покрывая Гарпий с головы до ног, когда они кричат.

Однако на этот раз я не думаю, что это краска. Крид не лгал. Нет, мои ребята выложились по полной: это *кровь*.

Когда песня подходит к концу, во всём зале воцаряется тишина, Тристан и Крид появляются с противоположной стороны зала, незаметно усаживаясь на два пустых места. Зак, Виндзор и Зейд выходят сразу после и садятся в конце первого ряда примерно через десять мест от меня.

Харпер стоит там, тяжело дыша и дрожа, её девочки по обе стороны от неё, большинство из них плачут.

Занавес опускается перед ними, и на нём повсюду приколоты трусики.

Святое... ёбаное дерьмо.

Музыка стихает, и зал разражается смехом.

Хорошо, что я уезжаю из города на соревнования по чирлидингу: в Академии проливается кровь. Теперь, отомстив, я позволила им повеситься на их собственной верёвке. Мои парни... они немного расширяют правила своим творческим подходом. Они превращают жестокость в безупречное совершенство почти так же, как скульптор шлифует мрамор или камень.

Это впечатляет и в то же время немного пугает.

Во время короткой поездки в Лос-Анджелес я добровольно соглашаюсь делить комнату с тренером Ханной (нас нечётное количество, так что кто-то должен это делать), и я очень слежу за тем, чтобы не пить и не есть ничего, что только что не было в запечатанном контейнере или обёртке. Вам лучше поверить, что я тоже очень трепетно отношусь к своим волосам. Я ни за что не позволю им удивить меня бритвой.

Нам удаётся увезти домой серебряную медаль, что впечатляет, учитывая дисгармоничную атмосферу в команде.

Когда я возвращаюсь, то нахожу парней в синяках после драки. Ни одному из них не удалось уйти невредимым.

— Что случилось? — спрашиваю я, протягивая руку, чтобы осторожно провести большим пальцем по синяку на левом глазу Виндзора. Он ухмыляется и хватает меня за запястье таким молниеносным движением, что у меня замирает сердце. Он целует внутреннюю сторону моего запястья, и я задыхаюсь, когда он проводит языком по моему пульсу.

— Почти то, что ты могла бы подумать, любовь моя. Поссорились во дворе.

— Они тоже дерутся грязно, — растягивает слова Крид, дотрагиваясь до царапин на своей щеке. Это след от женской драки.

— Девочки тоже были в этом замешаны? — спрашиваю я, и Зак кивает.

— Мы их не трогали, если это то, о чём ты беспокоишься. У нас есть *некоторая* честь, но это немного ухудшило соотношение сил семнадцать на восемь. Если бы с нами там не было Лиззи, всё было бы намного хуже. Она схватилась с Харпер ради тебя.

— Я пыталась, — говорит она, щеголяя разбитой губой. По крайней мере, у неё всё ещё сохранились волосы.

— Семнадцать на восемь... — я начинаю, думая о составе. Ладно, значит, все девять Гарпий, восемь парней из их Роты и куропатка на грушевом дереве, верно (*прим. — Куропатка на грушевом дереве — фраза используемая в конце перечисления, чтобы подвести итог. Отсылка из песни «The twelve days of the Christmas»*)? Против моих парней, Лиззи, Эндрю и Майрона. Или, по крайней мере, таково моё предположение. На Миранде нет никаких отметин. — Боже.

— Это того стоило, — продолжает Крид, шлёпая свою близняшку, когда она пытается приложить тёплый компресс к его лицу. — Они устроили на нас засаду в темноте с бритвами и ножницами. Идиоты. Мы все были в грёбаных шляпах. Мы не тупые.

— Вы что, пошли нарываться на неприятности? — спрашиваю я, скрещивая руки на груди.

— Беда сама нас находит, — мурлычет Тристан со своего места в углу. Он сидит в огромном чёрном кожаном кресле, которое выглядит как идеальное кресло для чтения. Мы в его общежитии в Третьей башне. На самом деле я никогда раньше здесь не была. Вот вы

знали, что тут есть долбаный камин? Я так завидую. — Нам не нужно их искать.

— Кто-нибудь из них собирается в поездку в Сан-Франциско? — спрашиваю я, но Тристан только качает головой. Он не знает. Здорово.

— Всё будет становиться хуже, прежде чем станет лучше, да? — спрашиваю я, чувствуя это ужасное прерывистое бурлящее ощущение в животе. Это чувство вины, вот что это такое. Всё это из-за меня. Правда, парни сказали, что хотят взять это на себя, но... это не только их борьба.

Мне нужно ускорить это дело.

— Не надо, — шепчет Зак, кладя свои большие руки мне на плечи и сжимая, разминая мою напряжённую плоть сильными пальцами. *О мой Бог.* Я бы с удовольствием получила от него массаж гольшом и с маслом... Гм. — Я вижу, у тебя всё на лице написано, доверься нам, мы позаботимся об этом. Сосредоточься на том, чтобы надрать задницу Тристану в учёбе, хорошо?

Тристан прищуривает свои серые, как лезвие, глаза, и я знаю, что, несмотря на то, что мы встречаемся, это не значит, что он не будет стараться изо всех сил, чтобы занять моё место среди лучших в классе.

— Давайте побеспокоимся о Клубе Бесконечности, — говорит он, и что-то в его голосе подсказывает мне, что он имеет в виду не только младшую версию. Дрожь пробегает по моей спине, но я киваю и с этого момента чертовски уверена, что буду держать бейсбольную битку, которую позаимствовала в спортзале, рядом со своей кроватью, когда сплю.

Как и в прошлом году, поездка в Сан-Франциско совпадает с зимними каникулами. В ту пятницу перед каникулами, когда все первокурсники готовятся к зимнему балу, мы складываем чемоданы во дворе и оцениваем студентов, собравшихся вокруг статуи оленя.

Они все там, все до единой Гарпии. Компания. Называйте их, как хотите. Мне нравятся синонимы; я люблю оба названия.

— Конечно, они все здесь, — усмехается Крид, прислоняясь спиной к колонне с беззаботным видом привилегированного человека. Он пренебрежительно машет рукой вокруг. — Ни один третькурсник не захочет застрять на зимнем балу, если только ты не Лиззи Уолтон и твой отец тебя не ненавидит.

— Прекрати, — рывкает Тристан, и я внимательно наблюдаю, как они обмениваются долгим сердитым взглядом. Они оба отводят взгляд, не определив победителя, и Тристан скрещивает руки на груди, глядя на Харпер. И это справедливо. Клянусь, она преследует меня по коридорам. Если я расслаблюсь хоть на секунду, мне сбреют волосы, надерут задницу или... что похуже. Потому что очевидно, что все они способны на это.

— Давайте просто будем держаться от них подальше и постараемся хорошо провести время, — говорит Зейд, бормоча что-то с сигаретой во рту, прячась за углом Второй башни и пытаюсь заставить свою зажигалку работать на ветру, одновременно стараясь не попасться на глаза одному из учителей. — Господь свидетель, мои зимние каникулы будут серьёзным испытанием. Папа в турне по Европе, так что со мной будут обращаться как с грёбаным гастролёром, таскающим оборудование и отбивающимся от морщинистых старых поклонниц. Фу. Я просто хочу ёлку и чёртов фруктовый пирог.

— Ты всегда можешь присоединиться ко мне, — говорю я, и он улыбается. Хотя это не совсем счастливое выражение лица.

— Если бы я думал, что *Билли*, — отвечает Зейд, драматично закатывая свои зелёные глаза, — позволит мне, я бы не задумываясь принял твоё предложение.

— Меня заинтересовало твоё предложение, — произносит Виндзор, изучая меня. На нём снова пластиковая корона, и я не уверена, то ли это ирония, то ли напоминание о том, что даже в дешёвой короне он всё равно принц. На ум приходит песня Билли Айлиш: «*Ты должен увидеть меня в короне*».

— Если у тебя нет никаких планов с семьёй, то для тебя всегда найдётся место за нашим столом.

По крайней мере, я думаю, что это так. Папа, возможно, не был бы в восторге, если бы я привела домой Зака или кого-нибудь из Идолов, но, по крайней мере, у него нет причин ненавидеть Виндзора Йорка. Во всяком случае, пока. Надеюсь, и не будет.

— Всё в порядке, — говорит мисс Фелтон, дует в свисток и заставляя Тристана нахмуриться. — В фургоны, пожалуйста.

— Как будто мы долбаные псы, — бормочет он, но всё равно отталкивается от стены, хватая меня за руку и тянет к одному из роскошных чёрных фургонов «Мерседес Бенс», припаркованных вокруг круглой подъездной дорожки. У них как раз достаточно места для шести учеников, по трое в каждом ряду. Один из рядов обращён назад, так что все шесть пассажиров могут смотреть друг на друга.

Миранда ворчит и пинает Крида в голень, но в итоге её отправляют в соседний фургон

вместе с Лиззи, Майроном, Эндрю и несколькими случайными парнями из Плебеев, которых я не узнаю. Обычно это хорошо: если я их не узнаю, значит, они не настолько сильно надо мной издевались, чтобы я их заметила.

Поездка в Сан-Франциско — это почти та же дорога, к северу от залива Круз-Бей и по тому же прибрежному маршруту. Но я не возражаю. Когда мы отъезжаем от подготовительного кампуса академии, снежинки падают и тают в одно мгновение, я на самом деле начинаю нервничать от волнения.

Не только из-за знаменитого балета и симфонического оркестра Сан-Франциско, но и возможности провести с ребятами целых четыре дня перед долгими зимними каникулами. Раньше я никогда не возражала против каникул. На самом деле, я с нетерпением ждала этого, но в этом году... мои чувства смешанные. Я рада увидеть Чарли и спать в своей собственной постели, но мне жаль, что я не могу взять парней с собой.

Виндзор поворачивается и возится со стереосистемой, несмотря на драматический вздох мисс Фелтон, и мы останавливаемся на песне Тони Беннета (*Я оставил своё сердце*) «В Сан-Франциско». По крайней мере, эту песню я узнаю. Я лучше разбираюсь в старых песнях, чем в современных хитах.

— Моя мама проводит большую часть своего времени в Сан-Франциско в этом душном маленьком домике на Ноб-Хилл, — говорит Крид, задирая одно колено на сиденье и обхватывая его руками. — Работает в Кремниевой долине и пытается конкурировать со всеми женоненавистническими придурками в технологической индустрии. Самое смешное, что она намного лучше справляется с тем, что делает, чем кто-либо из них.

— А вы знали, что в Ноб-Хилле раньше были особняки, принадлежавшие всем четырём крупным железнодорожным баронам? — спрашиваю я, и Тристан улыбается. Богатство его семьи тоже было построено на железных дорогах, но Вандербильты не считаются частью «Большой четвёрки». Насколько я знаю, в Сан-Франциско нет особняков Вандербильтов. — Один из магнатов, Крокер, так разозлился на бедного владельца похоронного бюро по имени Николас Янг за то, что тот отказался продать его собственность. Остальные соседи Янга продались, так что Крокерам принадлежал весь квартал, за исключением его собственности. Назло Крокерам он построил забор высотой в три этажа, чтобы загородить Янгов от солнца.

Я выдыхаю, и Зак улыбается.

— Так чертовски сексуально, когда ты рассказываешь истории, Марни. — Я улыбаюсь ему в ответ, а затем пожимаю плечами.

— Просто пусть это послужит вам уроком: вот как я вижу сверхбогатых. Отвратительные, злобные и жадные. Крокер даже не мог понять, что у этого бедняги, у этого гробовщика, тоже были права собственности. У него было такое же право жить там, как и у железнодорожного барона. — Я откидываю несколько прядей волос с лица. Когда я буду дома, я заскочу в салон и снова подстригу волосы. Длинные волосы — это хорошо, и они такие красивые, но как только вы острижёте их и увидите, насколько проще становится ухаживать за ними, трудно захотеть вернуться назад.

— Эти старые денежные типы могут быть такими невежественными, не так ли? — спрашивает Крид, и Тристан насмехается над ним.

— Как будто твоя мать в буквальном смысле не является одной из причин, по которой стоимость недвижимости в Сан-Франциско зашкаливает и покупка дома слишком дорога для среднестатистического Плебея. — Тристан торжествующе вздёргивает подбородок, как будто он хорошо отработал, а я закатываю глаза и прикрываю лицо ладонью.

— Пожалуйста, не называйте обычных людей Плебеями в повседневном разговоре. В школе это всего лишь термин. В реальной же жизни это смущает.

— Хотя это мило, — говорит Зейд, перекрученное месиво из покрытых татуировками конечностей на сиденье рядом со мной. — Увидеть, как живёт другая сторона, понимаешь? Всё не так плохо, как я думал.

— Другой сторона? — спрашиваю я с лёгким смешком, и он пожимает плечами, выглядя вежливо огорчённым.

— Ну, знаешь, как простолюдины. Крестьяне. Э-э... — я бросаю на него взгляд, и он останавливается, лучезарно улыбаясь. — Ничего из этого?

— Как насчёт того, чтобы просто потренироваться говорить *люди*? — предлагаю я, и Зак улыбается так, словно думает, что у него есть преимущество перед остальными. Конечно, он ходил в школу в Лоуэр-Бэнксе, так что у него есть кое-какой уличный опыт, но он также считал приемлемым выбрать случайную девушку и поставить её на колени ради пари. Он чуть не убил меня. Это говорит мне о том, что он ничем не лучше других: по крайней мере, тогда он не считал население в целом достойным такого же уважения, как его сверстники.

— Почему ты выбрал меня? — внезапно спрашиваю я и замечаю, как Виндзор обменивается взглядом с Заком. Я заметила, что теперь они стали друзьями, даже больше, чем другие парни. Всё то время, что они провели вместе на втором курсе, пошло им на пользу.

Зак Брукс оглядывается на меня, и, похоже, ему не особенно нравится эта тема разговора.

— Мы можем вернуться к разговору о железнодорожных баронах? — шепчет он, но я просто сижу и смотрю на него. Я хочу знать правду, и чувствую, что за этим кроется нечто большее, чем случайный акт злого умысла. Когда я не отвечаю, Зак вздыхает и проводит пальцами по своим блестящим тёмным волосам. В этом году они намного длиннее, чем были в прошлом, хотя всё ещё относительно короткие. — Марни... — он бросает взгляд через плечо в сторону мисс Фелтон, но я не собираюсь вдаваться в подробности. Она, наверное, даже не понимает, о чём мы говорим. — Блять.

— Следите за языком, мистер Брукс, — говорит она, не потрудившись обернуться.

Зак закатывает глаза, глядя на неё, но затем сосредотачивает своё внимание на мне. Крид и Тристан наблюдают за ним, в их взглядах такая расчётливая острота. Зейд выглядит смущённым, а Виндзор выглядит так, словно он уже знает.

— Это было не из-за тебя самой, — отвечает Зак, глядя на меня с сожалением на лице. — Это было из-за Адама Кармайкла. Твоя мать замужем за ним, не так ли?

Краска отхлынула от моего лица, и я подалась вперёд на сиденье.

— Ты выбрал меня из-за Адама Кармайкла? — спрашиваю я, чувствуя, как на меня накатывает тошнота. Адам — тот самый парень, который позволил моей матери оставить своего маленького ребёнка на остановке у чёрта на куличках. Он подонок, настоящий подонок. А также отец сестры, которую я никогда не встречала.

— Не я, — говорит Зак с долгим вздохом. — Лиззи.

— Но почему? У Уолтонов и Кармайклов что, какая-то вражда?

— У Адама был роман с сестрой Лиззи, — объясняет Тристан таким же холодным и будничным голосом, как всегда. Это всего лишь маска, теперь я это знаю, но она чертовски хороша. — Ей тогда было всего восемнадцать, а ему... по крайней мере, за сорок. — Мой

желудок сжимается от тошноты. — С тех пор Лиззи его возненавидела.

— Значит, она выбрала меня из-за него? — спрашиваю я, и Тристан кивает.

— Я не имею ничего общего с Адамом, даже никогда с ним не встречалась.

Прямо сейчас у меня в голове всё путается, и я откидываюсь на кожаное сиденье рядом с Кридом, задаваясь вопросом, как, чёрт возьми, я должна это воспринимать.

— Мы должны были кого-то выбрать, — шепчет Зак, — а твоя сестра, Изабелла, была слишком маленькой. Мне жаль, Марни. Мне так, на хрен, жаль.

— Это замечание, мистер Брукс, — говорит мисс Фелтон, когда я закрываю глаза и кладу голову на плечо Крида, пока не засыпаю.

Если парни и разговаривают всю оставшуюся дорогу, я этого не слышу.

Весь класс третьего курса останавливается в отеле «Fairmont», который находится примерно в десяти минутах езды от симфонического оркестра, в зависимости от загруженности дорог. Это определённо роскошный отель, это становится очевидным с того момента, как я вхожу в дверь. Мы с Чарли никогда не смогли бы позволить себе остановиться в подобном месте. На самом деле, мы вообще не можем позволить себе оставаться в городе. Когда мы приезжаем посмотреть симфонию, то после этого едем домой.

— Что это, чёрт возьми, такое? — шепчу я, пока Крид отпирает дверь в комнату на верхнем этаже. Миранда прямо за мной, но остальные парни разошлись по разным комнатам, чтобы оставить свои вещи. Я остановилась у Кэботов, любезно предоставленная возможность от Кэтлин. Академия действительно предоставляет стандартные гостиничные номера бесплатно, но в номере живут по два студента, и пары выбираются случайным образом. Апгрейды стоят больших денег, но, как сказал Крид ранее: *это буквально ничего не стоит*, поэтому я ценю их щедрость больше, чем случайный шанс, что меня могли поставить в пару с Анной, Эбигейл или Мэйлин.

Представьте, что они будут делать, пока я сплю.

— Президентский люкс, — произносит Крид, зевая. Я не думаю, что он хотел проявить неуважение (хотя его, вероятно, не очень волнует пышное великолепие, окружающее нас). Он просто... ну, он всегда зевает, разваливается и облакачивается на мебель. — Твоя кровать за этой дверью, — он указывает на неё, а затем хмурится, — и, к сожалению, я вынужден делить другую кровать со своей сестрой.

— Такой огромный номер, как этот, и в нём всего две кровати? — спрашиваю я, подходя к окну и прикрывая рот обеими руками. У нас обзор города на двести семьдесят градусов. Я вижу мост Золотые ворота так же хорошо, как и Алькатрас. Это просто потрясающе. Я так взволнована этим, что, когда Крид неторопливо подходит ко мне, засунув одну руку в карман, я обвиваю руками его шею и крепко прижимаю к себе.

Миранда наблюдает за нами из гостиной, натянуто улыбаясь. Когда я заканчиваю обнимать её брата, я обнимаю и её тоже. Она смеётся и хлопает меня по спине, отодвигая на шаг назад. Однако я замечаю, что её щёки порозовели, а пульс учащённо бьётся. Может быть, она всё ещё влюблена в меня? Мои собственные щёки горят от смущения.

— Это смешно, правда? — говорит Миранда, таща свой чемодан в спальню на противоположной стороне номера. — В этой комнате могут поместиться двадцать человек, но по-настоящему вы сможете спать максимум вчетвером.

Она пожимает плечами и возвращается в спальню, закрывая за собой дверь, а я возвращаю своё внимание к стене с окнами. Единственные планы на сегодняшний вечер включают поздний ужин в ресторане внизу, но в остальном завтра мы идём на

симфонический оркестр, а в воскресенье на балет. В понедельник у нас есть целый день, чтобы осмотреть музеи.

— Знаешь, ты ей действительно нравишься, — говорит Крид, вздыхая и проводя пальцами по волосам. — Не смей разбивать ей сердце, — предупреждает он меня, подходя, чтобы встать рядом со мной, и обхватывая мой подбородок своими длинными пальцами. — И моё тоже.

Крид наклоняется, чтобы поцеловать меня, и я приподнимаюсь на цыпочки, чтобы встретить его на полпути, обхватывая пальцами его худые, но всё ещё мускулистые плечи.

Наш поцелуй обжигает каждую частичку меня, мои губы, моё сердце, мою душу. Всё усиливается, как в библиотеке, и я отстраняюсь, прежде чем Миранда сможет выйти и увидеть нас. Крид издаёт тихий стонущий звук, когда я отстраняюсь, его пальцы скользят по изгибу моей талии, пока, наконец, не опускаются рядом с ним.

Его взгляд задерживается на мне, пока я не исчезаю за дверью своей спальни, и мне приходится потратить минуту, чтобы присесть на край кровати и отдышаться, прежде чем у меня появляется достаточно душевных сил, чтобы встать и переодеться к ужину.

Каждый раз, когда они прикасаются ко мне, я чувствую, как что-то меняется внутри, в моём теле просыпается этот дикий жар, с которым я не знаю, что делать. Это почти болезненно, настолько сильно я их хочу.

Это чувство, оно не продлится долго, оно скорее полностью не разорвёт меня на части.

Мы все наряжаемся для симфонии: парни в смокингах, а девушки в длинных блестящих платьях. На мне белое платье, которое немного напоминает свадебное, я не могу жаловаться, так как украли его у Миранды. И когда я говорю *украли*, на самом деле я имею в виду, что она принесла кучу одежды в мою комнату в общежитии и заставила меня перемерить кучу всего, пока я не нашла что-то подходящее.

Симфония и, на следующий день, балет оказались такими же великолепными, как я и надеялась. Видеть арфиста на сцене было завораживающе, определённо, это то, что стоило заснять.

— Если бы я уже не решила, что хочу быть профессором, я бы серьёзно задумалась о том, чтобы сделать карьеру в музыке. — Я лежу на своей кровати рядом с Кридом, всё ещё одетая в длинное белое платье с разрезом до самого бедра, в то время как он ослабляет галстук и расстёгивает пиджак.

— Ты хочешь стать профессором? — спрашивает он, взглянув на меня. Мы тусуемся, пока Миранда принимает душ в соседней комнате, моя босоножка натывается на его блестящие чёрные туфли от Баркер, когда я шевелю пальцами ног.

Улыбка появляется на моих губах, когда я смотрю в сторону Крида, встречаясь с его пристальным взглядом из-под тяжёлых век и чувствуя, как меня охватывает лёгкий трепет.

«*Не думай о джакузи*», — говорю я себе, но, конечно, это всё, о чём я могу думать.

— Не знаю, заметил ли ты, но я довольно хорошо учусь в школе. — Я пожимаю плечами и откидываюсь на подушки. — И мне это нравится. Если бы могла, я бы стала профессиональным студентом на всю оставшуюся жизнь.

Крид ухмыляется, а затем садится, чтобы снять пиджак и небрежно бросить его на пол. Он укладывается на бок, чтобы посмотреть на меня, приподнимаясь на локте. Его взгляд скользит по вырезу моего платья, и я неосознанно поднимаю руку, чтобы подразнить пальцами ключицу.

— Разве не для этого существует аспирантура? — спрашивает он, придвигаясь чуть ближе ко мне и протягивая длинные пальцы, чтобы спустить бретельку с моего плеча. Он наклоняется и запечатлеват тёплый поцелуй на моей уже разгорячённой коже. — Просто стань врачом, и ты всё равно будешь учиться большую часть своей жизни. — Он улыбается ленивой кошачьей улыбкой и придвигается немного ближе, кладя правую руку на левую сторону моего тела так, что частично прикрывает мою верхнюю половину.

— Мне нравится академическая среда, — отвечаю я, изо всех сил стараясь контролировать своё дыхание. Учитывая то, как Крид лежит, мой естественный инстинкт — наклониться к нему, обвить рукой его шею и поцеловать. — Я хочу поехать в Борнстед, и, если всё сложится удачно, я бы тоже хотела когда-нибудь преподавать там. Я уже начала работать над своим заявлением. — Крид поднимает брови и смотрит на меня как на сумасшедшую.

— Ты уже начала работать над этим? — недоверчиво спрашивает он, и часть его ленивой беспечности на минуту исчезает. — Неужели уже настало это время?

— Это если у тебя нет бонуса от наследства, — шучу я и, ничего не могу с собой поделат, протягиваю руку, чтобы погладить гладкую линию подбородка Крида, как это делал Тристан в библиотеке. Как только эта мысль приходит мне в голову, меня обдаёт

новой волной жара, и у меня перехватывает дыхание. — И, если тебе отчаянно нужны деньги на стипендию, чтобы иметь возможность поступить туда.

Крид закрывает глаза и наклоняется ко мне, утыкаясь лицом в изгиб между моей шеей и плечом. Когда он дышит, воздух трепещет у моего пульса, лёгкий, как поцелуй бабочки.

— Моя мама говорит, что если я не улучшу свои оценки и не поступлю в колледж, то она выгонит и откажется от меня. — В его голосе звучит почти стыд, когда он признаётся мне в этом, сильнее прижимаясь ко мне носом.

— Я не думаю, что Кэтлин когда-нибудь поступила бы так с тобой, — признаю я, потому что, как бы сильно она ни была расстроена действиями Крида, она слишком сильно любит его, чтобы видеть, как он страдает.

— Ты не знаешь её так, как я. — Крид поднимает голову, чтобы посмотреть на меня, наши губы безумно сближаются. Я чувствую его дыхание на своих губах, и всё, чего я хочу — это поцеловать его. Каким-то большим, злым хулиганом он не казался. Он выглядит таким мягким и ангельским в золотом свете прикроватной лампы. — Она умна и целеустремлена... — Крид слегка морщит брови. — Как и ты, я думаю. Она упорно трудилась, чтобы получить всё, что у неё есть, и она ожидает, что мы с Мирандой сделаем то же самое. Я не могу разочаровать её.

И вот она, истинная суть ситуации. Крид отчаянно хочет быть частью своей семьи, хочет он это признавать или нет. Он боится разочаровать свою мать.

— Эй. — Я нежно обхватываю ладонями его лицо и притягиваю его чуть ближе, чтобы, когда я говорю, он мог чувствовать мои слова на своих губах. — У тебя есть я в качестве наставника, — говорю я с лёгкой улыбкой, — так что на самом деле тебе не о чем беспокоиться. Я сделаю всё возможное, чтобы привести тебя в форму. Давай начнём с этого: в какой колледж ты хочешь поступить?

Крид поднимает на меня свои глаза, его взгляд переходит от ленивой, беззаботной маски, которую он носит, к глубокому горению глаз, нежных и похотливых одновременно.

— Почему тебя так сильно волнует, что со мной случится? — спрашивает он, перемещаясь так, чтобы больше не нависать надо мной. Нет, это больше похоже на то, что сейчас он лежит на мне сверху. Я чувствую его во всех нужных местах, он зажат между моих бёдер и выглядит дьявольски красивым в этом угольно-сером смокинге. — Я обращался с тобой как с абсолютным дерьмом. Так почему же? Почему? Что во мне такого, что тебе на самом деле нравится? Большинству девушек нравятся деньги, или престиж свидания с Идолем, или, может быть, они просто хотят трахнуть меня. Но это никогда не связано ни с чем другим. Кроме... — он кладёт обе ладони плашмя на кровать и приподнимается, так что смотрит прямо на меня сверху вниз. — ...тебя.

— Ты яростно защищаешь свою сестру, — начинаю я, тяжело дыша, чувствуя, как моё сердце начинает бешено колотиться. У меня внезапно кружится голова, и я знаю, что, если бы я встала, у меня подогнулись бы колени. — И ты так сильно любишь своих родителей, что в твоих глазах появляется мука, когда ты говоришь о том, что разочаровываешь свою маму. — Я делаю глубокий вдох, когда Крид садится на колени и начинает ослаблять галстук томными, лёгкими движениями, наблюдая за мной с такой напряжённостью, которую я видела у него только во время драк. Но это не гневная интенсивность или насилие: это решимость. — Больше всего мне нравится, что у тебя хватает мужества признать, когда ты совершаешь ошибку. Многие люди никогда не усваивают этот урок, ни разу за всю свою жизнь.

Крид садится на корточки, продевает голубой атлас своего галстука в узел и бросает его на пол. Он протягивает руку с длинными пальцами и начинает расстёгивать свою накрахмаленную белую рубашку.

Я всё ещё не совсем уверена в том, что мы делаем, но мне это нравится. Миранда, должно быть, уже закончила принимать душ, верно? Но я ничего не слышу, а в гостиной между двумя спальнями темно и пусто. Крид слезает с кровати, подходит к двери, чтобы закрыть её, и прислоняется спиной к дереву. Он стягивает рубашку через плечи и позволяет той упасть на пол.

— Ты так и не сказал, в какой колледж хочешь поступить, — уклоняюсь я, приподнимаясь на локтях, чтобы получше его разглядеть. Совершенно очевидно, что я пытаюсь сменить тему, напряжение в воздухе настолько сильное, что его можно разрезать ножом.

Веки Крида опускаются, так что он смотрит на меня из этих ярко-синих щёлочек, похожих на осколки сапфира на гладком фарфоровом лице.

— Борнстед, — лаконично отвечает он, скидывая ботинки и стягивая носки.

Моё сердце, кажется, вот-вот разорвётся в груди, но мне удаётся сохранять спокойствие в голосе, когда я спрашиваю:

— Почему Борнстед?

Мгновение тишины, два, три. Крид подходит и садится рядом со мной на край кровати. Его взгляд настолько пристален, что мне трудно встретиться с ним взглядом.

— Потому что, — выдыхает он, наклоняясь и захватывая мою нижнюю губу зубами. Он засасывает её в рот на минуту, дразня языком и заставляя меня стонать. Он отпускает меня, прежде чем закончить фразу. — Туда отправляешься ты.

Крид возвращается на кровать, накрывая меня своим телом, устраиваясь между моих бёдер. Я обнимаю его и целую так, словно никогда не захочу отпускать.

Когда становится жарко и тяжело, мне в голову приходит одна мысль.

— Могу я задать тебе вопрос? — шепчу я ему на ухо, постанывая, когда он прокладывает дорожку поцелуев вдоль моей шеи, вероятно, оставляя засосы, которые мне придётся замазывать утром.

— Всё, что угодно.

Бедный Крид. Он вполне может пожалеть, что сказал это.

— Ты девственник? — слова срываются с моих губ прежде, чем я успеваю обдумать их получше, повисая в воздухе между нами, как облако, как речевой пузырь из комиксов, прикреплённый к моему большому рту.

Крид Кэбот замирает, а затем садится, глядя на меня сверху вниз, его золотистые волосы растрёпаны, а красивый рот искривлён в хмурой гримасе.

— Почему ты вообще так думаешь? — огрызается он, и я слегка съёживаюсь. Ему требуется всего минута, чтобы сообразить это, и его губы сжимаются в тонкую линию. Крид закрывает глаза и прикладывает два пальца к виску. — Ёбаная Миранда. Я никогда так сильно не хотел убить свою близняшку, как в этот момент.

— Так... это правда? — спрашиваю я, чувствуя этот странный, глупый прилив возбуждения. Но на самом деле в этом нет ничего плохого, не так ли? Просто кажется... что было бы проще, если бы мы оба были неопытны и не знали, что делаем.

— Ты и твои глупые, ослиные правила, — рычит он, поглядывая на меня так, словно не уверен, что думать или делать. — Никакой лжи, верно?

Я улыбаюсь, тронутая его внезапной неуверенностью. Это забирает всё его гладкое, отполированное совершенство и придаёт ему привлекательный маленький изъян.

— Никакой лжи.

— Чёрт. — Крид проводит пальцами по волосам, а затем поворачивается, чтобы посмотреть на меня. — Да, это правда.

Моё сердце спотыкается, падает, обдирает колено и снова встаёт. Я чувствую себя разбитой и болезненной, а мои щёки пылают жаром.

— Чёрт, — шепчу я, сдерживая смех. — А остальные знают?

Крид бросает на меня взгляд, который ясно говорит о том, что я сошла с ума, и качает головой.

— Нет, и ты ведь не собираешься им рассказывать, да? — я качаю головой, и он резко отводит взгляд, как будто ему стыдно.

— Не расстраивайся. Не то чтобы вся академия не знала, что я тоже одна из них.

Крид оборачивается, наклоняясь, чтобы снова поцеловать меня. Часть его безрассудной беззаботности исчезла, поэтому я пытаюсь вернуть её, обвивая руками его шею. Наши рты яростно ласкают друг друга, языки скользят по нижним губам, обводя края зубов. Мои ногти впиваются в обнажённую кожу верхней части его спины, а его левая рука скользит вверх по разрезу моего платья, дразня моё бедро тёплым, сухим жаром его ладони.

Наши тела работают вместе так же, как в тот день в джакузи, и вскоре мы оба стонем, трёмся друг о друга во всех значимых местах.

На этот раз, когда его левая рука скользит вдоль пояса моих трусиков и опускается ниже, я не останавливаю его. Крид держит свои пальцы на внешней стороне ткани, скользя ими по тёплому пульсирующему месту внутри меня и выводя ещё больше влаги из моего тела.

— Скажи мне, когда захочешь остановиться, — шепчет он, покусывая мочку моего уха. Но дело в том, что... Я не уверена, что хочу останавливаться. Я продолжаю попадать в подобные ситуации и задаваться вопросом, желать, нуждаться, но потом я вечно отказываю себе и в конечном итоге просто расстраиваюсь.

Нет, я не хочу останавливаться.

Эти его длинные красивые пальцы дразнят меня, пока я не начинаю задыхаться, двигая бёдрами навстречу каждому прикосновению. Крид доводит меня до полного изнеможения, мои волосы спуганы, кожа вспотела, сердце скачет, как табун лошадей. А затем, со всем своим ленивым, беззаботным совершенством, он отодвигает трусики в сторону и дразнит моё отверстие одним пальцем.

Наш поцелуй становится глубже как раз перед тем, как он проникает внутрь, до самых костяшек пальцев. Удовольствие такого рода, какого я никогда раньше не испытывала, пронзает меня насквозь, и я сильно впиваюсь пальцами в спину Крида, заставляя его застонать. Какое-то мгновение мы лежим так вместе, застыв в интимной позе, позволяя новизне ситуации овладеть нами.

А потом он начинает двигаться, медленными движениями, входя и выходя, пока я не начинаю дрожать и трепетать, желая большего. Мои губы шевелятся, но не издают ни звука. Крид тоже дрожит и обливается потом. Бусинка падает с кончика его носа и приземляется мне на губы. Я слизываю её, и он стонет, закрывая глаза, когда вводит второй палец. Тогда становится немного тесновато, но не неудобно.

Я прикусываю его нижнюю губу, втягиваю её в рот, а затем вздрагиваю, когда он

проводит большим пальцем по моему возбуждённому соску. Внезапно мне просто отчаянно захотелось избавиться от платья. Оно кажется тесным, почти сковывающим.

Раздаётся стук в дверь, и мы оба замираем. Крид бросает раздражённый взгляд в ту сторону.

— Эй. Скажи этому идиоту, что я закончила принимать душ, чтобы он мог воспользоваться ванной.

— Я скажу ему, — выдыхаю я, задаваясь вопросом, не странно ли это звучит, может ли она понять, узнает ли она.

— Окей, спокойной ночи.

Я просто могу представить, как Миранда машет рукой, направляясь в свою спальню. Вздохнув, я откидываю голову на подушки, и Крид изгибает пальцы, стимулируя те части меня, о существовании которых я даже не подозревала. Его большой палец скользит вверх по пульсирующей боли, о которой я и не подозревала, что так сильно нуждается в утолении.

Мы снова начинаем целоваться, и это всё равно, что дышать — прикасаться своими губами к его губам. Он внезапно стал мне нужен так, как я никогда ни в ком раньше не нуждалась. Мои бёдра двигаются под его рукой, пока он не ругается и не отстраняется, оставляя меня задыхающейся и испытывающей боль. Я приподнимаюсь на локтях, когда Крид, тяжело дыша, поднимается на ноги.

— Презерватив? — спрашивает он, и мои щёки вспыхивают. Тогда он останавливается и смотрит на меня, по-настоящему смотрит на меня. — То есть, если это то, чего ты хочешь. — Он просто стоит там и смотрит на меня, красивый аристократ без рубашки, с телосложением принца и надменным видом короля. Его порочный рот, одинаково хорошо умеющий оскорблять и целовать, изгибается в полуулыбке. — Я ждал этого так долго, и ты тоже. Нет смысла продолжать что-то, что кажется неправильным.

— Это кажется потрясающим, — шепчу я, чувствуя укол вины.

А как насчёт других парней? А как насчёт Зака и той милой, мягкой грусти, которую он несёт в своём большом, мускулистом теле? А как насчёт признания Зейда в библиотеке и позора, который он носил в себе целый год? А ещё есть Виндзор и Тристан... Я думаю, секс не так уж много значит ни для одного из них. Им его было достаточно, это уж точно. Нет, я хочу от них чего-то *большего*. Я хочу, чтобы меня обнимали, тискали и прикасались ко мне. Я хочу, чтобы со мной разговаривали, меня слушали... любили.

Мне нужно увидеть их уязвимость.

— Это кажется правильным. — Я сажусь и спускаю ноги с края кровати, кивая головой в сторону своего чемодана. — У меня в сумке есть презервативы.

Крид приподнимает светлую бровь.

— Как? Откуда?

Я бросаю на него взгляд, моё лицо пылает, моё тело в огне. Пылкий шторм пронесётся сквозь меня... и-и-и-и-и-и, я снова становлюсь поэтичной. Эх. Но это так верно.

— В меня швыряли презервативами, запихивали их в мой шкафчик и складывали на пороге с начала первого курса. Я девственница, а не идиотка. Я знала, что секс рано или поздно произойдёт, так зачем выбрасывать хорошие презервативы.

— В них могут быть проделаны дырки, — говорит Крид, и у меня кровь стынет в жилах от этого намёка. Это выходит за рамки издевательств, это практически сексуальное насилие.

— Нет, я храню только те, что в запечатанных коробках, — говорю я, и он кивает, наклоняется и расстёгивает молнию на моём чемодане, отодвигая в сторону несколько

смущающих кружевных розовых трусиков, пока не находит то, что ищет. Когда он встаёт и тянется к пуговице на своих брюках, я наклоняюсь и выключаю свет.

Вставая, я почти спотыкаюсь, мои ноги слабы и трясутся от всех этих новых ощущений.

Крид хватает меня за локоть и притягивает к изгибу своей левой руки. Правой он своими длинными красивыми пальцами спускает бретельки моего платья вниз, пока оно не превращается в блестящую лужицу у моих ног. Здесь темно, но городские огни отбрасывают достаточно света, чтобы я могла разглядеть очертания его прекрасного лица.

— Не пытайся разыграть меня, — шепчу я, чувствуя лёгкий укол слёз. Сейчас я сильная, но я не хочу быть сильной в чём-то подобном этому. Я хочу раствориться в настоящем моменте, а затем снова найти себя в Криде Кэботе. В этом-то всё и дело. Вот почему я ждала до сих пор, до семнадцати лет. Вот как, когда и где я хочу это сделать. — Не делай из меня ставку, Кэбот.

— Никогда больше, — рычит он, и в его голосе такая свирепость, что я вздрагиваю. На мгновение я вспоминаю татуировку сбоку на шее Зейда, а затем Крид снова целует меня. Он расстёгивает мой лифчик одной рукой, а затем помогает мне снять его. Его рука снимает тяжесть с моей груди, обхватывая её ладонью и разминая мягкую плоть. Его большой палец касается моего соска, и я дрожу.

Мы забираемся на кровать, сверкающие огни Сан-Франциско освещают наши профили, когда мы целуемся, и Крид спускает брюки и снимает их. Возникает небольшая неловкая заминка, когда мы разбираемся с презервативом и надеваем его, а потом мои трусики сползают, и у меня так перехватывает дыхание, что кружится голова.

Крид забирается на меня сверху, переплетая свои пальцы с моими и скрепляет их у меня над головой.

— Последний шанс, Марни, — шепчет он, отпуская меня одной рукой, а другую протягивая между нами. Я ожидаю, что будет немного проб и ошибок, но Крид компетентен даже в новых начинаниях. *Святое дерьмо, это происходит наяву.* Закрыв глаза, я выдыхаю и жду, когда он прикоснётся ко мне между ног не только рукой.

Медленно, почти мучительно Крид двигает бёдрами вперёд и входит в меня. В одно мгновение мы превращаемся из девственников в... не девственников. По крайней мере, в рамках одного узкого мировоззрения о том, как работает девственность. Есть так много других способов, так много других мнений, но, по крайней мере, у нас есть это, единственный прекрасный момент единения.

— Больно? — спрашивает он, его голос намного мягче, чем обычно.

— Нет, — шепчу я в ответ, и он отпускает мою руку, так что я могу обвить его шею обеими руками. Он опирается на локти, чтобы частично приподняться, но я чувствую вес его тела, вдавливающего меня в матрас, гладкие твёрдые очертания его мышц, когда он выходит, а затем скользит обратно. — Это приятное ощущение. — Мой голос хриплый, глубокий, почти незнакомый моим собственным ушам.

— Так и есть, — мурлычет Крид, утыкаясь носом в мою шею. Сначала он двигается медленно, пока мы оба не становимся скользкими от пота, а затем он двигается быстрее, глубже, жёстче. Между нами нет границ, и я чувствую, что распадаюсь на части наилучшим из возможных способов.

Мы оба издаём тихие, непринуждённые звуки, ворчание и стоны, которые сливаются воедино в темноте.

Отчаянная боль нарастает внизу моего живота, это пульсирующее движение ощущается

так приятно, что почти причиняет боль. Когда это кончается, я выгибаю спину и прижимаюсь к Криду, пока он целует меня в шею и продолжает двигать бёдрами, подталкивая меня к краю.

Я дрожу и тяжело дышу, когда он достигает своей кульминации, содрогаясь надо мной, мышцы напрягаются, как камни, прежде чем он внезапно расслабляется и падает на меня сверху.

Мы остаёмся так на несколько минут, прежде чем Крид стонет и скатывается с кровати, чтобы избавиться от презерватива, прежде чем снова присоединиться ко мне.

Я практически парализована, лежу на спине и смотрю в потолок. Вдалеке я слышу слабый вой полицейской сирены.

Крид ложится на бок, подпирает голову руками и наблюдает за мной. Он всё ещё тяжело дышит, и я вздрагиваю, когда он проводит языком по нижней губе. Честно... Я, наверное, могла бы проделать всё это сначала. Может быть, в сто раз больше. В тысячу.

— Ты расскажешь остальным? — спрашивает он, и я бросаю взгляд в его сторону. — Я имею в виду, о сексе.

— Я... — это очень хороший вопрос. Разве я сама не отчитывала их всех за ложь и недомолвки?

— Я имею в виду, что знаю, что ты пока не собираешься выбирать меня.

— Пока нет, — шепчу я, и он садится, придвигаясь ближе ко мне и убирая прядь волос с моего вспотевшего лба.

— Нет. Я пока не жду, что ты выберешь меня. Не раньше, чем я зарекомендую себя. — Он наклоняется и целует меня в губы, крепко, по-собственнически. Мои пальцы ног буквально зарываются в простыни. — А я так и сделаю, Марни. Попомни мои слова, чёрт возьми, *так и будет*.

На следующее утро я просыпаюсь, чувствуя себя немного разбитой, но полностью удовлетворённой, чего никак не ожидала. Я ухмыляюсь, как идиотка, когда сажусь и провожу руками по лицу, оглядываюсь и вижу Крида, обнажённого и похожего на ангела во сне, его нижняя половина едва прикрыта простыней.

— Эй, — шепчу я, толкая его в плечо. Он ворчит, и один прекрасный голубой глаз открывается. — Нам нужно вставать. Я думаю, мы...

Дверная ручка дёргается, а затем, пока я в шоке разеваю рот, дверь распаивается.

— Не стоит оставлять свой ключ валяться где попало, если... — начинает Миранда, а затем замолкает. Я сижу совершенно голая сверху, а рядом со мной её обнажённый близнец. О, чёрт. Чёрт. Чёрт. Чёрт. — О, боже мой, — выдыхает Миранда, роняя карточку-ключ на пол и зажимая рот обеими руками. — Ты этого не сделал. Скажи мне, что ты этого не сделал.

— Миранда, — произносит Крид, садясь и убеждаясь, что простыня прикрывает все его, гм, части тела. — Подожди.

Но моя лучшая подруга уже поворачивается и убегает, дверь в номер хлопает, когда она исчезает. Я совершенно подавлена, и мне тоже немного грустно. Я знаю, что Миранда влюблена в меня. Я знаю, что это так. И я люблю её безмерно, но просто... не в том смысле. Я не могу выбирать свою ориентацию так же, как она не может выбирать свою. Если бы я могла, она была бы моим первым выбором во всём мире.

— Чёрт возьми, — рычит Крид, вставая, а затем поворачиваясь, простыня всё ещё обёрнута вокруг его бёдер. — Я не жалею об этом. Я бы сделал это снова. Я просто...

— Иди за своей сестрой, — говорю я, и он кивает, исчезая в основной части номера.

Несмотря на то, что я одеваюсь так быстро, как только возможно в человеческих силах, Крид опережает меня, выходя из комнаты в джинсах и обтягивающей белой рубашке. Я надеваю жёлтый сарафан, туфли на плоской подошве и направляюсь в холл, натываясь прямо на широкую мускулистую грудь Зака.

— Ты в порядке? — спрашивает он, и я прикусываю губу.

Чёрт.

Я немного расстроена и совершенно потеряна в себе. Моя голова определённо витает в облаках.

— Миранда только что ушла. Я ... Я ищу её, — говорю я, когда Тристан, Зейд и Виндзор появляются из буфета, жонглируя продуктами со шведского стола для завтрака. Зейд ухмыляется и бросает мне яблоко, которое я каким-то чудесным образом ловлю.

— Что не так с Мирандой? — спрашивает Зейд, но, клянусь, и Винд, и Тристан смотрят на меня так, словно уже знают.

— Она... — я вздрагиваю, и мне приходится прислониться спиной к двери гостиничного номера, чтобы сохранить равновесие. — Она увидела кое-что, что ей не понравилось.

Зак приподнимает тёмную бровь и кладёт ладонь на дверь над моей головой, наклоняясь и одаривая меня одним из своих прищуренных взглядов. Он такой высокий и широкоплечий, и от него пахнет грейпфрутом... По моему телу пробегает дрожь, и я понимаю, что сегодня работаю с полным набором гормонов.

— Ты трахалась с Кридом, да? — спрашивает Тристан, и в его голосе серьёзно звучит безумная скука. Я не могу как следует разглядеть его из-за большой фигуры Зака, так что не могу сказать, притворство это или нет.

— Трахалась — не то слово, которое я бы использовала, — шепчу я, когда Зейд хмурится, а Зак полностью застывает с головы до ног. — Но у нас был секс, да.

— И как это было? — спрашивает Виндзор, и я клянусь, если бы я могла видеть больше, чем только его рыжие волосы, торчащие за спиной Зака, я бы, наверное, дала ему пощёчину.

— Серьёзно? — задыхаюсь я, безуспешно пытаюсь оттолкнуть Зака с дороги. Он просто стоит там, эта неподвижная гора мускулов, и смотрит на меня с какой-то грустью в глазах, которая быстро сменяется... решимостью? Он выглядит так, словно готов надрать Криду задницу. — Пожалуйста, отойди, чтобы я могла найти Миранду.

— Ты выбираешь его? — спрашивает Зак, но потом я поднимаю взгляд и смотрю в его карие глаза, и эта боль внутри меня только усиливается.

— Я никого не выбираю. Я уже говорила тебе всё это. Теперь ваша очередь осознать, что вы не всегда получаете то, чего хотите, что иногда вам приходится делиться и что у ваших действий есть последствия. Остальные из нас учатся этому в детском саду.

Я снова начинаю проталкиваться мимо него, когда он хватает меня за запястья и поднимает мои руки над головой, прижимаясь своими губами к моим в поцелуе, который бросает вызов самому времени.

В тепле его губ так много сказано: обещание бороться, обжигающий огонь и собственнические притязания, от которых меня бросает в дрожь. Он проводит языком по моей нижней губе и отстраняется, оставляя меня наедине с хмурым Зейдом.

Он протягивает мне молоко, а затем хватает меня за руку своими татуированными пальцами, когда я беру её.

— Она взбежала по ступенькам в представительский лаундж, и Крид последовал за ней. — Зейд ведёт себя так, будто собирается отпустить меня, а затем снова ненадолго сжимает хватку, глядя мне прямо в лицо, прежде чем ухмыльнуться. — Эх, я же говорил тебе, что мне всё равно не нравятся девственницы. Полагаю, теперь ты в честной игре, да?

— Не будь таким грубым, — говорю я, когда он, наконец, отпускает меня со смешком.

— Я рок-звезда, Черити, это то, что мы всегда делаем! — кричит он у меня за спиной, и мне приходится скрывать лёгкую улыбку, когда я пробегаю мимо Тристана и Виндзора. Ни один из них не выглядит особенно обеспокоенным, но я не могу решить, то ли это потому, что секс действительно ничего для них не значит, то ли они просто невероятно хорошие актёры.

Хватаясь за перила, я взбегаю по лестнице и обыскиваю представительский лаундж. Когда я не нахожу её там, я поднимаюсь на террасу на крыше и вижу, как она обмякла в кресле, а Крид стоит перед ней на коленях. Она плачет, её белокурые волосы блестящей простыней свисают по обе стороны лица, когда она вытирает свой изящный маленький носик тканевой салфеткой.

— Миранда, — говорю я, и она поднимает на меня заплаканные глаза. Я сажусь в кресло рядом с ней и протягиваю руку, чтобы взять её за руку.

— Я знала, что я тебя так не интересую, — шепчет она, когда мы с Кридом обмениваемся взглядами. — Но я... по крайней мере, раньше у меня была надежда. Даже если это был всего лишь маленький клочок. Но теперь, когда у вас, ребята, был... Боже, фу. Мне жаль, но теперь, когда вы были вместе, я знаю, что этого никогда не случится. Никогда.

— Мэнди, — шепчет Крид, и это так мило и нежно, что я почти превращаюсь в лужицу. — Мы с Марни оба любим тебя. Мы не хотели причинять тебе боль.

— Я знаю, — шепчет она, виновато глядя себе на колени. — Это просто... Я хочу, чтобы кто-нибудь смотрел на меня так, как вы двое смотрите друг на друга. — Мои щёки вспыхивают румянцем, и я заикаюсь, пытаюсь придумать правильный ответ. Действительно ли мы с Кридом смотрим друг на друга как-то по-особому?

— Миранда, тебе семнадцать, — говорит он с лёгким смешком. — У тебя достаточно времени, чтобы найти девушку, которая позаботится о тебе. Не торопись.

— Мама и папа познакомились в старших классах, — произносит она, вздыхая, солнечные лучи падают на её красивое лицо. — Ты тоже веришь в юношескую любовь. Я знаю, что ты чувствуешь к Марни. — Щёки Крида темнеют от румянца, но он вздёргивает подбородок самым возмутительно высокомерным образом, какой только возможен.

— Ты найдёшь кого-то, кто будет любить тебя больше луны, — говорит он, и это самая милая вещь, которую я когда-либо слышала в своей жизни... сказанная самым высокомерным образом из возможных. Не уверена, люблю я его или ненавижу в этот момент. Может быть, немного того и другого? — А если ты этого не сделаешь, у тебя всегда есть я. Я твой грёбанный близнец. Мы неразлучны. Ты застряла со мной на всю жизнь. Ты ведь знаешь это, верно?

Миранда кивает и вздыхает, бросает на меня взгляд, а затем пытается с несчастным видом перекинуть свои волосы. Да-да, у неё всё ещё плохо получается.

— По крайней мере, я надеюсь, что он хорошо с тобой обращался, — говорит она, и я киваю, чувствуя, что тоже начинаю плакать. — Я сказала ему, что, если он переспит с тобой и кончит так же быстро, как в горячей ванне, ты никогда его не выберешь, и он навсегда останется один.

Смех вырывается у меня из груди, когда Крид хмурится и закатывает глаза.

— Да будет тебе известно, я заставил её кончить прежде, чем кончил сам. Держу пари, ты никогда не доводила девушку до оргазма.

— Вы, ребята, определённо близнецы, — выдыхаю я от смущения. — Чертовски грубо, и я люблю вас обоих за это.

— Неважно. Если я не могу заполучить тебя, Марни, тогда ты знаешь, что я — команда Крида до конца. Просто брось этих других придурков и выйди замуж за Кэботов. Моя мама уже любит тебя.

На сердце у меня легко и головокружительно, и в то же время тяжело и больно одновременно.

Просто брось их, говорит она.

Но это не так просто; так никогда не бывает.

Зимние каникулы кажутся такими долгими без моих друзей. Они становятся для меня второй семьёй, и я уже мечтаю о ещё одном групповом празднике, подобном тому, который мы устроили на мой день рождения в боулинге. Я пишу парням каждый день, включая Миранду, Лиззи и Эндрю, и пытаюсь найти какой-нибудь способ сказать своему отцу, что у меня наконец-то появился парень.

Или... вообще-то, пять парней.

Однако он кажется намного больше, чем раньше, и я боюсь вывести его из себя, поэтому поступаю трусливо и ничего не говорю. По крайней мере, не сейчас. Я знаю, что не смогу вечно скрывать свои отношения, но, по крайней мере, в течение этих двух недель я просто наслаждаюсь его обществом. Эти маленькие моменты — играть с ним в видеоигры в гостиной, слушать, как он читает вслух «Ночь перед Рождеством», и вместе печь рождественское печенье — это то, что я запомню на всю оставшуюся жизнь.

«Уже скучаю по твоему телу», — отправляет Крид в канун Рождества, и я прикусываю губу, выключая экран телефона, пока у нас с папой не наступил один из тех неловких моментов чтения смс через плечо.

— Во сколько придёт твой друг? — спрашивает он, и затем мы оба замираем, когда раздаётся стук в дверь. Я открываю её и вижу Виндзора, закутанного в блестящее пальто с меховой оторочкой, с ухмылкой на лице, в одной руке он тащит чемодан, через противоположное плечо перекинута спортивная сумка.

— Входите, *ваше величество*, — мурлычу я (или, по крайней мере, пытаюсь, у меня это плохо получается), открывая дверь и жестом приглашая его в дом. У меня был всего один день с ребятами до начала каникул, так что я всё ещё не совсем уверена, как они все относятся к сексу. Это нечасто встречается в текстах.

— Что ж, спасибо, миледи, — с улыбкой говорит Виндзор, входя в дом и позволяя папе взять его чемодан на колёсиках. Он настаивает на том, чтобы самому перенести спортивную сумку. Может быть, он видит, каким слабым становится Чарли? Моё сердце сжимается, и я проглатываю комок в горле.

— Лучше бы это была отделка искусственным мехом, — говорю я ему, указывая на его куртку, и он улыбается.

— Дама в Париже сказала, что это мех енота. Она заверила меня, что *не стреляла этой бедняжке в голову или что-то в этом роде*. — Он подмигивает мне и ставит свою сумку на пол рядом с диваном. Я бы предложила ему комнату для гостей... если бы она у нас была. Но нет. Извините. Но у нас есть этот чудесный диван и несколько дополнительных одеял. С сияющей белыми огнями рождественской ёлкой и потрескивающим в камине огнём здесь на самом деле чертовски уютно. — Почти уверен, что это было дорожно-транспортное происшествие.

Я закатываю глаза, но, как это часто бывает с Виндзором Йорком, понятия не имею, шутит он или нет.

— Яблочный сидр? — спрашивает папа, и Виндзор наклоняет голову, протягивая руку, чтобы снять шапку и взъерошить свои рыжие волосы.

— Я бы с удовольствием, мистер Рид, спасибо вам.

— Как у вас всё прошло с вашим Гостевым Клубом? — спрашивает папа, проходя на

кухню, и я бросаю взгляд на Виндзора. Если судить по блеску в его карих глазах, он находит всё это забавным.

— Фантастически, сэр.

— Хорошо, хорошо.

Некоторое время мы слышим, как папа возится на кухне, прежде чем из динамиков раздаётся тихая рождественская музыка, даря нам минутку уединения в маленьком домике.

— Я пришёл с подарками, — говорит Виндзор, снимая куртку и указывая на огромную спортивную сумку. — На этот раз ничего столь экстравагантного, как машина, поскольку я не хочу ставить вас в неловкое положение, но я надеюсь, вам понравится то, что я выбрал.

— Если в одной из этих коробок окажутся кружевные трусики, и я открою их перед своим папой, клянусь снежками Фрости, я убью тебя.

Виндзор хихикает и подходит ко мне, обхватывая пальцами мои плечи и заглядывая мне в глаза.

— С какой стати я должен дарить тебе кружевные трусики в присутствии твоего отца? — спрашивает он, наклоняясь и запечатлевая на моих губах самый нежный, легчайший поцелуй. Это тоже похоже на поддразнивание, и в конце концов я отталкиваю его от себя, чтобы перевести дыхание. Если его и беспокоит, что я переспала с Кридом, он всё равно не подаёт виду.

— Потому что ты сказал, что собираешься это сделать... когда мы осматривали художественный музей, не меньше. Охранник услышал вас и начал хохотать. Это было чертовски неловко.

— Ну что ж, моя дорогая, — говорит Винд, садясь на диван и скрещивая ноги в коленях. Его ботинки блестят от росы на мокрой траве. Здесь, в Круз-Бэй, снега нет, по крайней мере, так близко к океану. — *Это* была шутка. Кружевные трусики — это подарок для интимных моментов. — Он лезет в карман и достаёт пару красно-черных кружевных трусиков с крошечными колокольчиками на них и бросает их в мою сторону. Я ловлю их и смотрю на слово, нацарапанное поперёк задницы.

— Непослушная? — спрашиваю я сухим голосом, приподняв одну бровь. Виндзор достаёт ещё одну пару нижнего белья из другого кармана — сколько, чёрт возьми, у него пар?! — и швыряет их тоже в меня. На них изображены ангельские крылья и слово... — Милашка? Серьёзно?

— Я подумал, что позволю тебе выбрать, — шепчет он, когда папа возвращается в комнату, и я быстро засовываю две пары нижнего белья в задние карманы.

Мы сидим с сидром и смотрим серию отстойных рождественских фильмов, я и Винд на диване, а папа в своём любимом кресле. К тому времени, когда мы готовимся ко сну, большая часть рождественского печенья съедена, а тыквенный пирог, который я купила в местной пекарне на завтра, уже был приговорён.

— Если вы будете в спальне в одно и то же время, дверь должна быть открыта, — говорит папа, вставая и потягиваясь во время зевка. — И помни: это маленький дом, и стоны проникают сквозь стены.

— Папа, — выдавливаю я, но Виндзор только смеётся.

— Да, сэр, мы это запомним, — отвечает он, когда Чарли одаривает его долгим, изучающим взглядом, а затем исчезает в своей комнате. Не проходит и пяти минут, как дверь закрывается, и мы слышим его храп. Честно говоря, наверное, понадобился бы товарный поезд, чтобы разбудить его.

— Ну что ж... у тебя есть одеяла и подушки, — говорю я, когда Виндзор откидывается на спинку дивана, закидывая руки за голову. — Тебе нужно что-нибудь ещё?

— Как насчёт поцелуя на ночь? — спрашивает он, и я замираю, глядя на него сверху-вниз, вытянувшегося во весь рост. Так и хочется забраться к нему на колени и прижаться, но... даже если папа крепко спит, возможно, это не самая лучшая идея в данном случае.

— Только один, — говорю я, но когда наклоняюсь, чтобы поцеловать Виндзора, он притягивает меня к себе, пока я не оказываюсь на нём сверху.

— Может быть, два или три. Ты же знаешь, я завидую Криду и могу быть самым настоящим засранцем, когда ревную.

— Ты не казался ревнивым, — шепчу я, и что-то в лице Виндзора становится жёстче. Он запускает пальцы в мои свежестриженные и окрашенные волосы и притягивает мою голову к себе.

— Поверь, так и было.

Наш поцелуй медленный и чувственный, на вкус как яблочный сидр. Это один из тех поцелуев, которые нелегко забыть, тот, который выжигает клеймо в памяти на всю жизнь.

Не успеваю я опомниться, как его руки оказываются у меня под рубашкой, массируя мою обнажённую спину, и я расстёгиваю пуговицы его рубашки, мои ладони скользят по гладким, твёрдым плоскостям его груди. Мы целуемся долго — после полуночного боя часов, стоящих на каминной полке, и до раннего румянца зимнего рассвета.

Моё тело горит, пульсирует и отчаянно хочет ещё раз попробовать то, что я испытала в отеле.

На самом деле это Винд отталкивает меня, его собственное дыхание становится резким и запыхавшимся.

— Тебе следует вернуться в свою комнату, пока я не сделал что-нибудь достойное этих непослушных трусиков в твоём кармане, — говорит он, и я краснею с головы до ног, заправляя выбившуюся прядь волос за ухо. Я чувствую его твёрдость, зажатую между нами, напрягающуюся в пределах его спортивных штанов.

— Например, что? — шепчу я, и взгляд, которым он меня одаривает... он такой чертовски озорной.

— Наклоню тебя над этим диваном, — шепчет он в ответ, целуя меня в губы в последний раз. — И покажу тебе, на что в спальне способен не девственник.

— Вы знали, что Крид был девственником? — я задыхаюсь. — Откуда? — Винд просто пожимает плечами и мягко отталкивает меня.

— У меня свои способы, — говорит он, наблюдая, как я встаю, а затем медленно, неохотно отступаю в сторону своей спальни.

Он — всё, о чём я мечтаю до конца зимних каникул.

Возвращение в школу в январе — это своего рода шок для моего организма. Я всегда забываю, насколько всё суматошно, как быстро возвращается реальный мир. У меня есть группа поддержки и оркестр, заявки на стипендию и курсовая работа, которая настолько тяжёлая, что я удивляюсь, зачем вообще записалась на все эти занятия. Разве я не могла просто быть нормальной и заняться гончарным делом, или живописью, или ещё чём-нибудь, *чем угодно*, чтобы облегчить свою нагрузку?

Кроме того, у меня такое чувство, будто я разгуливаю с этим захватывающим маленьким секретом в заднем кармане.

«Я больше не девственница».

Странно так думать. Ещё более странно, когда мы с Кридом находимся в одной комнате. Он постукивает пальцами по поверхности библиотечного стола, пока я пытаюсь учить его.

— Я вообще не могу думать о математике, — говорит он мне, и я впииваюсь взглядом в его высокомерно красивое лицо.

— Начни думать, если ты действительно хочешь попасть в Борнстед, — язвительно замечаю я, подталкивая планшет в его сторону. — Теперь проверь тут одну проблему. Ты допустил простую ошибку, и я знаю, что ты можешь исправить её, если постараться. — Он убеждается, что его пальцы задерживаются на тыльной стороне моей ладони, заставляя меня вздрогнуть, прежде чем он, наконец, делает то, о чём я прошу, и изучает экран.

Миранда закатывает глаза, глядя на нас с другого конца стола, и возвращается к своим домашним заданиям.

После того, как мы заканчиваем, близнецы провожают меня обратно в мою комнату, провожают в целости и сохранности и ждут, пока я запру за собой двери, прежде чем они уйдут.

Таков наш ритуал: по крайней мере двое из нашей команды — мне действительно следует начать называть нас Голубая Кровь Бёрберри, поскольку именно так сейчас начинает говорить большинство Плебеев — следуют за мной домой, ждут, пока я проверю и запру комнату, а затем отправляются обратно в Башни.

Только в конце января у меня возникнут кое-какие проблемы с этим.

Тристан и Зейд, как обычно, провожают меня и прощаются, заставляя меня пожалеть, что я совсем одна здесь, в переделанном помещении уборщика. Раньше мне это нравилось — иметь такое собственное пространство, как это. Теперь оно просто ощущается одиноким и обособленным. Иногда, когда я направляюсь в Башни, я нахожу остальных смеющимися и шутящими в коридорах, снующими в комнаты друг друга и обратно.

Я тоже этого хочу.

С другой стороны, я здесь на стипендии, так что не жалуясь. Вместо этого я смываю свои тревоги в душе, надеваю пижаму и сажусь на кровать, чтобы начать готовиться к завтрашнему тесту по статистике. Всё кажется прекрасным, пока я не слышу, как поворачивается дверная ручка со звуком открываемого замка.

Всегда было опасение, что Гарпии украдут или скопируют один из ключей главного персонала и проникнут внутрь, поэтому мы установили засов, цепочку, и у меня до сих пор хранятся те прошлогодние камеры. Если кто-то всё-таки вломится, я буду к ним строга. У меня будет видео-доказательство.

— Кто это? — спрашиваю я, направляясь к двери, чтобы посмотреть в глазок. Там нет ничего, кроме черноты. Должно быть, кто-то держал над ним руку, или же он был заклеен скотчем или чем-то в этом роде. Сделав несколько шагов назад, я направляюсь к стационарному телефону экстренной помощи, чтобы позвонить одному из сотрудников.

Мне не нравится, что всё это происходит, и даже с дополнительными замками я не чувствую себя в безопасности.

Жаль, что сегодня только четверг, иначе у меня был бы с собой сотовый.

Я поднимаю трубку и бросаю взгляд на список номеров, который заламинирован и приклеен к стене. Как раз перед тем, как я начинаю набирать номер миссис Эмбертон, я замечаю, что мелодии звонка нет. Нахмурившись, я несколько раз нажала кнопку на настенном блоке, пытаюсь заставить его включиться.

Ничего не происходит.

И тогда я замечаю, что шнур от телефонной трубки больше не прикреплен к стене.

— Блядь, — ругаюсь я, оборачиваясь и видя, что дверь уже отпёрта и отодвинута как можно дальше. Кто-то использует толстый конверт, чтобы открыть замок-засов, в то время как, предположительно, другой человек использует верёвку, которая идёт от замка-цепочки поверх верхней части двери. Она сразу же соскальзывает, и дверь распаивается, даже когда я бросаюсь вперёд и врезаюсь в неё всем телом.

Несколько других людей толкают дверь снаружи, и в конце концов я теряю равновесие и, спотыкаясь, отступаю назад, когда все девять девочек проскальзывают в мою комнату, и Мэйлин закрывает за ними дверь, закрывая все замки.

— Привет, Марни, — говорит Бекки, насмешливо глядя на меня. Они всё ещё одеты в свою униформу, все хорошенькие, накрашенные и в причудливых париках, прикрывающих их лысые головы.

— Привет, Бекки, — отвечаю я, моё сердце бешено колотится. По крайней мере, парней здесь нет, верно? Это... ну, я могу умереть, но, по крайней мере, меня не изнасилуют.

Дерьмо, моя жизнь быстро потемнела.

Я внимательно наблюдаю за ними всеми, пока они окружают меня, а затем наклоняюсь и хватаю бейсбольную битую, которая прислонена рядом с моей кроватью, резко замахваюсь ею, и попадаю Бекки Платтер прямо в бедро.

Никакого насилия — хорошее правило.

Но это неприменимо при самообороне. Я ударю бейсбольной битой каждую из этих девушек, если это поможет сохранить мне жизнь.

Бекки вскрикивает и спотыкается, и я использую момент замешательства, чтобы проскочить мимо неё, хватаясь за замки на двери. К сожалению, механизмы, которые должны были обеспечивать мою безопасность, создают обратный эффект. Слишком много замков и недостаточно времени.

Кто-то хватается за мои короткие волосы на макушке и оттаскивает назад, в то время как другая девушка тянется за бейсбольной битой. Слишком поздно. Я дико размахиваю ей в свою защиту и слышу женский стон, когда оружие попадает Анне Киркпатрик прямо в живот.

— Ты ёбаная сука, — кричит Киара, хватая битую и дёргая её так сильно, что она вылетает у меня из рук и разбивает фарфоровый чайник, который Виндзор оставил на кухонном столе. Он разлетается на куски, когда меня швыряют на кровать силой стольких рук.

От одной или двух девушек я могла бы отбиться. Но от девяти?

Я так облажалась.

— Давай поторопимся, пока не появился один из её мальчиков для игр, — говорит Илеана Тайттингер, открывая мой шкаф и доставая утюг. У каждого студента есть такой в общежитии. Мисс Фелтон любит выставлять замечания за мятую униформу. Я видела, как Крид и Зейд получали множество таких. Тристан, он предпочёл бы умереть, если бы у него была хоть одна неразглаженная складка.

— У тебя с собой бритва? — спрашивает Эбони Питерсон, и Эбигейл Фаннинг бросает что-то в её сторону. Эбони ловит его, а затем щелкает выключателем, пока Харпер включает утюг, а другие девушки, такие как Валентина Питт и Киара Сяо, удерживают меня на месте.

Я борюсь так сильно, что мне удаётся пнуть Эбони в её наманекюрённую руку. Она

роняет станок на пол, и пластиковые детали разлетается на куски. Мотор глохнет, и на мгновение воцаряется ошеломлённая тишина.

— Ты что, чёрт возьми, издеваешься надо мной? — рывкает Харпер, указывая пальцем на ванную. — Пойди найди какие-нибудь ножницы, или бритву, или, чёрт возьми, даже нож. Если мы снимем часть её скальпа вместе с волосами, для меня это не имеет значения.

Она проверяет утюг, горячий ли он, а затем хмурится. Он не должен был нагреться. Ещё нет.

Я сопротивляюсь ещё сильнее, размахивая руками и ногами. Если кто-нибудь приблизится к моему рту, я укушу. Сильно.

К сожалению, этого никто не делает.

— У меня есть бритва и немного крема для бритья, — говорит Бекки, вбегая обратно, а Илеана следует за ней по пятам. Они обе забираются ко мне на кровать и начинают втирать клубничный крем-гель в мои волосы.

— Не делайте этого, — говорю я, не особенно беспокоясь о своих волосах. Меня беспокоит всё более сильный нагрев утюга. — У меня здесь есть скрытые камеры. Что бы вы сейчас со мной ни сделали, это записано на видео. Всё транслируется в прямом эфире на мой телефон.

— Что ж, тогда это очень плохо, — произносит Харпер, постукивая по утюгу, а затем шипя. Улыбка появляется на том, что по праву должно быть очень красивым ртом. Каждый раз, когда она хмурится, эта иллюзия рассеивается, и злодей под маской принцессы поднимает свою уродливую голову. — У тебя сегодня нет с собой телефона, не так ли? И к тому времени, когда ты получишь его обратно завтра, ты будешь знать, что с нами лучше не связываться.

Бекки берёт бритву и начинает сбривать волосы по бокам моей головы. Они и так довольно короткие, но даже в этом случае одноразовая бритва не подходит для таких густых волос, и она быстро засоряется. Илеана выхватывает бритву, вытирает её о моё покрывало и пробует снова.

— Я возьму ножницы, — предлагает Валентина, направляясь на кухню и роясь в моих ящиках.

Тем временем у Харпер есть что-то в руке. Это кусок металла с короткой деревянной ручкой. На самом деле, чем дольше я смотрю на это... тем больше понимаю, что это похоже на клеймо, одно из тех, которыми владельцы ранчо клеймят своих коров.

Она замечает, что я смотрю, и поворачивает клеймо ко мне лицом.

— Тебе нравится? — спрашивает она, невинно моргая. — Мне сделали его на заказ. Здесь написано «*Работяжка*». Я подумала, может быть, мы могли бы запечатлеть это на твоём огромном лбу, чтобы весь мир знал, кто ты на самом деле. — Она хватает утюг с раскладной гладильной доски, которая хранится во встроенном настенном шкафчике, и прижимает его к моей обнажённой руке.

Боль настолько сильная, что я бью ещё сильнее, и мне удаётся оттолкнуть нескольких девушек. Хотя я этого почти не замечаю. Нет, вместо этого я погружена в эту раскалённую добела агонию покрывающейся волдырями плоти. Я начинаю плакать, даже не желая этого, так сильна боль.

Харпер убирает утюг со сгиба моего локтя и прижимает к нему клеймо, нагревая его.

Я всё ещё борюсь с другими девушками, из-за чего им чертовски сложно побрить меня наголо.

— Поторопись, Харпер. Сучка из Борделя намного сильнее, чем кажется. — Хныканье Илеаны заставляет мою голову пульсировать от подступающей мигрени. Или, ну, может быть, это ожог второй степени на моей руке. Трудно сказать.

Предводительница Гарпий, сама мисс Дюпон, забирается на кровать и осёдлывает мою талию.

Её улыбка ужасна, как будто смотришь, как аллигатор раскрывает пасть, прежде чем проглотить свою добычу целиком.

Со стороны двери доносится слабый звук, но я слишком сосредоточена на клейме, приближающемся к моему лицу, чтобы обращать на него особое внимание. Звук открывающегося замка привлекает внимание Харпер как раз перед тем, как дверь выбивают пинком.

Зак мгновенно оказывается рядом, хватая Харпер за руку и сбрасывает её с кровати с такой силой, что она падает на пол с неприятным треском, горячее клеймо падает вместе с ней и попадает ей на нижнюю губу. Она кричит от боли, когда другие парни врываются в комнату.

— Отвали от неё нахрен, — говорит Зак, хватая Бекки за запястье и яростно отталкивая её назад. Илеана и остальные отскакивают в сторону, когда Тристан входит в комнату и ставит ногу на руку Харпер, придавив её к полу.

Я всё ещё дрожу, когда Зак заключает меня в объятия, крепко прижимая к своей груди.

— Даже не смей пытаться встать, — предупреждает Тристан, сильнее надавливая на руку Харпер. Другие девочки переглядываются, как будто не могут решить, затевать ли им драку с парнями. — Нанеси один удар, и я сломаю руку твоей королевы.

— Отвали от меня нахрен! — Харпер вскрикивает, но Тристан никуда не денется, его хищная грация овладевает его конечностями, его серебристые глаза прикованы к своей цели.

Крид, Зейд и Виндзор стоят прямо за ним, рассыпавшись веером в дальнем конце комнаты.

Через несколько секунд появляется Майрон с Лиззи рядом.

— Ты в порядке, Марни? — спрашивает Зейд, тяжело дыша, его зелёные глаза расширяются, когда он рассматривает меня с кремом для бритья по всей голове и ожогом на руке. Я киваю. Я имею в виду, мне действительно не помешали бы обезболивающие и алоэ вера, но думаю, со мной всё будет хорошо. О, и лёд. Я бы сейчас убила за пачку льда.

— Я в порядке, — отвечаю я, мой голос дрожит и темнеет от боли. Зейд замечает это и хмурится, одаривая Бекки взглядом, полным чистой, неподдельной ненависти.

— Вы грёбаные идиоты, — говорит Тристан, наваливаясь всем весом вперёд, пока Харпер не кричит. — У нас есть видеозапись всего этого происшествия. Вы думаете, я ей не воспользуюсь?

— Неужели ты думаешь, что мои родители не имеют никакого влияния на персонал академии? — кричит она ему в ответ. — Я получу отстранение от занятий в школе и шлепок по запястью. Это ерунда. — Тристан вдавливая свой каблук, и она взвизгивает от настоящей боли.

— Тебе стоило бы пойти и найти своих парней — и не говори мне, что ты не трахаешься с Джоном и Грегом. У меня есть видеозапись и этого тоже.

— Подожди, ты трахаешься с Грегом? — шепчет Эбигейл, но никто не обращает на неё внимания.

— Что ты с ними сделал? — спрашивает Валентина, заламывая руки. — Где они?

— Они возвращаются домой, — растягивает слова Крид, прислонившись к дверному косяку и засунув руки в карманы. Он изображает скучающего чистокровного, но я вижу, как беспокойство морщит его лоб, когда он смотрит на меня.

— Их поймали на том, что они делились несанкционированными фотографиями обнажённых других учеников по всей школе, — произносит Виндзор, невозмутимый как огурчик. Он действительно выглядит так, будто ему, возможно, весело. С другой стороны, в глубине его глаз таится тьма, которую он больше не так хорошо скрывает от меня.

— Ты разместил фотографии обнажёнки на их телефонах? — Илеана усмехается, и Виндзор поворачивается, чтобы посмотреть на неё, приподняв брови.

— Не-а. У них уже были снимки обнажёнки. Я думаю, на этот раз они просто случайно разослали их по всей школе. И хотя у Харпер, возможно, достаточно хороших связей, чтобы избежать политики абсолютной нетерпимости к издевательствам, у Грега и Джона их нет.

Эбигейл протискивается между Зейдом и Кридом, убегая по коридору, стуча каблуками по камню.

— Пока-пока, Грег, — говорит Тристан, насмешливо помахивая одной рукой. — Пока-пока, Джон. О, к сожалению, отец Джона не будет переизбран, так что... ты тоже можешь поцеловать на прощание и будущего сенатора США, которого выбрал твой отец. Это просто день горько-сладких прощаний, правда?

— Он трахался с семнадцатилетним *сыном* своей секретарши, — шепчет Зак мне на ухо, нежно целуя меня. — Повесить их на их собственной верёвке, верно? — я прижимаюсь к нему, резко втягивая воздух.

— Не забывай о семье Грега, — говорит Виндзор, вступая в разговор.

— Нет, как же мы могли? — подхватывает Зейд, доставая сигарету и закуривая. Он неторопливо заходит в мою комнату и приоткрывает окно в ванной, ставя ботинок на закрытую крышку унитаза, чтобы можно было покурить. — Только не тогда, когда все СМИ говорят лишь о нём со всеми этими просочившимися документами. Через сколько незаконных лишений права выкупа они прошли за последнее десятилетие?

— Вы не можете так обращаться с членами Клуба Бесконечности! — Харпер рычит, когда Тристан наконец отпускает её руку, и она с трудом поднимается на ноги. Он забирает клеймо «*Работяжка*» прежде, чем она успевает до него добраться, и выбрасывает его в моё мусорное ведро. — Это против правил. Вот для чего нужны ставки. Вы не вмешиваетесь ни в бизнес, ни в политику, ни в средства массовой информации.

— Мы поспорили с вами, что сможем удержать Марни здесь, в Бёрберри, до тех пор, пока она не выпустится. Однако мы должны делать то, что является честной игрой.

— Посмотрим, — усмехается Харпер, дотрагиваясь до волдыря на нижней губе. Он начинает кровоточить, но у меня не осталось к ней сочувствия.

Она хватает Бекки и Илеану за руки и направляется к двери.

— Подожди, — кричу я, и она действительно останавливается, бросая на меня ядовитый взгляд. Я облизываю пересохшую нижнюю губу. — В прошлом году, когда я собирала информацию обо всех вас... Я узнала, что у Джона хламидиоз. Мне действительно жаль. По крайней мере, это излечимо, верно?

Глаза Харпер расширяются, и она выталкивает своих подруг в коридор. Остальные девочки следуют за ними, а Майрон и Лиззи закрывают дверь.

— У него действительно хламидиоз? — спрашивает Зак, и я киваю.

— Однажды он оставил свой блокнот лежать на земле во время футбольных тренировок,

и я заглянула внутрь.

— Хорошо, что вы перестали трахаться с девушками из Голубой Крови на первом курсе, — растягивает слова Крид, одаривая Тристана и Зейда взглядами. — Похоже, после этого началось дерьмо.

— Ну, я только что получил результаты по ЗППП. — мурлычет Тристан, и Зейд ухмыляется.

— То же самое, братан. Мы чисты. — Зейд швыряет сигарету в раковину и подходит, чтобы встать посреди комнаты, засунув руки в карманы, встречаясь своими прекрасными изумрудными глазами с моими карими. — Мы не осмеливались прикасаться к Марни, пока не были уверены.

— Игра начинается, — выдыхает Тристан, а затем делает шаг ко мне, но я не помню, что происходит после этого, потому что мне так больно, что я просто теряю сознание.

Ожог на моей руке размером с яблоко, и, по словам медсестры подготовительной академии Бёррери, это определённо вторая степень. Она отчитывает меня за то, что я была неосторожна с утюгом, звонит моему отцу и заставляет меня сидеть там, пока он хлопочет надо мной.

После того, как слухи о случившемся распространяются, отношение Плебеев меняется. Когда я иду по коридору, люди расступаются, чтобы убраться с моего пути. Если я захожу в лифт, все остальные выходят. И в настоящее время за главным столом, кроме нас, никто не сидит.

— Харпер ещё не закончила, — говорит Виндзор, откидываясь на траву и глядя в голубое небо. Сейчас февраль, и технически всё ещё зима, но сегодняшний день был необычайно красивым, солнечным и ярким, почти не чувствовалось дуновения ветерка.

Слава богу, потому что я действительно нуждалась в этом.

— Даже близко нет, — соглашается Тристан, глядя на клетчатое одеяло и корзину для пикника так, словно он никогда в жизни не был на пикнике. Чёрт, а может, и нет? Я прижимаю руку к груди, погруженный в глубокие раздумья. — Поскольку Плебеи так привыкли к тому, что у них есть три девушки-Идола, я причисляю Лиззи и Миранду твоими соратницами, — продолжает он, и я поднимаю голову, чтобы посмотреть на него, приподняв бровь.

Голова Зейда лежит у меня на коленях, и я обнаруживаю, что мои пальцы неосознанно зарываются в его волосы лавандово-пепельного цвета.

— Для меня ты единственный Идол, — бормочет Зейд, и я ухмыляюсь. Миранда и Джесси снова начали встречаться, но Джесси чувствует себя неловко, ведя себя как пара передо мной. Кажется, все знают о влюблённости моей лучшей подруги. Может быть, я была последним человеком, который узнал об этом? И, конечно, меня должны были ударить этим по голове.

— Согласен, — говорит Зак, роясь в пакете с крендельками и не сводя с меня глаз. — Я полагаю, вы трое собираетесь стать Идолами мужской команды?

Крид лениво пожимает плечами.

— Естественно.

Я не смотрю на него. Если я это сделаю, плотские воспоминания хлынут потоком, а сидеть на лужайке за домом с десятками студентов, расположившихся по всему саду, — не то место, где можно начать горячиться. Хотя, возможно, кто-то захочет сказать это Жасмин Мэй и Крису Санчесу.

— Для Внутреннего Круга у нас есть ты и Виндзор, — продолжает Тристан, и Зак ухмыляется.

— Естественно, — передразнивает он, и Тристан в ответ бросает на него прищуренный серебристый взгляд.

— Чтобы заполнить остальные ряды, я начну набирать в основном с первых лет обучения. Их не было рядом, когда над Марни издевалась, и у нас меньше шансов оказаться с лисой в курятнике.

— Как будто ты вообще знаешь, что такое курятник, — поддразниваю я, и он обращает на меня свой серый взгляд. Однако в этом есть что-то игривое, что вызывает у меня улыбку.

— Ты был женихом Харпер, — продолжает Виндзор, закрывая глаза. — Скажи мне: теперь, когда её загнали в угол, и мы взяли академию под свой контроль, что произойдёт дальше?

Тристан ничего не говорит, но в его глазах появляется отсутствующий взгляд, который мне не нравится. Я никогда не видела такого раньше. Он со вздохом смотрит на сады, а затем качает головой, и чёрные как смоль волосы мягко развеваются вокруг его лица.

— Она уже сделала много ходов — мы просто пока о них не знаем.

— Ну, она не может обвинить моего отца в том, что он спит с проститутками или употребляет наркотики: об этом знает весь мир. И бизнес моей бабушки чист. — Зейд слегка приподнимается, откидываясь назад так, что его голова оказывается, как бы на подушке у меня на груди. Я опускаю его обратно к себе на колени.

— Я полагаю, мы узнаем это на следующем официальном собрании Клуба? — Зак рискует, и Тристан резко кивает.

— И как часто это случается? — спрашиваю я, и Крид вздыхает.

— По крайней мере шесть раз в год, иногда больше, в зависимости от прихотей правления.

— В Клубе Бесконечность есть совет директоров? — недоверчиво спрашиваю я, и Крид кивает.

— Оба родителя Харпер участвуют в нём. Она крепкий орешек, который нелегко расколоть.

— Ребята, у вас действительно будут неприятности из-за всего этого? — я облизываю губы и жду ответа, но никто из мальчиков не смотрит на меня и не произносит его.

Это пугает меня.

Это меня чертовски сильно пугает.

День Святого Валентина в равной степени несёт в себе месть и романтику.

Голубокровные — и на этот раз я имею в виду нас и нашу новую команду — распространили по школе указ о том, что никто из Гарпий или парней из их компании не должен получать розы. Любой, кого поймают на их отправке, хуже Плебея.

— Такого рода политиканство просто не укладывается у меня в голове, — говорю я, отодвигая тарелку и беря свой чай со льдом. Зак, Зейд и я сидим в столовой, ужинаем и готовимся к завтрашнему дню. Вечером обычная вечеринка в саду, и теперь, когда мы сидим на тронах академии Бёрберри, у нас нет другого выбора, кроме как пойти. Или, по крайней мере, мы должны появиться.

— Нет? — спрашивает Зейд, ухмыляясь и опуская пальцы в воду со льдом. Он бросает немного в меня, а я в ответ бросаю в него немного чая со льдом. — Потому что, да ладно, столкнуть наши машины в бассейн? Это было блестяще. — Я ухмыляюсь ижимаю плечами одновременно.

— Конечно, но это же очевидно. Конечно, вы расстроитесь, если вашу машину сбросят в бассейн. Но не получить несколько роз в День Святого Валентина? И что с того?

— Вот почему ты мне нравишься, — говорит Зейд, теребя одно из своих колец в губе. — Потому что ты думаешь не так, как они. Ты даже не представляешь, как сильно такая девушка, как Бекки, жаждет внимания и одобрения со стороны других. Не получить розы на День Святого Валентина для неё всё равно что побриться налысо. Поверь мне: это сладкая пресладкая месть в её лучшей форме.

Дверь в столовую открывается, и входят другие парни, обсуждая места за столом. Крид

скользит ногой по моей ноге, и я краснею, притворяясь, что не замечаю. Прошлой ночью он прокрался в мою комнату посреди ночи, и мы... ну, он быстро повторил то, что произошло в отеле.

Он вошёл и, не сказав ни слова, задрал мою рубашку вверх и накрыл грудь руками, нежно пососал плоть и скользнул в меня со стоном, который до сих пор звучит у меня в ушах. От одной мысли об этом мои соски превращаются в мелкие камешки. Всё это так ново, вся эта физическая привязанность. Меня бросает в дрожь при одной мысли об этом.

— Какие планы на завтра? — спрашивает Виндзор, откидываясь на спинку сиденья и складывая руки на груди своей униформы. Я влюблена в красные пиджаки, галстуки в клетку и белые рубашки. Я буду скучать по ним. Опять же, форма четвёртого курса сплошь чёрная: черные галстуки, чёрная рубашка, чёрный пиджак, чёрная юбка/брюки.

— Пойти на вечеринку в саду, занять столик и выбить всю романтическую дурь из нашей новой девушки? — говорит Зейд с ухмылкой, и Зак хлопает ладонью по столу, сотрясая посуду. Все поворачиваются, чтобы посмотреть на него, его карие глаза сужаются до щёлочек, его пристальный взгляд сосредоточен на мне. Я дрожу от напряжения.

— Нет.

— Нет? — эхом отзывается Крид, и Виндзор приподнимает брови. Тристан выглядит скучающим, а Зейд — раздражённым.

— Что значит «нет»? — спрашивает парень-рокер, проводя испачканной краской ладонью по своей такой же испачканной руке.

— Я имею в виду, что я был спокойным, и я был милым, и с меня хватит. Я думал, это то, чего хотела Марни. — Зак останавливается, а затем откидывается на спинку стула, вздёргивая подбородок таким образом, что становится ясно, что он такой же член королевского двора Бёрберри, как и любой другой парень. — Но это не так. Она хочет, чтобы я боролся за неё, так что это то, что я собираюсь, чёрт возьми, сделать. Я приглашаю её на свидание, только я.

— Кто, нахрен, это сказал? — рычит Зейд, поднимаясь на ноги. Я протягиваю руку и хватаю его за локоть, и он садится, испуская поток проклятий.

— Куда ты хочешь меня отвезти? — спрашиваю я с колотящимся сердцем, зная, что всё будет хорошо. Зак заботливый. Он купил мне долбаную педальную арфу на Рождество.

— У меня есть несколько пропусков за пределы кампуса на вторую половину дня. Подумал, мы могли бы сходить в книжный магазин, и я купил бы тебе ещё несколько манг о любви этих мальчиков, которые тебе так нравятся. А потом... может быть, устроим пикник на берегу озера.

— Ты серьёзно? — спрашивает Зейд, откидываясь на спинку стула так далеко, что я боюсь, как бы он не опрокинулся. — С чего ты взял, что в День Святого Валентина Марни будет принадлежать только тебе?

— Потому что я спросил об этом первым, — отвечает Зак холодным и мрачным голосом. Он поворачивается, чтобы посмотреть на меня. — А ты как думаешь?

Я смотрю на остальных, но они ничем себя не выдают.

— Мы можем удержать вечеринку в саду, — говорит Виндзор, удивляя меня. — Ты иди. Позже будет время для других свиданий. — Зейд чертыхается, но потом просто бросает салфетку на тарелку и вскидывает татуированную руку в воздух.

— Да, конечно, мистер Богатенький и Королевский будут вести себя по-рыцарски и всё такое прочее. Отлично. Иди, развлекайся, но помни, что, когда я приглашу тебя куда-

нибудь, — ухмыляется Зейд, устремляя свирепый взгляд на Зака, — это будет чертовски намного лучше, чем грёбаный пикник.

День Святого Валентина — это обычный учебный день, завершающийся драматическим ритуалом с розами. На этот раз у меня в итоге получается огромный букет. Почти уверена, что все они от моих друзей — как бойфрендов, так и не бойфрендов, — но Зейд был прав: это действительно приятно, когда тебя хотят и ценят.

После того, как я ставлю свою разноцветную пачку роз в кувшин для воды (у меня не так уж много ваз валяется повсюду), я переодеваюсь в короткое розовое платье и белые балетки, останавливаюсь, когда выхожу за дверь, и обнаруживаю небольшую стопку подарков, ожидающих меня.

Ни один из парней не собирается уступать, так что есть что-то от каждого, кроме Зака.

— То, что я хочу тебе подарить, — говорит он, прислонившись к каменной стене рядом с моей дверью, одетый в джинсы, обтягивающую чёрную рубашку и красно-чёрную куртку Леттерман, — нельзя завернуть.

Мои щёки вспыхивают, и я облизываю нижнюю губу.

— Посмотри на себя, такой поэтичный и романтичный, — бормочу я, аккуратно складывая стопку подарков на кровать, чтобы оставить их на потом. Какое это будет удовольствие — вернуться домой! Какая девушка не захотела бы пойти на свидание со своим симпатичным парнем-футболистом, а потом вернуться к куче красиво упакованных подарков от четырёх *других* своих парней.

Я начинаю чувствовать себя избалованной.

Зак берёт меня за руку, и мы выходим на улицу, пробираясь через залитый солнцем лес к стоянке для посетителей, пока не добираемся до его оранжевого «Макларена». Он открывает двери, которые поднимаются, как в фильме «Назад в будущее», и держит меня за руку, пока я забираюсь внутрь, как истинный джентльмен.

Верный своему слову, мы заходим в книжный магазин и покупаем *яой* — да, ещё больше суперсексуальной японской манги, которая мне нравится. Мне даже больше не стыдно в этом признаваться. Зак решает пойти другим путём и в конце концов решает попробовать какую-нибудь *Юри* — версию манги «девушка на девушке». Он говорит, что на самом деле ему не нравится манга, но я ценю, что он готов попробовать.

— Я тоже не знала, что мне понравится, пока... ну, я немного почитала, и теперь это определённо мой конёк, — говорю я, когда мы возвращаемся в машину, и Зак кладёт огромную сумку с книгами на заднее сиденье.

Озеро, на котором мы устраиваем пикник, — то самое, на котором я присутствовала на своей первой вечеринке в Клубе Бесконечность, в верхней северо-восточной части кампуса. Когда мы добираемся туда, там уже накрыт стол для пикника с белой скатертью, старомодной корзинкой и бутылками охлаждённого игристого сидра.

Мои щёки вспыхивают, и я прикусываю губу.

— Слишком сладко? — спрашивает Зак, засовывая руки в карманы, но это не так, и я качаю головой.

— Не для меня, — отвечаю я, присаживаясь и обнаруживая, что в корзинку он положил все мои любимые блюда: фиолетовый виноград, салями и крекеры, хумус и крендельки, сушёные банановые чипсы и тёмный шоколад с морской солью.

Место, выбранное Заком, находится так близко к воде, что, когда я снимаю обувь, я могу окунуть в неё пальцы ног. Конечно, несмотря на то, что на улице солнечно, всё ещё

февраль, и озеро ледяное. Щебечут птицы, и деревья приятно шелестят на ветру.

— Ты же знаешь, что я не дурачусь, верно? — спрашивает он меня, вставая и пересаживаясь на мою сторону стола, так близко, что я чувствую тепло его тела.

— Я никогда не думала, что это так, — говорю я ему, но он уже качает головой.

— Нет, но... когда я увидел тебя в то утро после... — Никому из нас не нужно этого говорить: мы оба точно знаем, о чём он. *После того, как я переспала с Кридом.* — Я понял, что недостаточно старался, Марни, — продолжает Зак, хватая меня за запястье и усаживая к себе на колени. Парни часто так делают, и я позволяю им, потому что мне это нравится. Мне правда, правда нравится. — В последнее время ты спрашиваешь меня о колледже и моих планах на будущее. Но знаешь, что? Ты — мой план на будущее. Ты — то, чего я хочу.

— Зак, — начинаю я, но он поднимает пальцы и проводит ими по моей щеке. Его сердце бьётся так же быстро, как и моё. Я вижу это по биению пульса у него на горле.

— Это правда. Ты сама сказала: у нас есть всё. Мы ни в чём не нуждаемся. Но это неправда. Единственное, чего я когда-либо по-настоящему страстно хотел — это ты.

Он притягивает моё лицо к себе, а затем целует меня, вдыхая аромат сладкого винограда, его язык пробует меня на вкус так же осторожно, как я пробовала тот шоколад ранее. И звуки, которые Зак издаёт, такие мрачные и с оттенком потребности, что я задаюсь вопросом, считает ли он меня такой же утончённой, как я наш десерт.

Мы начинаем целоваться, мои руки обвиваются вокруг его шеи, пальцы играют с тонкими, мягкими волосками у основания его головы. По сути, сейчас я сижу на нём верхом и понимаю, насколько короткое у меня платье. Оно уже задирается, и я дрожу, когда прохладный ветерок проносится над озером и вызывает у меня мурашки по коже.

— Давай вернёмся к машине, — шепчет он, и я киваю, соскальзывая, чтобы он мог встать. Первое, что он делает, это отдаёт мне свою куртку. Она мне велика, но я люблю купаться во всей этой ткани с запахом Зака. — Она такая же длинная, как твоё чёртовое платье, — бормочет он, но с очень одобрительным видом.

Мы собираем остатки нашего пикника и по короткой извилистой тропинке возвращаемся к машине.

Зак скользит на пассажирское сиденье и сажает меня к себе на колени, закрывая дверцы своего оранжевого «Макларена» и запирая нас в нашем собственном маленьком пузыре. Он обнимает меня, и я наслаждаюсь ощущением силы, защищённости.

— О, Марни, — бормочет он, кладя одну из своих больших рук мне на затылок и притягивая меня для поцелуя. То, как целуется Зак Брукс, настолько отличается от поцелуев других парней, медленных, чувственных и романтических, что их невозможно подделать. Он действительно верит в такого рода вещи, в то, что к чёрту весь остальной мир, солнце-всегда-светит, розовые-облака-на-небе — своего рода романтика. Родственные души. Вместе навсегда. Юная любовь.

Я стону, когда Зак посасывает мою нижнюю губу, легчайшее прикосновение щетины на его лице щекочет меня, когда он двигает ртом вдоль линии моей челюсти и вниз по горлу, уделяя особое внимание учащённому биению моего пульса. Между моими бёдрами я чувствую, как он твердеет в своих джинсах, его куртка плавает у меня на плечах, украшенная как знаками университетского футбола, так и лёгкой атлетики.

Он задирает моё платье вверх по ногам и обхватывает мою попку.

— Давай вернёмся в академию, — шепчет он, притягивая меня к себе. Это так приятно, что я не хочу останавливаться. Но он прав. Я не готова заниматься сексом в спортивной

машине рядом с озером. Это немного новый уровень для такого новичка, как я.

— Хорошо, — отвечаю я дрожащим голосом, уже задаваясь вопросом, не сошла ли я с ума.

У меня был секс всего дважды, и ещё полтора месяца назад я была девственницей.

Я действительно собираюсь пойти домой со вторым парнем?

Я спрашиваю себя, почему это так важно. Я забочусь о Криде, и я забочусь о Заке. Если бы прямо сейчас к моей голове был приставлен пистолет, я не уверена, что смогла бы выбрать между ними, так что плохого в том, чтобы вернуться в его общежитие? Я... люблю его.

Моё тело обдаёт жаром, и я открываю дверцу, позволяя Заку вылезти, чтобы он мог сесть на водительское сиденье. Я не рассказываю ему о мысли, которая только что пришла мне в голову. Я даже не думаю об этом.

С сексом... Я справлюсь.

Но я не уверена, готова ли я ко всему остальному.

Мы с Заком молча стоим в лифте в Третьей башне, он скрестил руки на широкой груди, его брюки, гм, оттопыриваются в определённом особом месте. Он поднимает глаза к потолку и выдыхает, а я не могу удержаться от хихиканья.

— Что? — спрашивает он, приподнимая бровь. Он выглядит почти таким же нервным, как и я.

— Просто... мы. — Я поднимаю голову и на мгновение прикусываю губу, искоса поглядывая на своё отражение в зеркальной стене. Я с трудом узнаю себя с этими короткими золотисто-розовыми волосами. Единственным повреждением от атаки Гарпий было то, что они стали немного короче по бокам, чем были раньше. Миранда всё это вычистила, чтобы не было никаких неровных пятен, и я должна сказать, что, честно говоря, это выглядит даже лучше, чем раньше. — Я и ты. Мы так нервничаем.

Затем он смеётся и проводит большой ладонью по лицу.

— Это правда, — признает он, когда дверь открывается и мы выходим в холл. Я с тревогой жду, пока Зак отпирает дверь в своё общежитие и отходит в сторону, чтобы я могла войти. Он не утруждает себя включением света, вместо этого подходит к окну гостиной и раздвигает занавески. Солнце опускается за горизонт, но здесь всё ещё достаточно оранжево-золотого света, чтобы всё видеть.

— Ты... ты ведь не девственник, правда? — спрашиваю я шёпотом, задаваясь вопросом с небольшим уколом ревности, что могло бы случиться, если бы он не ушёл от меня в средней школе, если бы он остался рядом и наши отношения расцвели из семян того первого поцелуя. С другой стороны, может быть, он не был готов? Может быть, это было не так?

— Н-нет. — Зак замолкает и поворачивается, чтобы посмотреть на меня, резко выдыхая. — Но я чист. Я...

Он коротко хмурится и направляется в кухонную зону, берёт с каменной столешницы папку из плотной бумаги и протягивает её мне. — Зейд и Тристан услышали, как я говорил о проведении тестов, и они, блядь, скопировали меня.

— О, так ты подумал об этом первым? — поддразниваю я, открывая папку и просматривая страницы внутри. Мои щёки вспыхивают, когда я закрываю её и возвращаю обратно. Всё это так по-взрослому. То, что произошло между мной и Кридом, было немного... запутаннее.

— Вроде того, — поддразнивает Зак, отбрасывая папку в сторону и делая шаг вперёд.

Он кладёт руки по обе стороны от моих бёдер и прижимает меня к стойке своим телом. Его спортивный запах витает вокруг меня, как афродизиак, который побуждает меня к смелости. — Есть ли ещё что-нибудь, о чём ты хотела бы знать... какие-нибудь бывшие подружки? Потому что я хочу сказать это только один раз, а потом двигаться дальше. К чёрту их всех. Они ничто по сравнению с тобой.

— Не унижай так других женщин, — шепчу я, с трудом сглатывая. — Говорить такие вещи, как *«ты не такая, как другие девушки»* — это инструмент патриархата. На самом деле, знаешь ли ты, что в 1920-х годах...

— О, чёрт возьми, да, продолжай говорить об истории и политике, — бормочет Зак, прижимаясь ко мне бёдрами, так что я чувствую его стояк сквозь джинсы. — Это чертовски сексуально.

— Лжец, — шепчу я, но затем он наклоняется и берёт мою руку, кладя её себе на промежность. Его глаза расплавляются, когда я поднимаю взгляд и смотрю в них.

— Тебе кажется, что это ложь? — спрашивает он, и я чуть не убегаю в ванную, чтобы завизжать. Несколько раз в этом году я просыпалась, оглядывалась вокруг и задавалась вопросом, чья это жизнь. Это нереально.

— Со сколькими девушками ты переспал? — спрашиваю я, и Зак замолкает, как будто ему нужно на мгновение задуматься.

— Пять.

Я съёживаюсь, а он пожимает своими широкими плечами.

— Прежде чем всё это закончится, у тебя за плечами, возможно, будет пять парней, Марни. — Он обхватывает ладонями моё лицо и проводит большим пальцем по подбородку. Хотя он прав. На каком моральном возвышении я должен стоять и судить его? Что вообще такое мораль? И действительно ли это тот спор, который я хочу вести сама с собой, пока моя рука обхватывает промежность Зака Брукса? Нет. Нет. Определённо нет. — Что-нибудь ещё? Имена? Обстоятельства?

— Нет. — Я яростно качаю головой. — Нет, этого достаточно. Спасибо тебе.

— Могу я теперь сосредоточиться на том, чтобы заняться с тобой любовью? — спрашивает он, и моё лицо вспыхивает.

— Заняться любовью? — вскрикиваю я, когда Зак подхватывает меня на свои мускулистые руки и несёт в свою спальню. Он раздвигает шторы, чтобы мы могли полюбоваться закатом, а затем сбрасывает рубашку. Его тело — это долбаная страна чудес. Широкие плечи, тонкая талия, эти идеальные V-образные мышцы на бёдрах. У меня практически текут слюнки, когда я смотрю на него. Единственное, от чего я не большой фанат, — это татуировка бесконечности на его правом бедре.

— Занимаемся любовью, Марни. Я говорил тебе раньше и повторю это снова. Я, чёрт возьми, не стыжусь этого. Я люблю тебя.

— Прекрати, Зак, — шепчу я, но у него, похоже, нет никакого намерения делать это. Он скидывает свои ботинки и носки, а затем стаскивает с меня балетки и швыряет их об стену. Свою куртку Леттермара он оставляет на мне.

— Почему тебе так трудно это принять? — спрашивает он, заползая на кровать и замирая надо мной на четвереньках. Его карие глаза такие глубокие, что мне кажется, я могла бы упасть в них и кувыряться вечно. — Ты достойна моей любви и ещё кое-чего. Иногда я задаюсь вопросом, не пытается ли вселенная преподать мне урок, подарив тебе так много чёртовых бойфрендов. Меня недостаточно. Ты заслуживаешь всего этого.

— Зак.

Я кладу руки по обе стороны от его лица, и он наклоняется, чтобы поцеловать, пробуя мой рот на вкус медленными, лёгкими движениями, осторожно устраиваясь на мне сверху, так что наши тела сливаются воедино. Его пальцы задирают мне платье точно так же, как он делал это в машине, но на этот раз вокруг никого нет, чтобы увидеть это.

Он находит мои трусики и затем отстраняется, со стоном отрываясь от моего рта.

— Ты чертовски хороша на вкус, — шепчет Зак, стягивая розовые трусики с рисунком в виде сердечек и швыряя их на пол. Нежно, бережно он раздвигает мои колени, и моё сердце бешено колотится. Было темно, когда мы с Кридом занимались сексом. Здесь определённо не темно. Сначала мысль о том, что Зак смотрит на меня, выводит меня из себя. — Ты прекрасна, Марни. Каждая частичка тебя.

Я дрожу, когда Зак двигается вперёд, устраиваясь между моими бёдрами и пробуя меня на вкус совершенно по-другому, чем раньше.

Мои глаза наполняются слезами, и я откидываю голову на подушки, дыша так, словно пробегаю марафон, и позволяя ощущениям рта и языка Зака овладеть мной. Это так приятно, что в конце концов я зарываюсь пальцами в его волосы шоколадного цвета и цепляюсь за них изо всех сил. Он хмыкает, но не останавливается, пока я не начинаю дрожать, моё тело восстаёт против волн удовольствия.

Зак, кажется, чувствует, что пришло время, и вводит в меня два пальца, доводя меня до оргазма, который сотрясает моё тело так сильно, что я всё ещё дрожу, когда он снова приподнимается и смотрит на меня сверху вниз, как будто я самое прекрасное, что он когда-либо видел.

— Мне обязательно снимать куртку? — шепчет он, ухмыляясь, когда я качаю головой. Сейчас у меня проблемы с запоминанием собственного имени, не говоря уже о том, как составлять слова. Зак снова целует меня, лаская моё тело руками, мнёт мою грудь через ткань платья. Я позволяю своим рукам исследовать его мускулистое тело, останавливаясь, чтобы подразнить его соски. Раньше, в отеле, ему, казалось, это нравилось, так что...

С тех пор ничего не изменилось, и вскоре я слышу, как он стонет, прижимаясь ко мне, прижимаясь своим одетым в джинсы телом к моей обнажённой сердцевине.

Солнце наконец опускается за горизонт, но луна достаточно полная, чтобы всё видеть, и мы не спешим вставать и включать свет.

Через некоторое время Зак расстёгивает джинсы, а затем встаёт, сбрасывая их и боксеры на пол. Он забирается обратно ко мне на кровать и направляет мою руку к своему телу, показывая, как гладить и дразнить его, пока он не начинает двигаться в моей ладони, тяжело дыша.

— Сейчас, — шепчу я, когда моя кожа начинает гореть и болеть, как будто это удерживает мой дух внутри.

— Конечно, — бормочет он, прикусывая мою нижнюю губу и протягивая руку, чтобы открыть ящик своего прикроватного столика. У него там коробка с нераспечатанными презервативами. Хорошо. На секунду я была готова сойти с ума. Я просто вроде как предположила, что он ни с кем не спал с тех пор, как перешёл в академию... С другой стороны, я не хочу об этом знать. В любом случае, я не хочу этого знать. — Я не знаю, как вы с Кридом... — он останавливает себя, потому что чертовски сильно стискивает зубы. — Но если есть другая поза, которую ты хочешь попробовать...

— О... Эм...

Моё сердце бешено колотится, и я чувствую, что краснею, когда приподнимаюсь на локтях, а затем... ну, переворачиваюсь.

Зак посмеивается, и звук вибрирует во мне, захватывая всё моё тело, вплоть до крови и костей. Он надевает презерватив, а затем прикасается своими большими руками к моим бёдрам. Он прижимается ко мне, и я вцепляюсь пальцами в простыни. Он входит в меня не так медленно, как Крид, но мне всё равно это нравится, и у меня вырывается тихий звук.

Наши тела полностью соединяются, и я вижу вспышки звёзд.

— Я держу тебя, Марни, — шепчет Зак, начиная двигаться, и прежде чем ночь заканчивается, я не раз вздрагиваю, достигаю оргазма и разваливаюсь на части в его объятиях.

Я засыпаю, укутанная в его большие, широкие объятия, его куртка всё ещё на моих плечах, а его сердце бьётся у моей щеки.

В интернете нет руководств по этикету о том, как сказать четырём своим бойфрендам, что ты переспала с номером пять. Этого просто не существует.

— Они были в бешенстве? — шепчет Миранда, широко раскрыв глаза, пока я сижу на диване в их с Кридом квартире, гадая, когда он вернётся, чтобы я могла увидеть его, прежде чем вернусь в свою комнату.

— Я просто... Я не понимаю, как это работает, — говорит Лиззи, слегка морщась, её упругие локоны собраны в высокий хвост. Она сидит на полу и крутит ложечкой в контейнере с мороженым. — Наверное, я слишком ревнивый тип. Я никогда не смогла бы делиться.

— Я тоже, — говорю я, виновато пожимая плечами. Я подтягиваю колени к дивану и обхватываю их руками. — Но я и не обязана этого делать. Им не разрешается встречаться с кем-либо ещё, вот как работает наша договорённость. Я сказала им, что это их наказание за всё то, что они со мной сделали. В кои-то веки в их избалованных, привилегированных маленьких жизнях они не могут иметь всё именно тогда и так, как они этого хотят.

— Мне кажется, ты изменила Крида к лучшему, — заявляет Миранда, и в её взгляде появляется мягкость, которая со временем становится всё мягче. Чем больше времени она проводит с Джесси, тем меньше смотрит на меня так. Не то чтобы я возражала. Я просто... безответная любовь — отстой.

Я невольно смотрю на Лиззи, и её янтарные глаза встречаются с моими.

Может быть, любовь Тристана вознаграждена? Я понятия не имею. Мы нечасто говорим о Лиззи.

— Итак, — начинает Миранда, и я вскидываю голову, чувствуя приступ грубости, готовый сорваться с её прелестных губ, — вы с Тристаном когда-нибудь спали вместе?

— Мэнди, — выдавливаю я, но она отмахивается от меня. Она только что съела одну из шоколадных конфет, которые я получила от Зейда в первый год обучения. Я ещё ни одной не пробовала, но Миранда нашла их в моих вещах и съела одну примерно... сорок пять минут назад. Почти уверен, что действие ТГК уже начинает сказываться.

— Всё в порядке, мы все подруги, — говорит она, и Эндрю отрывает взгляд от экрана своего телефона. — Что? Ты тоже мог бы стать девушкой, если бы перестал подлизываться к своему отцу и просто сказал ему, что хочешь трахнуть Гэри Джейкобса.

— Я не готов к этому, но ладно, спасибо, — отвечает Эндрю, закатывая глаза, а затем бросает взгляд на Лиззи. — Знаешь, ты не обязана отвечать на её вопрос.

— Знаю, — шепчет Лиззи, оглядываясь на меня. — Но всё в порядке, я не возражаю. Нет, у нас с Тристаном никогда не было секса. Мы поцеловались, но... в общем, это всё.

Моё сердце воспаряет, хотя я чувствую себя полной идиоткой, и я делаю всё возможное, чтобы подавить свои эмоции. Делали они это вместе или нет, не имеет никакого отношения к моим чувствам к Тристану.

Не знаю, почему я заикливаюсь на этом. Я только что обсудила это с Заком.

Прошлое не имеет значения, кроме как как урок истории, серия ошибок, на которых нужно учиться. Нас определяет настоящее, а в будущее мы смотрим с надеждой. *Снова становлюсь поэтичной.* Я поискала это в Интернете, знаете, спонтанная словесная рвота в мозгу, и симптомом номер один, который постоянно всплывал, была любовь. Снова, и снова,

и снова...

В отчаянии я швырнула свой телефон об стену и чуть не разбила его.

— Значит, они не разошлись? — спрашивает Миранда, возвращая нас по кругу к началу разговора.

— Ревновали, наверное, — отвечаю я, думая о стиснутых челюстях Зейда. — Но не злились на меня. Скорее, друг на друга.

— Хотела бы я, чтобы у меня был целый гарем девушек, дерущихся из-за меня, — говорит Миранда с тоскливым вздохом как раз перед тем, как открывается дверь и входит Крид. Он видит, что я сижу там, и снимает свой красный академический пиджак, одаривая меня той бесцеремонной ухмылкой, которую я раньше ненавидела, но теперь жажду с неистовством, которое не могу объяснить.

— Ты пришла, чтобы трахнуть меня? — спрашивает он, дерзко подмигивая, неторопливо подходя и раскладывая своё длинное, бескостное королевское тело на диване между мной и Лиззи.

— Нет. А ты проснулся с решением быть сегодня мудаком? — спрашиваю я, но всё, что получаю в ответ, — это пара голубых глаз с полуприкрытыми веками и бешено колотящееся сердце. — Мы только что обсуждали то, что произошло между мной и Заком. — Крид хмурится, но ничего не говорит. Как он может? В прошлом году он из кожи вон лез, чтобы выставить девушек напоказ передо мной, просто чтобы заставить меня чувствовать грусть, одиночество и ревность.

И я делаю всё это не для того, чтобы заставить его чувствовать себя плохо.

Хотя... Я начинаю понимать.

Как долго я могу встречаться со всеми этими парнями, не причиняя им вреда?

Как я могу выбрать одного из них, не уничтожая остальных?

Это не тот вопрос, на который мне не терпится найти ответ.

Весенние каникулы дают мне ещё один шанс поговорить с Чарли о моих новых парнях. Я планирую это, но, когда возвращаюсь домой, первое, что он делает, это говорит мне, что перевёл своё лечение из медицинского центра семьи Харпер... куда-то ещё.

Первый, кому я звоню в панике — Виндзор, прячась в углу моей комнаты возле шкафа и надеясь, что папа не услышит, как я разговариваю по телефону.

— Винд, он меняет лечебный центр, — выдыхаю я прежде, чем принц успеет поздороваться. Последовала долгая пауза и медленный непринуждённый смешок человека, который знает, что ему принадлежит весь мир.

— Да, я знаю. Я собирался поговорить с тобой об этом, когда заеду.

— Заедешь? — спрашиваю я, и Винд снова смеётся.

— Мне негде остановиться на весенние каникулы, поэтому я подумал...

Я прищуриваю глаза и прислоняюсь спиной к стене. Это типичное поведение Виндзора Йорка прямо сейчас, он ведёт себя невинно, в то время как на самом деле на протяжении какого-то времени всё просчитывал.

— Ты думал, что останешься здесь снова? — я смотрю на себя в зеркало на туалетном столике в другом конце комнаты, в свои большие, распахнутые карие глаза, полные страха за Чарли. Я не могу потерять его. Я, чёрт возьми, не могу потерять своего отца, иначе эта сияющая новизна, которую я чувствую, находясь рядом с парнями, просто превратится в унылый фоновый шум. Весь мой мир развалится на части.

— Только, если ты не против, — говорит он, и я слышу скрип матраса, когда он

устраивается поудобнее. — Я собирался сказать тебе, что, несмотря на правила Клуба, я не доверяю Харпер и её семье. Я перевёз твоего отца в ещё лучшее медицинское учреждение, которым владеет подруга моей матери.

— Ты поменял лечебный центр моего отца, не сказав мне? — спрашиваю я, и наступает долгая-предолгая пауза. Я не злюсь, в общем-то, но это прекрасный пример того, почему, хотя я доверяю Винду, я просто... не знаю, что к нему чувствовать. С одной стороны, я в приподнятом настроении, но с другой, мне просто жаль, что он не посоветовался со мной.

— Это было сделано в последнюю минуту, — произносит он внезапно уставшим голосом. И это странно. Потому что Виндзор Йорк никогда не устаёт. — Я не хотел помешать тебе принять решение вместе с твоим отцом, я просто... перегружен и пытаюсь добиться успеха без сбоев в программировании, если ты понимаешь, что я имею в виду.

— Ты? — я задыхаюсь. — Ты перегружен?

— Такое случается раз в жизни, — отвечает он, возвращая в свой голос часть обычной королевской уверенности. — Знаешь, за кулисами Клуба Бесконечности происходит много всякой ерунды. Когда ты, наконец, согласишься выйти за меня замуж и присоединишься к нам, ты сама всё узнаешь.

— Я скорее умру, чем вступлю в этот Клуб, — весело говорю я, и Виндзор смеётся.

— Я так и думал, любовь моя. Вот почему я присоединился к тебе.

Повисает долгая пауза, пока я с облегчением сползаю по стене и прислоняюсь к ней головой. О папе всё ещё заботятся. Хорошо. Это хорошо. Выглядит он неважно, но клянётся, что эта новая настойка, которую постоянно приносит миссис Флеминг, творит с ним чудеса. По крайней мере, он кажется счастливым.

— Ты можешь прийти и поужинать с нами в пятницу, — говорю я Винду, уже отчасти жалея, что сегодня не пятница, чтобы я могла его увидеть. Он делает меня счастливой, когда он рядом. Даже если он странный и совершает сомнительные поступки, у него есть харизма, действующая как наркотик. Я просто хочу большего. — Принеси немного того игристого безалкогольного сидра для моего папы — он любит пузырьки.

— А тебе? Ещё одну пару трусиков?

— Если ты принесёшь их, я не буду их надевать, — язвительно замечаю я, а потом, когда он замолкает, понимаю, как это прозвучало.

— Хорошо. Я принесу несколько пар, и, может быть, ты сможешь несколько дней обходиться без трусиков.

Виндзор вешает трубку, прежде чем у меня появляется шанс ответить каким-нибудь (возможно, не очень) остроумным подшучиванием в его адрес.

Виндзор Йорк появляется с гигантской деревянной коробкой, полной модных безалкогольных сидров со всей Калифорнии, от которых у моего отца практически текут слюнки.

— Его я люблю больше всех остальных твоих друзей, — шепчет он, открывая на кухне и проводя пальцами по этикеткам на бутылках. Я стою там какое-то мгновение, глядя на спину Чарли, а затем — поскольку Виндзор обладает этим волшебным качеством вытягивать из людей честность — я просто выпаливаю это.

— Я встречаюсь с ним.

Папа делает паузу, а затем оглядывается через плечо, моргая, чтобы скрыть своё удивление, прежде чем повернуться ко мне лицом.

— Правда? — спрашивает он, и я киваю. Папа протягивает руку, чтобы поправить

шляпу, и свистит. — Ладно, ух ты. Я имею в виду, я этого не ожидал, но он кажется вежливым и ухоженным, и, по крайней мере, он не хулиган. — *О, папа, если бы ты только знал: Виндзор Йорк — задира из задир. Ему нравится причинять боль людям, которым нравится причинять боль другим. Я имею в виду, это не так плохо, как то, что делают Гартии, но всё же...*

— Ты не... злишься? — спрашиваю я, и папа одаривает меня такой мягкой, милой улыбкой, которая пугает меня. Я не хочу видеть таких улыбок, улыбок, которые говорят, что *однажды меня здесь не будет, так что тебе нужно учиться у меня, пока ты можешь.* Я ненавижу это.

— Мишка-Марни, тебе исполнится восемнадцать меньше чем через полгода. У тебя отличные оценки, амбиции, о которых такой парень, как твой старик, мог только мечтать, и светлое будущее. Если тебе нравится этот парень, я доверяю твоему суждению. Кроме того, ты уже далеко прошла тот этап в своей жизни, когда я могу контролировать каждую мелочь, которую ты делаешь.

Я улыбаюсь ему, и он улыбается в ответ. Когда мы обнимаемся, я чуть не выбалтываю всё остальное, о других четырёх парнях. Но тут дверь ванной открывается, и шаги Виндзора замирают на пороге кухни.

— Я могу чем-нибудь помочь с ужином? — спрашивает он, закатывая рукава своей бело-голубой рубашки в тонкую полоску. Его рыжие волосы на макушке теперь немного длиннее, и они у него взъерошены и выглядят сексуально. — Может быть, я мог бы налить вам стакан сидра, и вы могли бы посидеть снаружи и расслабиться? — Виндзор приподнимает свои рыжие брови, и мой отец бросает на него взгляд типа *«Я впечатлён, сынок»*.

— Это было бы... на самом деле потрясающе, — говорит Чарли, хрипло посмеиваясь, указывая на всю еду, разложенную на кухонной стойке. Сегодня мы ходили по магазинам за нашим любимым овощным рагу, и нам нужно многое нарезать. — У меня был долгий рабочий день, и я бы с удовольствием взбодрился.

— Считайте, что ваш ужин готов, — произносит Виндзор, и папа слегка подмигивает мне, подходя к раздвижной стеклянной двери, открывает её и выходит на тёплое весеннее солнце.

— Ты знаешь, как готовить овощное рагу? — спрашиваю я, и Виндзор переводит на меня взгляд своих карих глаз, подходя и становясь передо мной, когда я прислоняюсь спиной к стойке. Он кладёт руки по обе стороны от меня и хватает развязавшиеся завязки моего фартука, превращая их в маленький симпатичный бантик, прежде чем его лицо озаряется лёгкой бесцеремонной улыбкой, и он прижимается губами к моей щеке.

— Я подумал, что ты будешь шеф-поваром, а я твоим су-шефом. В конце концов, я не возражаю против небольшой игры с властью. Приручи меня, госпожа. — Он целует меня так нежно, что я почти задаюсь вопросом, не воображаю ли я это, отстраняясь, а затем роется в кармане своих белых шорт в поисках пары новых трусиков, которые он протягивает мне. На этих написано *«Принцесса»* на ягодицах. Мои глаза сужаются до щёлочек. — Итак, ты обещала, что будешь без белья, если я принесу их с собой. И помни, это были твои правила: никакой лжи.

— Ха. — Я показываю ему средний палец и, отнеся трусики в свою комнату, возвращаюсь на кухню, где нахожу Винда в папином фартуке, наливаю щедрый стакан сидра и делаю глоток. Он вздыхает, а затем наливает второй стакан, чтобы отнести Чарли на

улицу. Когда он возвращается и закрывает раздвижную дверь от жары, я бросаю на него взгляд. — Ты готов к работе? Потому что хорошая еда не готовится сама по себе, несмотря на то, что ты, возможно, думал в детстве. Люди на самом деле работают за кулисами на этих кухнях.

— Нет, о чём ты говоришь, — говорит Виндзор, с вызовом прищуривая на меня глаза. — Ты же знаешь, я никогда не отступаю от борьбы. Направляйте меня, миледи.

Мы вместе нарезаем всё самое вкусное: картофель, грибы, сельдерей, лук, морковь, чеснок, розмарин, тимьян и помидоры, — а затем отправляем всё это в кастрюлю тушиться. После этого у нас есть немного времени, чтобы расслабиться, и папа сейчас разговаривает по телефону со своим другом Маком из колледжа, так что мы направляемся в мою комнату, и Виндзор сразу же устраивается поудобнее на моей кровати.

Он хлопывает по месту рядом с собой, и, хотя я не совсем уверена, что это хорошая идея, я сажусь.

Он обнимает меня рукой за талию и прижимается носом к моей спине.

— Спасибо тебе за то, что ты всё время приглашаешь меня к себе, разрушая своё личное время с папой. — Он произносит эти слова, касаясь моей обнажённой кожи, его губы чувственно скользят по маленькой обнажённой полоске плоти между верхом моих спортивных штанов и низом майки.

— Есть ли причина, по которой тебе нравится приходить сюда? — спрашиваю я, гадая, похожа ли его ситуация на Тристана, убегавшего от жестоких родителей или что-то в этом роде.

Виндзор садится, опираясь на локоть, и смотрит на меня радужками с золотыми, зелёными, серебряными, коричневыми и янтарными крапинками. Как будто все цвета в мире заключены в этих глазах.

— Мне просто нравится проводить с тобой время, — говорит он мне, и моё сердце колотится так сильно, что кажется, у меня начинается икота. — И мне нравится твой папа. Мой мёртв. Иногда я скучаю по нему. — Винд замолкает, а затем садится, притягивая меня в круг своих объятий, пока мы не прижимаемся друг к другу так, что Чарли, возможно, не понравилось бы это, если бы он увидел.

А ещё... это так приятно, что я говорю себе, что ещё одна минута или две не повредят. Когда папа разговаривает по телефону с Маком, они иногда могут разговаривать часами.

— Ты взял с собой свой чемодан, — произношу я и чувствую, как Виндзор улыбается мне в шею.

— Я снова остановлюсь в том ужасном отеле типа «постель и завтрак», с привидениями и плохим обслуживанием клиентов.

— У них не плохое обслуживание клиентов, просто они не целуют ваши задницы, — отвечаю я, чувствуя раздражающую потребность защитить отель в Бэйсайде от этого избалованного маленького богатого ребёнка. — Но насчёт призрака — это правда. В 1902 году женщина...

Виндзор поворачивает мою голову ровно настолько, чтобы наклониться вперёд и поцеловать меня через плечо, опуская обе руки на мои груди и сжимая их достаточно сильно, чтобы заставить меня застонать.

Он внезапно отодвигается, отпуская меня и резко выдыхая, как будто даже он сам не совсем осознавал, что делает.

— Чёрт возьми, Зак прав. Ты начинаешь говорить об исторических фактах, и это

просто... должно быть, из-за страсти в твоём голосе. — Впервые в жизни голос Виндзора звучит немного удивлённо.

— Винд, — начинаю я, потому что у меня болит сердце. Я оборачиваюсь, чтобы посмотреть на него, и вижу это. Это было там всё время, с самого первого момента. Он был моим другом с тех пор, как переступил порог кампуса академии, но он также был влюблён в меня. По-настоящему. — Тебе вообще разрешается встречаться с крестьянскими девушками?

Он приподнимает рыжую бровь, а затем протягивает руку, чтобы откинуть прядь моих волос назад.

— Я же говорил тебе: я, наверное, наименее зажатый обязательствами парень из всех, с кем ты сейчас встречаешься. Миледи, подумайте об этом: выходите за меня замуж.

— Перестань шутить, — говорю я, хлопая его по груди и вздыхая. — Даже если бы я была заинтересована в том, чтобы когда-нибудь выйти за кого-нибудь замуж, сначала я поступлю в колледж. Борнстед, если смогу.

— Я попрошу свою мать написать тебе рекомендательное письмо, — рассеянно говорит Виндзор, но, несмотря на то, что я действительно взволнована такой перспективой, я не уверена, что смогу принять его. Нет, я хочу добиться этого своими собственными заслугами. Винд замолкает и, кажется, замечает выражение моего лица. — Или, по крайней мере, позволь мне помочь оплатить твоё обучение. Твой ум просто великолепен, любовь моя. — Он протягивает руку и прикасается пальцем к центру моего лба. — Однажды ты совершишь великие дела.

Я улыбаюсь, а затем слышу, как звенит стеклянная крышка на кастрюле, и встаю с кровати, чтобы пойти и проверить, всё ли в порядке.

После того, как рагу готово, мы с Виндзором сидим на улице с Чарли, и я очень небрежно предлагаю принцу остаться с нами до конца недели, чтобы мы все вместе могли сходить на рыбалку и, может быть, попробовать ещё раз сыграть в боулинг. Винд говорит, что ему нравится тяжёлая игра, верно? А мой папа — босс, когда дело доходит до боулинга.

Как ни странно, Чарли соглашается (хотя правило открытых дверей всё ещё действует), и Винд так органично вписывается в нашу маленькую семью, что я почти забываю, что в академии меня ждут ещё четверо парней.

Почти.

Крид и я сидим в беседке на заднем дворе. Он учится как сумасшедший, а я просматриваю свой список мести и вычёркиваю имена. Я здесь на случай, если понадобится ему, но в последнее время он старается так усердно, что я не думаю, что у него возникнут проблемы с получением всех оценок «А» и «В» на своих занятиях.

«Я надеру тебе задницу, Тристан Вандербильт», — думаю я, глядя на имена в блокноте, который я у него украла.

Месть Голубокровным из Бёрберри

Список, Марни Рид

Гарнии Девушки: Харпер Дюпон, Бекки Платтер и Илеана Тейттингер

Компания Закадычные друзья: Анна Киркпатрик, Эбони Питерсон, Грегори Ван Хорн, Эбигейл Фаннинг, Джон Ганнибал, Валентина Питт, Сай Патель, Мэйлин Чжан, Джалеи Доннер, Киара Сяо и Бен Трешер.

Плебей

После минутного тщательного обдумывания я решаю, наконец, вычеркнуть Плебеев из своего списка. Во-первых, мы полностью захватили власть в академии, и теперь мне поклоняются как Идолу. Если это не считается мстью, то я не знаю, что это тогда. Во-вторых, прощение — это цель моего путешествия, и я никак не могу найти всех идиотов, которые подбрасывали презервативы на мой порог или писали краской из баллончика оскорбления на моей двери.

Итак, я вычёркиваю их, и это чертовски освобождает меня.

Я также рада видеть, что Грег и Джон терпят неудачу. Они исчезли из Бёрберри — навсегда. И на фотографиях обнажёнки, которые были распространены, были изображены как девочки, так и парни из их собственной группы. Поговорим о двойном ударе.

Тем не менее, в этом списке много имён, и даже несмотря на то, что они получили свою небольшую долю мести, я не вычёркиваю их до тех пор, пока они либо не исчезнут, либо я больше не буду воспринимать их как угрозу.

Харпер и Компания, безусловно, по-прежнему представляют угрозу.

— Готово, — говорит Крид, придвигая ко мне свой планшет, чтобы я могла проверить его ответы.

Каждый из них правильный, и я смотрю на него с ухмылкой. Он одаривает меня ленивой улыбкой домашнего кота в ответ, и прежде чем я успеваю сообразить, что к чему, я оказываюсь у него на коленях и целую его так, словно от этого зависит моя жизнь. Я бы хотела делать это каждый день, пожалуйста, и спасибо вам.

— Привет, — говорит Зейд, тяжело дыша, подбегая к нам, наклоняясь и на мгновение кладя руки на колени, чтобы перевести дыхание. Он поднимает свои зелёные глаза, чтобы посмотреть на нас двоих, и на мгновение в его глазах мелькает тень ревности, прежде чем он её прогоняет. — Подумал, что вы, ребята, возможно, захотите посмотреть на то, что происходит во внутреннем дворе.

— Что происходит? — спрашиваю я, и Зейд улыбается и подмигивает.

— Помнишь, что я говорил о Майроне? Что ж, Тристан послал его вынюхивать неприятности, и он их нашёл.

Крид и я обмениваемся взглядами, а затем мы оба встаём и следуем за Зейдом в здание

часовни, по коридору и выходим через парадные двери во внутренний двор. Когда мы добираемся туда, толпы нет, только пара девушек и парень в штатском, пара водителей загружают их чемоданы. Только подойдя немного ближе, я узнаю этих троих: Анну Киркпатрик, Эбони Питерсон и Сай Патель.

Тристан стоит там, скрестив руки на груди, Лиззи рядом с ним (почему?!), а Майрон с другой стороны от неё. Они все оглядываются на меня, когда я подхожу и встаю рядом с Тристаном.

— Что происходит? — спрашиваю я, сжимая в руке свой список. Я ни за что не оставила бы его там, чтобы какой-нибудь случайный Плебей — или, что более важно, Харпер — нашли его. Конечно, в этом нет ничего предосудительного, но я всё равно не хочу, чтобы это попало не в те руки.

— Попались на том, что покупали и платили другим за выполнение их курсовых работ, — отвечает Майрон, и я думаю, что, возможно, это первый раз, когда он обращается непосредственно ко мне. — Их исключают. Очевидно, это продолжается с первого курса. — Он ухмыляется, и я вижу темноту на его лице, из-за которой даже Тристан выглядит как котёнок. Однако у меня такое чувство, что Зейд говорил не только о детективных навыках этого парня, когда предупреждал меня о нём.

В каждой черте Майрона Тэлбота запечатлено насилие.

Я предполагаю, что единственное, что держит его в узде — это Тристан Вандербильт.

— Их исключают? — повторяю я, и Тристан улыбается, поглядывая на меня.

— Выносим мусор, по одному за раз. — Он поворачивается ко мне, а затем наклоняется, проводит пальцем по моей ключице, и у меня перехватывает дыхание. — В следующем году я не хочу, чтобы ты о чём-нибудь беспокоилась. Мне всё ещё нужно поработать над Харпер, но для этого всегда есть целое лето.

— Это не значит, что мы не можем закончить список в следующем году, — говорю я, морща лоб и бросая на него взгляд. Тристан кладёт руку мне на макушку, взъерошивает мои волосы совершенно не в стиле Тристана, а затем поворачивается, чтобы направиться к Третьей башне. Лиззи плетётся за ним, одаривая меня полуулыбкой, когда проходит мимо, и, честно говоря, я испытываю облегчение, видя, что Майрон идёт с ними.

— Мне не нравится этот парень, — говорит Зак, появляясь со стороны здания часовни вместе с Виндзором рядом с ним. Глядя на него, мне всё ещё с трудом верится, в то, что было, что он опустил на меня, что он скользнул в меня сзади. Его карие глаза устремляются в мою сторону, как будто он точно знает, о чём я думаю, и находит это забавным.

С трудом сглотнув, я засовываю пальцы в карманы своего блейзера и пытаюсь вести себя непринуждённо.

— Майрон? — спрашиваю я, и Зак кивает.

— Не беспокойся о нём, — растягивает слова Крид, пренебрежительно махая рукой. — Он любимчик Тристана. Я буду беспокоиться только в том случае, если наш прославленный король спустит его с поводка, — он вздыхает и смотрит на меня сверху вниз, склонив голову набок, когда я поднимаю свой список и смотрю на него. Ещё три имени нужно вычеркнуть. Фантастика. — Уже темнеет. Может быть, нам стоит собрать наши вещи и вернуться ко мне домой, чтобы закончить?

— Верно, — рычит Зак, когда Виндзор, прищурившись, смотрит на них обоих. — Ты просто хочешь, чтобы она пришла позаниматься? Я называю это чужью собачьей.

— Почему бы тебе не позволить нам с Марни волноваться об этом? — спрашивает Крид, когда Зейд хмурится и протягивает руку, чтобы взъерошить волосы. Они снова цвета морской волны. Он покрасил их как-то во время весенних каникул и появился с ними в таком виде. Почти уверена, что я взвизгнула и обвила руками его шею. Теперь я как бы привязалась к этому цвету.

— Как насчёт того, чтобы Марни поднялась со мной, и мы, наконец, сделали это? — говорит Зейд, закуривая сигарету и подмигивая мне. Он отскакивает в сторону, когда я пытаюсь оторвать её от его губ, и я вздыхаю. Я упираю руки в бока и смотрю на него. После нескольких затяжек он драматично вздыхает, а затем передаёт её мне, печально наблюдая, как я тушу её о каменную поверхность, а затем выбрасываю. — Ты такая мерзавка, — бормочет он, но произносит это так нежно, что меня это не беспокоит.

— Сейчас я возвращаюсь в свою комнату, — говорю я им всем, приподнимая бровь. — Я собираюсь почитать кое-что из своей бестолковой манги, а потом вздремнуть. Ни у кого из вас не должно быть времени на секс, особенно когда экзамены не за горами. Третий курс — самый важный, когда речь заходит о поступлении в колледж, и я поеду в Борнстед, даже если это меня убьёт.

Я пытаюсь перекинуть свои волосы, терплю неудачу, а затем неторопливо удаляюсь на своих блестящих каблуках и надеюсь, что выгляжу чертовски сексуально.

Наверное, нет, но, знаете, попробовать стоило.

Несколько недель спустя, когда я всерьёз чувствую, что мне больше нечего отдать монстру, которым является жестокий учебный график Бёрберри, я нахожу Зейда спящим в библиотеке. Он лежит лицом вниз на своём блокноте, ручка всё ещё свободно зажата в его татуированной руке. Я осторожно вытаскиваю её и собираю для него его вещи.

Затем я осторожно трясую его за плечо, пытаясь разбудить.

— Он в отключке? — спрашивает Миранда, посмеиваясь у меня за спиной. Но даже её смех стал менее качественным. Мы все так устали, подавлены, испытываем стресс. Я не знаю, смогу ли я победить Тристана в этом году. Я пытаюсь. Могу поспорить на свою задницу, я стараюсь изо всех сил, но, может быть, я немного перестаралась?

— Эй. — Я встряхиваю Зейда чуть сильнее, и он поднимает голову, такой сонный, пошатывающийся. Он такой чертовски милый, со своими растрёпанными зелёными волосами и татуировками, одно из колец в его губе торчит под странным углом. Я протягиваю руку и пальцем ставлю его обратно на место. — Ты уснул.

— Чёрт, — говорит он, смотрит на часы и затем снова стонет. — В одиннадцать часов? Серьёзно? — он собирает свои вещи, и библиотекари выходят вслед за нами, запирая за нами дверь. Обычно библиотека закрывается в восемь, но в конце года у них продлены часы работы. — Представьте себе всё то дерьмо, которое Гарпии могли бы натворить со мной, если бы я не храпел прямо на виду у стола библиотекаря, — произносит он, потирая лицо.

— Я думала, тебя не слишком заботят твои оценки? — спрашиваю я, задаваясь вопросом, действительно ли я когда-нибудь раньше видела, как Зейд учится. Ответ... нет. За три года я не припомню, чтобы с его стороны было много, если вообще было, попыток улучшить свои оценки

— Ага, ну, — бормочет он, но потом просто замолкает и зевает, а я слишком устала, чтобы настаивать на ответах. Джесси встречает нас примерно на полпути к башням и просит Миранду присоединиться к ней, чтобы перекусить поздно вечером в столовой. Обеденный зал тоже открыт до полуночи, пока не закончатся финальные экзамены.

— Иди, — говорит ей Зейд, беря меня под руку. — Я разберусь с этим.

— Спасибо, — отвечает Миранда, берёт свою подругу за руку и направляется в столовую. Одна из наших новых участниц Внутреннего Круга, Бриана Чоу, открывает дверь и следует за ними внутрь, под глазами у неё большие фиолетовые круги от усталости.

— Я слишком устала, чтобы есть, — признаюсь я, и Зейд улыбается.

— То же самое.

Мы возвращаемся в мою комнату, и я приглашаю его войти, улыбаясь, когда он падает на мою кровать. Я направляюсь на кухню, чтобы быстро заварить чашку ромашкового чая, чтобы мой измученный, но всё ещё работающий мозг мог немного поспать.

— Не хочешь чаю? — спрашиваю я, но Зейд не отвечает. Я снова проверяю его и обнаруживаю, что он уснул. У меня не хватает духу будить его снова, поэтому я снимаю с его плеча сумку с книгами и иду поставить её на стул в углу. Когда ядвигаю его, листок бумаги выпадает и, порхая, падает на пол.

Список для заявления в Борнстедский университет.

Таково название.

У меня перехватывает дыхание, и я снова перевожу взгляд на Зейда.

Это рок-звезда, солист группы «Afterglow», сын члена королевской семьи Билли Кайзера.

И всё же... он усердно учится и пытается поступить в один из самых престижных университетов страны.

Почему?

Из-за меня?

Я допиваю свой чай, медленно потягиваю его, наблюдая, как Зейд спит, а затем выключаю свет, прежде чем забраться в постель. Я прижимаюсь к нему всем телом и укрываю нас обоим одеялом. Не успеваю я опомниться, как тоже засыпаю, и твёрдая, тёплая форма тела Зейда приносит мне больше утешения, чем когда-либо мог принести ромашковый чай.

Следующая неделя — финальная.

Я почти не вижусь со своими друзьями. Я почти не целуюсь со своими парнями (это само по себе серьёзное преступление), и экзамены так сильно надирают мне задницу, что, когда наступает последний учебный день, я натыкаюсь на список на стене и нахожу имя Тристана над своим.

— Ах, ты, сукин сын! — я задыхаюсь, когда он ухмыляется и хватается за талию, притягивая к себе и целуя в шею сбоку.

— Мне потребовалось всего три года, чтобы победить тебя, — шепчет он, но я не злюсь. Второго места всё ещё достаточно, чтобы попасть в Борнстед, и я проиграла всего на долю процента. Кроме того, у меня всегда есть следующий год, чтобы искупить свой проигрыш.

— Третьекурсники могут пропустить церемонию, — говорит Зейд, догоняя нас. Крид, Винд и Зак не сильно отстают. На самом деле, вся школа собралась здесь, чтобы посмотреть на список, но они не проталкиваются вперёд. Они знают: когда Тристан Вандербильт находится впереди и в центре, толкаться недопустимо. — Может, нам прямо сейчас отправиться к озеру?

— Давайте так и сделаем, — говорю я, когда Миранда и Лиззи присоединяются к нам. У нас другие планы на ближайшие несколько дней, но мы собираемся, по крайней мере, заглянуть в пляжный домик и показаться там. Я просто надеюсь, что мне не придётся видеть

Гарпий или парней из Компании где-нибудь рядом с собой.

Такое чувство, что дух Харпер сломлен, но я знаю, что она просто выжидает своего часа.

В конце концов, она нанесёт ответный удар, и это будет ужасно.

Но сейчас я просто рада, что пережила третий год, сохранив свою жизнь, свои оценки и своё сердце нетронутыми.

— Не могу поверить, что ты победил меня, — стону я, сидя на водительском сиденье моего розово-золотого «Мазерати» с Виндзором на пассажирском сиденье, Кридом позади меня и пустым местом, где была бы Миранда, если бы она не целовалась с Джесси Мейкер на заднем сиденье Брианны Чоу в её жёлтом «Мустанге».

Тристан облакачивается на дверцу машины со стороны водителя с самой самодовольной ухмылкой, которую я когда-либо видела. Просто глядя на неё, мне хочется либо ударить его... либо схватить за лицо и целовать до тех пор, пока мы оба не перестанем дышать.

— Ты вторая в классе, и это всё равно большое достижение, — растягивает он слова, выпрямляясь и вытягивая руки над головой. — Для Работяжки.

— Ха-ха, очень смешно, — говорю я, поворачивая ключ в замке зажигания и заводя двигатель. Как третьекурсники, мы имеем право пользоваться пляжным домиком в Роял Поинт. Мы собираемся появиться там, а потом убраться оттуда ко всем чертям. Главный дом семьи Тристана — поместье Вандербильтов — находится не так уж далеко оттуда, а его отец уехал по делам за границу.

Вместо этого он пригласил нас всех провести там несколько дней.

Учитывая, что в прошлом году я чуть не погибла в Роял Поинт, я не против прогулять несколько часов.

Чарли уже дал согласие на поездку, так что я об этом не беспокоюсь. О чём я действительно беспокоюсь, так это о том факте, что Лиззи тоже там будет. По мере того, как проходили последние несколько недель года, она начала проводить с ним всё больше и больше времени, вплоть до того, что я с трудом находила минутку побыть с ним наедине.

Он наклоняется и запечатлевает тлеющий поцелуй на моих губах.

— О, чёрт возьми, мы уже можем ехать? — спрашивает Виндзор, когда Тристан отступает назад. Зейд ждёт рядом со своей машиной, которая припаркована рядом с машиной Зака, машет нам, а я улыбаюсь и выезжаю с парковки, изо всех сил стараясь не быть убитой десятками других студентов, жаждущих летних каникул. — Наконец-то. Подумал, что вы двое могли бы пожениться прямо там.

— О, ну конечно. — Я закатываю глаза, опускаю солнцезащитные очки и направляюсь по извилистой дороге, которую помню с прошлого года. «Мазерати» вписывается в повороты так же хорошо, как «Ламбо» Эндрю, и всего через несколько часов мы заезжаем на ту же стоянку, где на меня напала Компания/Гарпии. Мысленно я начала называть парней Компанией, а девочек — Гарпиями. Это сексизм? Не думаю.

Поверьте мне: я ненавижу их всех одинаково.

Мы поднимаем верх машины, оставляем наш багаж и спускаемся на фуникулёре — этом странном лифте, который меня так беспокоил в прошлом году — на пляж.

Гостевой дом не менее впечатляющий, чем домик, в котором мы останавливались в прошлом году, только немного меньше. В нём высокие потолки, стены из окон и несколько балконов с ревущими каминами.

Мы занимаем самый верхний балкон, жарим шашлык и пьём (алкоголь только для тех, кто не за рулём) и собираем вокруг себя нашу новую команду Голубокровных. Трудно не заметить Гарпий, наблюдающих за нами из-за угла, и тех немногих парней из Компании,

которые остались в их окружение.

Тристан проделал чертовски хорошую работу, подготовив нас к следующему году.

Надеюсь, на четвёртом курсе мне не придётся заикливаться на спорах, мести или прощении. Честно говоря, я просто хочу провести своё время в объятиях элиты, пяти красивых парней, которые настолько полностью перевернули мой мир, что меня тошнит от одной мысли о выборе между ними.

Но, в конце концов, мне придётся это сделать.

Потому что ни у кого в реальном мире нет пяти бойфрендов, особенно когда у всех пятерых есть обязательства или карьеры, которые они должны поддерживать. Даже если бы не всё это, ни один мужчина не захочет всегда делиться своей девушкой.

Я просто стараюсь наслаждаться тем временем, которое у меня осталось.

— Потанцуешь со мной? — спрашивает Зейд после того, как выпил, по крайней мере, три порции. Я беру его за руку и позволяю ему затащить меня в дом под пульсирующий басовый ритм. Люди расступаются с нашего пути, и я чувствую зависть в их взглядах, когда переключаюсь между Зейдом и Кридом, Заком и Виндзором.

Тристан стоит в стороне, потягивая из стакана то, что, я надеюсь, является водой, а не водкой, его стальной взгляд сосредоточен на мне. Он кажется почти... грустным? Но это не может быть правдой. Он только что одолел меня в учёбе впервые за три года. Я говорю себе, что это потому, что я слишком много взяла на себя с чирлидингом, оркестром и репетиторством, но... на самом деле, это потому, что Тристан — достойный противник.

Я прерываю танец, чтобы встать рядом с ним, обхватываю его рукой, как делала в Париже, закрываю глаза и вдыхаю его аромат мяты и корицы. Чистый и пикантный одновременно.

— Жаль, что я не могу разлить твой запах по бутылочкам, — говорю я ему, и это, по крайней мере, вызывает едва заметную улыбку на губах.

— Мм. Как бы ты его назвала? *Eau de «Мудак»?* (прим. — туалетная вода — парфюм)

— Я думала о *«Шелковистый член придурка»*. И вся реклама была бы о голом парне, закутанном в хандру, бегущем по волнам в лунный вечер, в то время как какой-то странный голос за кадром снова и снова шепчет *«Шелковистый член»*. — На этот раз Тристан смеётся от души, и я думаю, это немного пугает нас обоих.

Некоторое время мы молчим, наблюдая, как толпа редет, когда люди, в основном пары, начинают расходиться по своим комнатам или спускаться на пляж к костру или лодкам.

— Почему ты пытался сорвать мой тест? — спрашиваю я, потому что этот вопрос не даёт мне покоя с прошлого года. — Теперь я знаю, что ты пытался заставить меня уйти из академии, но... это на тебя не похоже. Даже когда ты ненавидел меня, ты знал, что я квалифицированный противник.

Тристан некоторое время молчит, потом вздыхает и смотрит на меня.

— Иногда мы делаем то, что считаем лучшим, даже если знаем, что это неправильно. Харпер запланировала ещё худшие вещи для твоих оценок. Всё, что я сделал, это перенаправил её. А потом я рассказала Зейду. Марни, я никогда так сильно не хотел никого и ни в чём превзойти, как победить тебя в оценках. — Я приподнимаю брови, но он ещё не закончил, ставя свой стакан на приставной столик и поворачиваясь, чтобы посмотреть на меня. — В моей жизни было только две ситуации: совершенно безнадёжная неудача в соответствии с ожиданиями моего отца и смехотворная лёгкость в отношениях с остальным

миром. Ты бросаешь мне вызов, Марни. Ты заставляешь меня хотеть быть лучше.

Мои глаза расширяются, но нас прерывает Лиззи, вытаскивая нас обоих на танцпол для последней песни, прежде чем мы снова отправимся в путь, в поместье Вандербильтов, и заглянем в личную жизнь Тристана, до которой я не думала, что когда-нибудь доживу.

— Срань господня, это что, гора Олимп, — выдыхаю я, стоя перед особняком Вандербильтов площадью в *сорок тысяч* квадратных футов. По словам Тристана, здесь есть две художественные галереи, бальный зал, зимний сад, библиотека, бильярдная, оружейная комната и... там так много чёртовых комнат, что я буквально не помню их все.

— Вполне возможно, — фыркает Зак, — потому что люди, которые здесь живут, думают, что они боги.

— О, как будто ты чем-то отличаешься, Брукс, — отвечает Тристан, проносясь мимо и направляясь вверх по ступеням белокаменного особняка. Персонал тепло приветствует его, что меня удивляет. Я решила, что Тристан из тех, кто относится к окружающим как к *прислуге*. Но на самом деле он *обнимает* пожилого седовласого мужчину. Обнимает. Сколько раз я видела, как Тристан Вандербильт кого-нибудь обнимал?

Мы направляемся в главный зал, и я сразу же поражаюсь количеству пространства и роскоши декора. На столе стопка бумаг и свежий цветочный букет размером с мою машину. Тристан хватает его и начинает раздавать карты.

Буквально карты. Карты его дома.

Может быть, если вам нужно давать людям карту вашего дома, он для начала слишком велик?

— Ваши комнаты отмечены, — объясняет он, подходя к одной из стен, чтобы указать на интерком. — Если вы заблудитесь или вам понадобится помощь в поиске чего-либо, просто нажмите кнопку на любом из них, и один из сотрудников сможет вам помочь. — Он замолкает на минуту, пока мы все изучаем карты, обращая внимание на наши имена, нацарапанные на странице. Хотя кажется, что здесь много комнат для гостей, он разместил нас всех на верхнем этаже, в восточном крыле, рядом со своей личной спальней.

Лиззи прикусывает губу, и я поднимаю взгляд, встречаясь с её янтарными глазами.

Ни от кого из нас не ускользнуло, что она живёт в одной комнате с Эндрю, в то время как у меня есть свой собственный люкс... прямо рядом с личными покоями Тристана.

— Пойдём, Черити, — нахально говорит Тристан, — я покажу тебе твою комнату. — Он берёт меня за руку и ведёт направо, через восточное фойе и банкетный зал, прежде чем мы, наконец, добираемся до лестницы. Остальные следуют за нами, пока мы поднимаемся по винтовой лестнице, и Тристан начинает направлять людей в их комнаты.

Персонал идёт за нами, нагруженный нашими сумками. Мне немного не по себе от того, что меня обслуживают другие люди, но теперь, когда я наверху и смотрю на дверь в спальню Тристана, я совершенно забываю об этом.

— Пойдём, — говорит он, увлекая меня вперёд, в гостиную, кабинет и, наконец... его комнату.

Мой взгляд сразу же падает на чёрное шёлковое покрывало на кровати.

— Это не комната, это... Вау, чёрт побери, Тристан.

Он отпускает мою руку, а затем подходит к бару с напитками и открывает его потайным ключом, который достаёт из-под растения в горшке. И снова меня так поражает непринуждённость, с которой он наливает алкоголь из стеклянного графина, что мне приходится потрясти головой, чтобы в ней прояснилось.

— Тебе нравится? — спрашивает он, поворачиваясь, чтобы посмотреть на меня, и протягивая бокал.

Я смотрю на напиток долго-долго, а потом отрицательно качаю головой. Тристан просто улыбается, и моя спина выпрямляется, когда я слышу, как Лиззи входит в комнату, как будто она бывала здесь много раз раньше.

— Ни капельки не изменилось, не так ли? — говорит она, забирая алкоголь из рук Тристана и залпом выпивая его. Она прислоняется спиной к стене в своих джинсовых коротких шортах и подтяжках, выглядя непринуждённо и круто, как я не уверена, что когда-нибудь смогу. На данный момент я как бы просто смирилась с тем, что я немного неуклюжая, малость несуразная, и это нормально.

— Уильям не любит перемен, — отвечает Тристан, подходя и становясь рядом с Лиззи. Я внимательно наблюдаю за ними, когда он наклоняется и открывает окно, впуская прохладный ночной ветерок. Здесь так тихо, что я не слышу ничего, кроме домашних звуков, далёкой совы и какого-то шороха в кустах, который мог бы быть оленем или енотом.

— Ты не возражаешь, если я спрошу, — начинаю я, когда Крид присоединяется к нам следующим, притягивая меня в свои объятия и крепко прижимая к себе. Я дрожу, гадая, собирается ли он прокрасться в мою комнату и присоединиться ко мне сегодня вечером. Мне бы этого хотелось. Мне бы этого очень хотелось. Переспав с ним всего дважды, я более чем готова к большему. — Как получилось, что у вашей семьи закончились деньги? Похоже, у вас всё хорошо.

Лицо Тристана становится напряжённым, когда он смотрит в окно на беременную округлость луны.

— У нас есть дома, яхты, машины, бизнес... но нет денежного потока и слишком много долгов. Даже если бы он продал всё, что у нас есть, Уильяму не хватило бы денег, чтобы вытащить нас из ямы. — Тристан оборачивается и кивает подбородком в сторону винного шкафа. — Угощайся, Кэбот.

— Без проблем, — растягивает слова Крид, крепко прижимаясь ко мне.

— Когда-нибудь скоро придёт дебитор, все наши активы будут арестованы, и... — Тристан замолкает, его глаза затуманиваются, а затем он просто качает головой, и этот слой надменного высокомерия обрушивается на его лицо каменной маской. — Не имеет значения. Не беспокойся об этом. — Остальные подходят, и разливают себе напитки.

В итоге мы оказываемся внизу, в кинотеатре, сидим небольшой группой на заднем ряду. На этот раз мы ставим серию фильмов о зомби, но все слишком заняты разговорами, чтобы обращать на него внимание.

Тристан, однако, кажется таким далёким, и я обнаруживаю, что большая часть моего внимания сосредоточена на нём... И на том, как Лиззи кладёт свою руку поверх его, слегка, интимно пожимая.

Скоро она сделает первый шаг, я это чувствую.

Но готова ли я к этому?

Крид действительно проскальзывает ночью в мою комнату, и мы часами поклоняемся телам друг друга. Когда я встаю утром, он всё ещё спит, поэтому я тихонько выхожу и спускаюсь по лестнице, чтобы найти кухню.

Верная себе, я теряюсь минут на двадцать, прежде чем нахожу дорогу в зал для завтраков. Тристан там один, он ест яичницу с беконом, блинчики и потягивает кофе. Сейчас он выглядит не на семнадцать — почти восемнадцать — скорее, ему под тридцать.

Внутри него так много тьмы.

Мои руки сжимаются в складках халата, и я пробираюсь в комнату, чтобы сесть рядом с ним. Он на мгновение поднимает взгляд, а затем протягивает руку и сажает меня к себе на колени.

— Ты в порядке? — спрашиваю я, но он ничего не отвечает. Вместо этого он пытается скормить мне кусочек бекона, который я, конечно же, принимаю. Его пальцы в конце концов касаются моих губ, и я дрожу, сглатывая.

— Всё хорошо, — говорит он, но звучит совсем не так.

Некоторое время мы сидим в тишине, и я просто наслаждаюсь ощущением его присутствия у себя за спиной. Когда я немного ёрзаю у него на коленях, он замирает совершенно неподвижно, одной рукой обхватывая меня за талию.

— Не испытывай меня, Черити, — шепчет он мне на ухо. — Я не очень приятный человек.

— Может быть, я хотела бы лично протестировать тебя и посмотреть, правда ли это? — шепчу я в ответ, снова ёрзая. Тристан внезапно встаёт, отодвигая стул, а затем смахивает свою тарелку на пол. Я перегибаюсь через стол, его бёдра располагаются позади меня, его твёрдость дразнит мою сердцевину.

— Вот так? — спрашивает он, и я чувствую боль внутри себя, которая говорит *да, именно так*. Но затем Тристан с рычанием отстраняется и запускает пальцы в свои тёмные волосы. — Ты слишком хороша для меня, Черити. Тебе следует бежать от меня, пока ты ещё можешь.

— Прекрати это, — бормочу я, поднимаясь в вертикальное положение и поворачиваясь к нему лицом. — Ты проделал долгий путь за прошедший год.

— Я — отрава, Марни. Я убиваю всё, к чему прикасаюсь. — Он поднимает пальцы и мгновение смотрит на свою руку, прежде чем перевести взгляд на меня. — Выбери кого-нибудь другого, кого угодно. Все они будут лучшим выбором, чем я.

— Не знаю, правда ли это, — говорю я, тяжело дыша, чувствуя отчаянную потребность заключить Тристана в объятия и утешить его. Когда, чёрт возьми, это случилось?! Он всегда был худшим хулиганом из них всех, самым замкнутым, а теперь... Мне нравится эта уязвимость. Я жажду этого.

— Это правда. Держись от меня нахрен подальше и избавь себя от душевной боли.

Тристан стремительно уходит, а дом такой большой и запутанный, что даже с картой я не могу найти его до конца дня.

Спустя четыре дня моего пребывания — и один ночной визит Зака — я нахожу старую игровую комнату с настольными играми, такими как «Четыре в ряд», «Скрэббл», «Монополия», «Клуэдо» и так далее. Их, должно быть, сотни. Я выбираю «Твистер» с полок и поднимаюсь наверх посмотреть, смогу ли я найти Тристана. Он был неуловимым и странным, и я трижды ловила его на том, что он тусовался только с Лиззи.

На этот раз, когда я вхожу в его комнату, он один.

Он поднимает на меня взгляд, и его лицо искажается выражением явного разочарования.

— Здесь пройдёт собрание Клуба Бесконечности, — произносит он, и я остаиваюсь, ставя игру в «Твистер» на приставной столик. — Через три дня.

Я подхожу и сажусь на кровать рядом с Тристаном, наши ноги так близко, что я чувствую тепло его тела сквозь чёрную ткань пижамных штанов. Это всё, что на нём надето.

Он без рубашки и безумно красив, современный Адонис, умоляющий о моём прикосновении.

«Ах, Марни, прекрати!» — но я ничего не могу с собой поделать. Я хочу прикоснуться к нему, так что... Я так и делаю. Собрав всю свою внутреннюю храбрость, я встаю, поворачиваюсь лицом к Тристану, а затем сажусь на него верхом так, чтобы мои колени оказались на кровати по обе стороны от его тела.

— Что именно это значит? — спрашиваю я, беря его лицо в ладони, и он закрывает свои прекрасные серые глаза.

— Это значит, что вы с Мирандой должны уехать. Это значит, что мой отец возвращается домой. Это значит... — он замолкает и просто прижимается своим лбом к моему. Через мгновение он подносит большой палец к моим губам, и я беру его в рот, слегка посасывая.

Дыхание Тристана прерывается, и он опускает руку, вместо этого обхватывая меня за талию и переворачивая нас так, что он оказывается сверху. Мы начинаем целоваться, и я обнаруживаю, что в своих прикосновениях он такой же расчётливый и жестокий, как и в повседневной жизни.

Мы много раз целовались раньше, но не так, как сейчас, наедине в тихой спальне в доме, где нет ни преподавателей академии, ни родителей. Это раскованно и восхитительно неправильно.

Тристан поднимает мои руки над головой и прокладывает дорожку поцелуев вниз по моему лицу к груди, ощущаю жар его рта поверх тонкой шёлковой ткани моей рубашки. Он облизывает ткань, медленно и томно, как будто у него есть всё время в мире, а затем, когда я уже собираюсь оттолкнуть его и умолять перестать дразниться, он берёт мой левый сосок в рот и посасывает его.

Как будто ниточка, соединяющая мой сосок с моей сердцевинкой, тянется и дёргается, умоляя о большем.

Тристан заканчивает тем, что его рот впивается в мой, руки неистово рвут на мне одежду, разрывая рубашку в спешке, чтобы почувствовать обнажённую грудь в своей ладони. Я стону и извиваюсь под ним, мои руки всё ещё прижаты, желание бушует во мне.

«Что ты делаешь, Марни?» — спрашиваю я себя, но на самом деле не знаю. Я не уверена.

Бёдра Тристана прижимаются ко мне, его твёрдая, горячая длина дразнит меня через шорты. Его дыхание учащается, а затем он левой рукой стягивает штаны. Он отодвигает мои шорты в сторону, и в тот же миг я чувствую, как его кончик прижимается ко мне.

Он смотрит на меня сверху вниз серым, как лезвие, взглядом, его правая рука всё ещё держит мои запястья, прижатыми над моей головой. Моя обнажённая грудь поднимается и опускается с каждым вдохом, но я ничего не говорю. Я не могу. У меня заплетается язык.

— Я так сильно хочу тебя, Марни, — говорит он, и я стону, прижимаясь к нему. Он закрывает глаза, как будто ему больно. Всего лишь один сильный толчок его бёдер, и мы были бы соединены вместе. Вместо этого он открывает глаза и просто снова смотрит на меня. — Я хочу трахать тебя до тех пор, пока ты не забудешь, что встречаешься с кем-то ещё, овладеть тобой так, чтобы ты стала только моей.

— Но? — шепчу я, и Тристан чертыхается, отстраняясь от меня и натягивая штаны, когда я сажусь. — Тристан, подожди.

— Я не могу этого сделать. Я, блядь, не могу этого сделать, Марни.

Он направляется в ванную, хлопает дверью, а затем включает душ. Я остаюсь на столько, сколько мне нужно, чтобы привести в порядок свою одежду.

В день собрания Клуба все нервно смеются. Я знаю, что мы все должны уехать самое позднее к двум, но прежде чем я уйду, прежде чем я отправлюсь навстречу закату, чтобы провести целое лето вдали от Тристана Вандербильта, я должна увидеть его снова.

Он снова в своей комнате, сидит на кровати в чёрной футболке и джинсах, уставившись в свой телефон. Он хмуро смотрит на меня, когда я вхожу.

— Прекрати это, — велю я, но он отворачивается и проводит пальцами по волосам.

— Поверь мне: ты не захочешь быть здесь, когда приедет Уильям. Он бьёт собственного сына. Представь себе всё то, что он мог бы сделать с тобой. Случаем благотворительности, девушкой не из нашего общества.

— Ты не сможешь оттолкнуть меня, — говорю я ему, хватая игру в «Твистер» и подходя к большому пустому месту на полу справа от его кровати. — Что бы ты ни делал, это не сработает. Я видела тебя настоящего, и это не то, что можно исправить.

— Я тебе не нравлюсь. Этого просто не может быть, — насмехается он, звуча очень похоже на Крида в ту первую ночь, когда мы...

— Почему? Потому что ты отчаянно предан, остр, как гвоздь, и единственный человек, известного мне, кто может не отставать от меня в учёбе? Или, может быть, это потому, что у тебя волосы цвета вороновых перьев, глаза цвета луны холодной ночью или пресс такой твёрдый, что им, наверное, можно колоть орехи?

— Колоть орехи? — эхом отзывается он, и я ухмыляюсь, раскладывая пластиковый лист со всеми цветными кружочками на нём.

— Да, типа, воткни грецкий орех между своим прессом, напрягись и вуаля. Пресс «Щелкунчик».

Тристан выдыхает, как будто, возможно, он просто слишком напряжён, чтобы смеяться. Без проблем. Я тоже. Всё, о чём я могу думать — это о нём сверху, о его члене, прижатом к моей сердцевине, и о том, сколько самообладания, должно быть, потребовалось ему, чтобы остановиться.

— Зачем, чёрт возьми, ты раскладываешь это на моём полу, — спрашивает он, когда я протягиваю ему спиннер и скидываю туфли. На мне атласное платье кремового цвета, которое Миранда настояла, чтобы я примерила, так что оно не идеально для игры, но, чёрт побери, Тристану Вандербильту нужно немного расслабиться.

— Это называется игрой. Ты когда-нибудь играл во что-нибудь из этого раньше? — я постукиваю пальцем по вертушке. — Мы даже можем заключить на это пари. Если я выиграю, ты должен будешь продолжать встречаться со мной до тех пор, пока либо ты, либо я не решим, что мы друг другу не нравимся. Если ты выиграешь, ты сможешь решить, продолжать ли встречаться со мной, независимо от причины.

Тристан прищуривает глаза и бросает спиннер на кровать.

— У меня нет на это времени. Мой отец будет здесь меньше чем через час. Тебе нужно уехать.

— Я не уеду, пока ты не поиграешь со мной. Это быстрая игра. И лёгкая. Или ты боишься, что я надеру тебе задницу? — я скрещиваю руки на груди и смотрю на него.

— Я всегда могу поднять тебя, вынести из своей комнаты и запереть дверь.

— Да, но это было бы совсем не весело, не так ли? — спрашиваю я, и Тристан хмурится.

— Хорошо. — Он щёлкает по спиннеру пальцем, и в итоге получается стрелка,

направленная в красную часть круга, и в четвертой части доски, которая указывает на ногу. — И что теперь?

— Правая нога на красном, — говорю я ему, хватая его за руку и поднимая на ноги. Я показываю ему, что делать, а затем хватаю спиннер. В обычной игре был бы судья, который крутил бы за нас и указывал ходы, но я всегда готова импровизировать. — Правая рука жёлтая.

Я присаживаюсь на корточки и кладу руку на одну из цветных точек, и Тристан закатывает глаза.

— Это глупая игра. Как тут вообще можно выиграть?

— Первый, кто упадёт или не сможет завершить свой ход — проигрывает, — говорю я, фыркнув. — Когда ни один из нас не сможет крутить спиннер, мы будем по очереди называть цвет или часть тела для движения друг другу. Я протягиваю ему спиннер, и у него выпадает синий, левая рука, он намеренно наклоняется надо мной, чтобы положить ладонь на нужное место.

Мы продолжаем, пока оба не запутываемся, и ни один из нас не может дотронуться до чёртового спиннера.

— Красный, — говорит он, и я облизываю губы, стратегически осматриваясь по сторонам.

— Правая рука, — добавляю я, и Тристан изо всех сил старается, чтобы у него получилось. В этот момент мы выглядим так, будто занимаемся продвинутой йогой. — Жёлтый, — говорю я, выбирая свой собственный цвет.

— Грудь, — шепчет он, и я хихикаю, почти теряя равновесие.

— Это не часть тела, — задыхаюсь я и чувствую, как он дрожит надо мной, изо всех сил стараясь удержаться на своём месте.

— Она самая, — рычит он, и я пожимаю плечами. Поскольку проще просто наклониться и прикоснуться грудью к карте, я делаю это. — Член.

— Это твой выбор части тела? — спрашиваю я, и он хмыкает. — Прекрасно... э-э, зелёный.

Тристан устраивается поудобнее, кладя свою промежность на коврик, так что мы оказываемся почти лицом к лицу. Он смотрит на меня, и я начинаю смеяться. Настолько сильно, что я падаю и оказываюсь непонятной кучей на полу. Тристан садится рядом со мной, тяжело дыша и обливаясь потом, а затем снимает рубашку, отбрасывая её в сторону.

— Ты проиграла пари, — произносит он, но не похоже, чтобы он был так уж рад победе. — Хочешь сыграть ещё раз? Всё или ничего? — я киваю и приподнимаюсь, встречая его пристальный взгляд на себе. Он протягивает руку и проводит пальцами по моему подбородку, и я вздыхаю.

Тристан отстраняется прежде, чем что-либо может случиться, и мы начинаем всё сначала.

На этот раз мы сразу называем части тела и цвета с самого начала.

Через несколько минут мы оказываемся лицом к лицу, рот ко рту. И поцелуй, который мы разделяем в этот момент... самый настоящий из всех, что у нас когда-либо были. Мы подходим к кровати, медленно целуемся, руки блуждают по телам друг друга, но это длится ровно до тех пор, пока не звонит будильник на телефоне Тристана.

Когда он выключается, он стонет и толкает меня, чтобы я легла рядом с ним.

— Уильям будет здесь с минуты на минуту. Тебе действительно нужно убираться

отсюда к чёртовой матери.

«Его взгляд подобен льду, но его пальцы словно огонь», — думаю я, когда мы смотрим друг на друга.

Я поднимаю руки, чтобы спрятать лицо, но Тристан ничего этого не замечает. Он опускает их и одаривает меня этой интимной, лёгкой улыбкой, на которую я не могу не ответить. Мы всё ещё лежим там и улыбаемся друг другу, как влюблённые идиоты, когда Лиззи открывает дверь и входит внутрь.

— Чёрт, я думал, она заперта.

Тристан садится и проводит пальцами по своим растрёпанным волосам цвета воронова крыла. Он выглядит почти... мило. То есть, если Тристан Вандербилт вообще способен быть милым. Конечно, он один из самых сексуальных парней, которых я когда-либо видела, но я не уверена, что слово «милый» — подходящее для него прилагательное.

Мои мысли блуждают, поэтому я нажимаю на тормоза и заставляю себя вместо этого посмотреть на лицо Лиззи. Она сейчас разбита вдребезги. Чувство вины захлёстывает меня, такое же неприятное, как удар под дых. Я не хотела, чтобы так произошло. Она, наверное, думает, что мы занимались сексом. Но нет. Всё, что мы делали, это играли в «Твистер», а потом целовались.

Хотя, говоря таким образом, это звучит почти так же плохо.

— Гости приезжают. — Лиззи смотрит на нас, и я не могу не испытывать к ней сочувствия. Что, если бы я оказалась в такой ситуации? Я была бы очень расстроена. Моё сопереживание пробуждается к жизни, и у меня скручивает желудок. — Уильям в ярости; он ищет тебя.

— Конечно, он в ярости. — Тристан хмурится и проводит рукой по вспотевшему лицу. — Я теперь не просто ублюбок, я позор.

Лиззи закрывает дверь, а затем прислоняется к ней спиной, встречаясь взглядом с Тристаном.

Несмотря на то, что внизу у меня есть ещё четверо парней, даже несмотря на то, что когда-нибудь в будущем мне придётся выбирать, я не хочу потерять Тристана сейчас.

— Что? — спрашивает он её, его тело напряжено, мышцы натянуты от напряжения.

Лиззи закрывает глаза, а затем осторожно снимает своё обручальное кольцо. Она снова открывает их, и её радужки окрашиваются яркими красками эмоций: любви, желания и отчаянной нужды.

— Я не знаю, что произойдёт, если я скажу своим родителям «нет», — говорит Лиззи, уставившись на кольцо. — Я думаю, они любят меня достаточно сильно, чтобы пережить это, но... Я не могу этого сделать. Я не могу выйти замуж за Марселя.

Поднимаясь на ноги, я провожу ладонями по переднему кремовому платью, чтобы разгладить складки. Хотя в этом нет смысла. Лиззи не смотрит на меня; единственный человек в этом доме, который существует для неё прямо сейчас, единственный человек, который имеет значение — это Тристан. Янтарные глаза сияют решимостью, Лиззи делает маленький шаг вперёд.

— Зачем ты мне это рассказываешь? — спрашивает Тристан, вставая и хватая свою рубашку. Он надевает её, а затем смотрит на неё с выражением, в котором в равной степени сочетаются разочарование и растерянность. — Мой отец вышел на тропу войны. Ты ему не нравишься, и ему не нравится Марни, и он не хочет, чтобы весь совет директоров Клуба Бесконечности ввалился в наш дом, чтобы вынести решение.

— Прямо сейчас меня не волнует Клуб, — выпаливает Лиззи, и моё сердце начинает бешено колотиться в груди, вторя пульсирующей точке, которую я вижу бьющейся у неё на горле. Она снова приближается к Тристану, но он не отвечает ей взаимностью. — Всё, что меня волнует — это ты, Тристан. Я люблю тебя.

В её словах нет ничего, кроме чистой, неподдельной правды. Впрочем, для меня это неудивительно: я ожидала этого с тех пор, как впервые увидела её.

Логичнее всего было бы отпустить Тристана, свести его и Лиззи вместе и сосредоточиться на четырёх других парнях, которые ждут меня внизу. Но дело в том, что сердце не использует логику для принятия своего решения. Даже сейчас я боюсь того будущего момента, когда мне придётся выбрать парня, когда мне придётся выбирать среди них.

Если Лиззи и Тристану суждено быть вместе, это случится. Я не буду ничего делать ни за, ни против этого.

Я прикусываю нижнюю губу.

Лиззи — хороший друг, но Тристан... он заставляет мою кровь петь.

— Я... — они оба смотрят на меня, когда это единственное слово срывается с моих губ. Дело в том, что как только я перестаю говорить, я не могу понять, что вообще хотела сказать.

К счастью, Виндзор здесь, чтобы снова спасти мою задницу. Он вальсирует в дверях, само воплощение беззаботности, весь такой красивый и опрятный, в своей форме третьекурсника. Очевидно, что ему было наплевать на предстоящее заседание Клуба Бесконечности.

— Уильям Вандербилт — умный человек, не так ли? — говорит он, слегка улыбаясь мне.

— Почему это? — спрашивает Тристан, вздыхая и игнорируя все признания Лиззи. — Что он натворил на этот раз?

— Он нашёл кого-то, кто заплатит его взносы в Клуб. — Виндзор наблюдает за выражением лица Тристана, когда тот сжимает челюсти. — Но не твои. Только свои. Он уже пустил слух, что отрекается от тебя.

Тристан притворяется, что ему всё равно, но есть малейший намёк на то, что его глаза расширятся.

— Ясно.

Он говорит спокойным голосом, но за его словами скрывается очевидная боль. Всё, что я хочу сделать, это утешить его, но Лиззи опережает меня, протягивая к нему руку. Тристан отстраняется, и её лицо вспыхивает от боли.

— Я заплатил за тебя, — говорит ему Виндзор, и на этот раз, я думаю, мы все удивлены. Тристан смотрит на принца широко раскрытыми серыми глазами, но Винд просто засовывает руки в карманы и улыбается. — Моя принцесса получит всё, что захочет. И она не хотела бы, чтобы ты остался бездомным и тебя выгнали из Бёрберри. — Виндзор делает шаг вперёд и разглаживает ладонями несколько складок на рубашке Тристана. — Он также отменил оплату твоего обучения. Но ты ведь уже знал это, верно?

Я разеваю рот от этой новости, поглядывая на Тристана. Он, с другой стороны, кажется, совсем не удивлён этим.

— Ты знал, что не вернёшься в академию в следующем году, это так? — спрашиваю я, но Тристан просто смотрит на Виндзора, ожидая продолжения. От принца всегда ждёшь

нечто большего.

— Её я тоже оплатил. Так что... Я полагаю, Марни — не единственный случай благотворительности в академии, да? — Винд ухмыляется, и в этом есть что-то пугающее, как будто он наслаждается этим моментом по совершенно неправильным причинам. И всё же он сделал это для меня. Я этого не забуду. — Ты сможешь поблагодарить меня позже. А пока нам нужно посетить заседание Клуба.

Не говоря ни слова, Тристан поворачивается и выходит из комнаты, захлопнув за собой дверь ванной.

— Вам, миледи, придётся уйти. Миранда ждёт тебя снаружи. Посторонним вход воспрещён. — Виндзор делает шаг вперёд и убирает прядь рыжих волос со лба. Его карие глаза мерцают озорством, когда он протягивает руку и запускает пальцы в мои золотисто-розовые локоны.

— Ты позаботишься о Зейде, Криде и Заке вместо меня, верно? — спрашиваю я не потому, что думаю, что они действительно нуждаются в помощи, а потому, что начинаю смотреть на Виндзора как на свою правую руку. Если возникнут какие-то непредвиденные обстоятельства, я знаю, что он хорошо соображает на ходу. — Ты уже позаботился о Тристане.

Я бросаю взгляд на Лиззи, но она как раз собирается уходить, подперев голову рукой. Я не виню её за то, что она расстроена; я бы тоже расстроилась.

— Я позабочусь о них, — обещает Виндзор, заключая меня в объятия и целуя в уголки моих губ. Он дразнит меня, как всегда, заставляя желать большего. — Миранда говорит, что она уже позвонила твоему отцу, и он сказал, что всё будет в порядке, если она поживёт у тебя несколько дней.

— А после? Я понятия не имею, как долго длится настоящая вечеринка в Клубе Бесконечности.

— После этого... — начинает Виндзор, как раз в тот момент, когда Зейд, Крид и Зак входят в комнату.

— Пора сматываться, детка, — говорит мне Зейд, нервно заламывая свои татуированные руки. Мне это не нравится, видеть, как такой беззаботный человек, как он, нервничает. К чёрту Клуб Бесконечности и всё, за что он выступает. Это просто предлог для богатых хулиганов придирается к менее удачливым и называть это игрой.

— Там есть боковой вход, — произносит Крид, лениво прислоняясь к дверному косяку. У него такой острый взгляд, который говорит о том, что он готов драться, если понадобится. — Через бальный зал. Я тебе покажу. Я уже попросил Миранду переставить твою машину.

Зак набрасывает мне на плечи свою Леттермановскую куртку и запечатлевает поцелуй на моей щеке, его полные губы плотно сжаты, в глазах пляшут тёмные огни. Он примерно так же рад всей этой ситуации, как и я.

— Не делайте ничего, чего не сделала бы я, — говорю я им, в последний раз выглядывая из окна Тристана и обнаруживая Харпер, вылезавшую из своей машины. Здорово. Я резко выдыхаю и поворачиваюсь к двери, чтобы последовать за Кридом.

— Езжай осторожно, Марни, — шепчет Зак, когда я прохожу мимо, и я машу ему в последний раз, прежде чем удалиться в свою комнату, чтобы забрать свои сумки.

Вся эта ситуация кажется драматичной, но я знаю, что для нас, ребят из академии, это просто ещё одно лето.

Сегодня мы замысливаем интриги. На прошлой неделе мы отомстили друг другу. Завтра мы, наверное, пойдём на пляж.

Один год, один выбор, одно невероятное будущее.

Кто бы мог подумать, что быть новенькой будет так чертовски трудно.

Поездка домой спокойная, только извилистые дороги, холмы и солнечный свет. Океан сверкает слева от нас, когда мы едем по прибрежному маршруту обратно в Круз-Бей и крошечный съёмный домик Чарли на окраине эксклюзивного района Гренадин-Хайтс.

Мы с Мирандой почти не разговариваем, пока не приближаемся к дому.

— Что случилось? — спрашивает она, и я приподнимаю бровь, мельком взглянув на неё, прежде чем снова перевести взгляд на дорогу. Возможно, я чересчур осторожный водитель, но это лучше, чем безрассудство, верно?

— Случилось? — спрашиваю я, и она вздыхает, откидываясь на спинку сиденья, так что её белокурые волосы разлетаются во все стороны. На ней большие блестящие серебристые очки, и она поднимает их, чтобы посмотреть на меня своими ледяными голубыми глазами.

— Да, случилось. Между тобой и Тристаном. Ты исчезла наверху, и мы не смогли тебя найти.

Мои щёки вспыхивают, и я знаю, о чём она думает. Конечно же, она предположила, что мы занимались сексом. Но с Тристаном секс — это нормально. Слишком легко. Для него это способ выразить эмоции без необходимости на самом деле признавать их. Нет, это не то, что мы сделали.

— Мы играли в «Твистер», а потом целовались и обнимались. — Миранда смеётся, но только на секунду. Потом она понимает, что я говорю серьёзно, и изумлённо смотрит на меня, её губы блестят от розового блеска. К нему прилипли пряди её волос, когда мы сворачиваем в Круз-Бей.

— Вы обнимались? — спрашивает она, и я киваю. Она издаёт этот наполовину скулящий, наполовину стонущий звук. — Ты определённо выберешь его, да?

— Я пока никого не выбираю, — бормочу я, когда мы замедляемся и становится немного легче общаться без этого ветра в лицо. — Я переспала с твоим братом, но ты беспокоишься из-за игры в «Твистер»?

— Э-э, да. Секс — это... просто секс. Но кто-то, с кем ты можешь провести весь день и не осознавать, сколько времени прошло? Кто-то, с кем ты можешь хорошо провести время? Кто-то, с кем ты можешь — быть маленькой *ложечкой* — и уютно прижиматься? Вот это настоящие вещи.

Я не отвечаю, сворачивая на подъездную дорожку и обдумывая эту информацию в уме.

Только когда я вылезая из машины, до меня доходит, что на улице припаркован кремовый «Кадиллак».

Дженнифер здесь.

— Мамочкины проблемы? — спрашивает Миранда, когда я поджимаю губы и киваю, хватаю свои сумки с заднего сиденья кабриолета и направляюсь внутрь. На улице так ярко и солнечно, что мне приходится щуриться, когда я вхожу в гостиную, Миранда следует за мной по пятам.

Как только я вижу, что меня ждёт, я полностью останавливаюсь, и моя лучшая подруга, влюблённая в меня, врезается мне в спину.

— Что за... — начинает она, а затем замолкает, переводя взгляд с меня на девочку-подростка, которая выглядит точь-в-точь как я, сидящую на диване между Дженнифер и Чарли. У него слёзы на глазах, когда он смотрит на меня, а Дженнифер... у неё большой,

круглый живот и улыбка на всё лицо.

— Марни, — говорит она, с заметным усилием поднимаясь на ноги. Она стонет, и ей приходится протянуть руку, чтобы удержаться на ногах. Папа мгновенно вскакивает, чтобы поддержать её, хотя сам выглядит немного пошатывающимся. Я чувствую эту больную, тёмную тень внутри себя, которая шепчет о том, насколько хуже он выглядит с тех пор, как я видела его в последний раз, как сильно он похудел. Чёрт. Дженнифер отмахивается от него, а затем наступает неловкий момент тишины, когда мы просто смотрим друг на друга. — Марни, я хотела бы познакомить тебя с твоей младшей сестрой, Изабеллой Кармайкл.

Моё сердце превращается в лёд, проваливается в желудок и разбивается на миллион маленьких кусочков.

Мои карие глаза встречаются с глазами Изабеллы, и то, как она улыбается мне... напоминает мне кое о чём. Мне требуется секунда, чтобы осознать, что именно, но как только я это делаю, у меня холодеет внутри.

Её улыбка... она напоминает мне о подлых богатеньких девчонках, которых я уже знаю и ненавижу.

Фан-блять-тастика.